

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования

**«Российский государственный гуманитарный университет»
(ФГАОУ ВО «РГГУ»)**

На правах рукописи

Хорошевский Георгий Александрович

Становление и развитие отношений РФ и ФРГ в 1994-2005 гг.
Специальность 5.6.7 – История международных отношений и внешней
политики

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Научный руководитель:
доктор исторических наук,
профессор
Ростиславлева Наталья Васильевна

Москва 2026

Оглавление

Введение	3
Глава 1. Отношения РФ и ФРГ в контексте эволюции Европейского союза	42
1.1. Развитие институциональных механизмов ЕС и их значение для российско-германских отношений	42
1.2. Договорные режимы ЕС в отношении России.....	54
1.3. Особенности экономического взаимодействия между странами на европейском уровне	66
1.4. Участие ФРГ в формировании научно-технического сотрудничества в европейском измерении	80
Глава 2. Особенности развития отношений РФ и ФРГ на межгосударственном уровне	92
2.1. Политико-правовая рамка двусторонних отношений	92
2.2. Трансформация риторики и политических установок в российско-германских отношениях.....	101
2.3. Особенности развития экономических отношений между РФ и ФРГ на двустороннем уровне взаимодействия	111
2.4. Культура, образование и наука как проводники доверия между Москвой и Берлином.....	120
Заключение.....	136
Список источников и литературы.....	140
Приложения	167
Приложение 1 – Распределение голосов в Совете ЕС в рамках Ниццкого договора*	167
Приложение 2 – Матрица влияния на международные отношения дорожной карты по созданию 4 совместных пространств.....	168
Приложение 3 – Структура накопленных германских ПИИ в страновом разрезе, млн долл.*	171
Приложение 4 – Лидеры по накопленным ПИИ в России*	172
Приложение 5 – Сдвиги в структуре накопленных германских ПИИ*	174
Приложение 6 – Стратегические инициативы по укреплению двухстороннего научно-технического сотрудничества с Россией (страновой разрез, перспектива 3 и 5 лет)*	175
Приложение 7 – Обобщенная карта российско-германских торговых отношений	176
Приложение 8 – Блок-схема специфики причин развития российско-германских товарных отношений	177

Введение

Актуальность исследования определяется тем, что российско-германские отношения в постбиполярную эпоху оказались одним из ключевых «узлов» европейской политики: именно по линии Москва – Берлин в концентрированном виде проявлялись одновременно и возможности кооперации, и пределы сближения России со стремительно меняющейся Европой.

В современных условиях, когда архитектура европейской безопасности переживает затяжной кризис и происходит пересборка внешнеполитических ориентиров ведущих государств, растет потребность в исторически выверенном анализе того, как и на каких условиях формировались механизмы взаимодействия России и Германии в период, предшествовавший дальнейшей радикализации противоречий. Реконструкция логики институционального оформления отношений, анализ накопленных противоречий и, наоборот, устойчивых сюжетов повестки, позволят глубже понять современное состояние международных отношений.

Особую актуальность в этой связи приобретает рассмотрение российско-германского взаимодействия как двухуровневого процесса, развивавшегося одновременно в межгосударственном формате и в более широком общеевропейском контуре. Такой подход обусловлен тем, что с одной стороны, Германия выступала как самостоятельный актор с собственными интересами, исторической памятью и внутреннеполитическими ограничениями; с другой ФРГ являлась ведущим участником Европейского союза, действующим внутри сложной системы норм, процедур и механизмов принятия коллективных решений.

В результате диалог с Москвой приобретает те же очертания. Помимо взаимоотношений избранных национальных элит на него воздействовали

глобальные общеевропейские тренды: институциональное развитие ЕС, его расширение, а также конкурирующие друг с другом представления стран о мире и безопасности в Европе.

В этой исследовательской перспективе принципиально важным становится период 1994–2005 гг., который представляет собой содержательно целостный этап, когда российско-германский диалог приобрел устойчивые форматы и развивался уже не только в межгосударственной логике, но и в связке с общеевропейскими нормами и процедурами. Именно в этот временной отрезок происходит одновременное расширение повестки и институционализация каналов кооперации, но вместе с тем все отчетливее проявляется разрыв между плотностью договорно-правового оформления и реализацией достигнутых договоренностей.

Указанная совокупность обстоятельств определяет и научную проблему диссертационного исследования: при наличии разветвленной договорно-институциональной базы и расширяющейся повестки российско-германское взаимодействие в 1994–2005 гг. не трансформировалось в устойчивый механизм сотрудничества, способный воспроизводиться в условиях внешних и внутренних вызовов. Следовательно, требуется выявить условия и механизмы, определявшие траекторию отношений в правовой, политической, экономической и гуманитарно-научной сферах, а также установить причины расхождения между нормативным наполнением и практикой международного взаимодействия.

Тем самым обращение к российско-германским отношениям 1994–2005 гг. позволяет реконструировать внутреннюю логику их развития: от оформления базовых рамок и расширения сфер кооперации до проявления структурных ограничений, связанных с различиями в ожиданиях, и конкурирующими трактовками европейского порядка, которые совместно создавали уникальную систему взаимовлияния.

Терминология. Важное понятие для диссертационного исследования – это термин «*Zivilmacht*» (гражданская сила по А.С. Макарычеву¹). Впервые в таком виде термин был предложен в начале 1970-х Франсуа Дюшеном, политическим советником «отца Европы» – Жана Монне. Ф. Дюшен описал феномен через качественные признаки: Европейское сообщество может рассматриваться как «гражданская сила», поскольку опирается на дипломатию, экономическую и политическую мощь, институциональную многосторонность и отказ от применения военной силы как обычного инструмента внешней политики².

Распространение «*Zivilmacht*» в академической дискуссии актуализировалось в 1990-е годы. В этот период немецкий политолог-институционалист Ганс В. Маулль разработал собственный вариант концепции для анализа внешней политики ФРГ и Японии, которые, по его мнению, стали прототипами нового типа гражданской силы.

Обобщая, исследователь выделил следующие признаки гражданской силы: *Монополизация насилия государствами* и постепенное утверждение принципа неприемлемости любого организованного насилия, кроме случаев самообороны; *Обеспечение стабильной политической основы для рынка* как условия устойчивого развития международных связей; *Установление верховенства закона* – государства добровольно ограничивают свой суверенитет нормами международного права, допускают международный контроль за соблюдением этих норм и поддерживают коллективные меры против их нарушителей. *Вовлечение граждан* в процесс выработки

¹ Макарычев А. Германская политика на востоке Европы: дебаты о нормах и нормализации // Форум новейшей восточноевропейской истории и культуры – Русское издание. 2013. № 1. С. 56-58.

² Duchêne F. Die Rolle Europas im Weltsystem: Von der regionalen zur planetarischen Interdependenz // *Zivilmacht Europa – Supermacht oder Partner?* Frankfurt am Main, 1973. S. 11-35.

международно-политических решений; *Стремление к социальной справедливости* во внутренних и международных отношениях³.

Вопрос о том, являются ли эти признаки достаточными или необходимыми остается дискуссионным. В критической работе Карен Смит⁴ высказывается мысль о том, что все признаки являются необходимыми, а ЕС после 2000-х гг. отходит от соответствия им. В этой стезе выглядит уместным предложение математического подхода: чем больше признаков соблюдается, тем с большей долей вероятности можно установить соответствие с гражданской силой. Опираясь на этот подход, все признаки можно объявить достаточными.

Возвращаясь к исследованию позиций авторов: на данном этапе, можно выявить первое различие: если Ф. Дюшен задавал целевую установку европейской «гражданской силы», то Г. Маулль синтезировал набор задач и поведенческих ориентиров, необходимых для достижения этих целей в постбиполярном контексте. Дополнительно можно различить и субъектность: у Ф. Дюшена речь идет прежде всего о Европейском сообществе/ЕС, тогда как Г. Маулль склонен оперировать разрядом государств (ФРГ, Япония), которые могут воплощать логику *Zivilmacht* в национальной внешней политике.

Следующий этап эволюции понятия связан с «практическими стресс-тестами» конца 1990-х – начала 2000-х гг.: участие ЕС и ФРГ в миротворческих операциях и ограниченных военных миссиях (Балканы, Афганистан и др.) вызвало дискуссию о том, сохраняется ли статус «гражданской силы» в чистом виде. Коллектив авторов (Пехливатюрк В., Демитрас П.⁵) указывали на эрозию «исключительно гражданского» характера ЕС и на необходимость более критической оценки его внешней политики.

³ Maull H. Germany and Japan: The New Civilian Powers // Foreign Affairs. 1990. Vol. 69, № 5. P. 91-106.

⁴ Smith K. E. Beyond the civilian power debate // Politique Européenne. 2005. № 1 (17). P. 63-82. URL: <http://eprints.lse.ac.uk/812/1/BeyondPDF.pdf> (дата обращения: 22.07.2025).

⁵ Pehlivatuerk B., Demitras B. Civilian Powers and Contemporary Global Challenges // Perceptions. 2018. Vol. 23, № 1. P. 1-7. URL: <https://dergipark.org.tr/en/download/article-file/815431> (дата обращения: 01.08.2025).

В ответ на эти вызовы сам Г. Маулль в последующих работах (с начала 2000-х)⁶ скорректировал идеалистические ожидания и сместил акцент к анализу внешнеполитической культуры, ролевых установок и «сдержанного, правомочно легитимированного» применения силы как крайнего средства. Дополнительно, если первоначально в фокусе концепции были преимущественно такие акторы как ФРГ и Япония, то позднее признано, что и другие государства (а также ЕС) могут действовать в логике гражданской силы при наличии соответствующих институциональных и культурных условий.⁷

Знаковым рубежом в переосмыслении концепта стали события 2014 г., которые подтолкнули Г. Маулля⁸ к аргументации о необходимости дальнейшей трансформации идеи *Zivilmacht*. Автор обозначает разрыв между прежней ценностной, пацифистской повесткой и расширяющимся «окном Овертона» по применению силовых инструментов в европейском пространстве. Итог этой работы – вопрос о будущем термина и призыв к дальнейшей аналитической работе по его уточнению и трансформации.

Рассмотрев эволюцию термина, автор предлагает определять гражданскую силу как актора, последовательно проводящего внешнюю политику, основанную на мирном разрешении конфликтов, многостороннем сотрудничестве и верховенстве права. В политике актор опирается на экономические, дипломатические и культурные инструменты вместо военной силы и подкрепляет свои действия развитием институциональных механизмов международного взаимодействия.

⁶ Maull H. W. Germany and the Use of Force: Still a 'Civilian Power'? // *Survival*. 2000. Vol. 42, № 2. P. 56-80. URL: <https://ir101.co.uk/wp-content/uploads/2019/01/Maull-Germany-and-the-Use-of-Force.pdf> (дата обращения: 19.07.2025).

⁷ Tewes H. What Is Civilian Power? // *Germany, Civilian Power and the New Europe. New Perspectives in German Political Studies*. London, 2002. P. 9-32.

⁸ Maull H. W. Deutsche Außenpolitik Nach der "Review 2014": *Zivilmacht 2.0?* // *Zeitschrift Für Politik*. 2015. Vol. 62, № 3. S. 323-341. URL: <http://www.jstor.org/stable/43775877> (дата обращения: 18.07.2025).

Степень изученности темы

В силу того, что исследовательская работа выполнена на основе сопоставления исторического опыта ФРГ и РФ как на региональном (система отношений ЕС-РФ-ФРГ), так и на двустороннем (система отношений ФРГ-РФ) уровне, автор должен был обратиться к значительному массиву научной литературы как зарубежного, так и российского происхождения. Проведенный анализ историографии позволяет структурировать всю релевантную литературу по двум основным блокам.

Первый блок включил в себя исследовательские работы, посвященные анализу комплекса отношений между ЕС и РФ.

Одним из стержневых направлений выступает *эволюция правового измерения отношений*. Поскольку ЕС – сложная наднациональная и многоуровневая конструкция, ряд *отечественных* авторов исследует, как процессы европейской интеграции сказываются на диалоге с Россией.

Здесь показателен корпус работ Ю. А. Борко⁹, последовательно реконструировавшего динамику развития ЕС вплоть до недавних событий. В примечательной статье «Россия – Евросоюз: состоялось ли стратегическое партнерство?» он приходит к выводу, что, несмотря на декларируемые цели, партнерство не сложилось; при этом стороны оставались ключевыми прагматическими экономическими контрагентами. Похожие выводы, но на ином эмпирическом и методологическом материале, представлены и другими исследователями.

⁹ Борко Ю. А. От европейской идеи – к единой Европе. М., 2003. 463 с. ; Его же. Европейский Союз на пороге XXI века. Выбор стратегии развития. М., 2001. 471 с. ; Его же. Взаимосвязь процессов расширения и углубления европейской интеграции // Расширение Европейского Союза и Россия. М., 2006. С. 11-42 ; Его же. Россия – Евросоюз: состоялось ли стратегическое партнерство? // Современная Европа. 2014. № 2. С. 19-30 ; Его же. Свет и тени европейской интеграции // Россия в глобальной политике. 2007. Т. 5, № 1. С. 46-59; Борко Ю. А., Данилов Д. А. Россия – Европейский Союз: стратегия стратегического партнерства. М., 2005. 76 с.

Например, свою концепцию преодоления разрыва между целями и реальностью предложил Т. В. Бордачев¹⁰, апеллируя к возможности «большой сделки» – ряду взаимных компромиссов между Россией и Европой перед лицом вызовов XXI века. Фактически, обозначая возможность сосуществования на основе баланса интересов.

К. К. Худoley¹¹, в сборнике под редакцией А. Мошеса анализировал первые последствия восточного расширения ЕС для отношений с Россией, указывая на новые возможности и новые проблемы политического и правового характера.

Объединяющим выводом этих работ выступает то, что в 2000 гг. назрела необходимость переосмыслить формат взаимодействия между странами: от «романтических» ожиданий 1990 гг. перейти к более контрактному, эпизодическому и взаимодействию, обеспеченному новыми правовыми форматами.

В плоскости юридических вызовов, которые могут возникнуть при построении этих форматов на уровне ЕС-РФ Т. А. Романовой¹² были выявлены конфликтные зоны в логике применения законов в ЕС и России. Ее наблюдения дополняют исследования частных правовых режимов и их политического применения (Л. О. Бабынина¹³; Г. Р. Шайтхудинова¹⁴). Комбинируя логику этих работ, можно увидеть потенциальные узкие места и зоны конфликта сторон при построении совместного правового пространства.

¹⁰ Бордачев Т. В. Новый стратегический союз Россия и Европа перед вызовами XXI века: возможности «большой сделки». М., 2009. 298 с.

¹¹ Худoley К. К. Отношения России и Европейского Союза: новые возможности, новые проблемы // Россия и Европейский союз: переосмысливая стратегию взаимоотношений. М., 2003. С. 8-30.

¹² Романова Т. А. Евросоюз как нормативная сила и проблемы ее восприятия в России как барьер на пути политико-правового сближения // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2011. № 1. С. 52-66.

¹³ Бабынина Л. О. 20 лет Маастрихтскому договору: куда движется Европейский союз? // Вестник Московского университета. Серия: Международные отношения и мировая политика. 2012. № 2. С. 4-19.

¹⁴ Шайтхудинова Г. Р. Принцип гибкости в Амстердамском договоре 1997 года // Вестник Чувашского университета. 2006. № 5. С. 71-83.

Отдельно следует выделить статью А. М. Филитова¹⁵, анализирующую исторические условия для формирования немецкого самосознания. В логике текста этот труд был использован для доказательства обоснованности немецкого политического вектора на углубление интеграции в европейское пространство на фоне кризиса самого понятия «национальности».

Анализируя состояние *зарубежной* дискуссии, можно заметить тренд обозначения ЕС как «нормативной силы» (сила, транслируемая с помощью нормотворчества) международных отношений.

Проблематика вовлечения ЕС как актора такого порядка в трансатлантический и европейский контексты была изучена Д. Крюгером¹⁶, Е. Крамером¹⁷, П. Боровски¹⁸. Исследователи выдвинули тезис о том, что на ранних этапах интеграции нормативные устремления ЕС к миру и стабилизации международной среды существовали, но постоянно ограничивались геополитическими реалиями и необходимостью поддерживать связь с США.

С другой стороны, М. Баун¹⁹, Ф. Лаурсен²⁰, А. Моравчик²¹ подчеркивали ценностную ориентацию внешней политики ЕС как нормативной силы, но именно с опорой на их работы можно прийти к выводу, о том, что масштабы

¹⁵ Филитов А.М. Германская нация и германское национальное сознание в исторической ретроспективе // Журнал политической философии и социологии политики «Полития. Анализ. Хроника. Прогноз», №. 2, 2005, С. 22-38.

¹⁶ Krüger D. Sicherheit durch Integration? Die wirtschaftliche und politische Zusammenarbeit Westeuropas 1947 bis 1957/58. München, 2003. 567 s.

¹⁷ Kramer E. Europäisches oder atlantisches Europa? Kontinuität und Wandel in den Verhandlungen über eine politische Union 1958-1970. Baden-Baden, 2003. 331 s.

¹⁸ Borowsky P. Die westeuropäische Integration 1963-1974 // Bundeszentrale für politische Bildung. 2002. URL: <https://www.bpb.de/shop/zeitschriften/izpb/zeiten-des-wandels-258/10114/die-westeuropaeische-integration-1963-1974/> (дата обращения: 29.07.2025).

¹⁹ Baun M. J. The Maastricht Treaty as High Politics: Germany, France, and European Integration // Political Science Quarterly. 1995-1996. Vol. 110, № 4. P. 605-624. URL: <https://www.jstor.org/stable/2151886> (дата обращения: 18.07.2025).

²⁰ Laursen F. The Maastricht Treaty: A Critical Evaluation // Academia. 2016. URL: https://www.academia.edu/21353668/The_Maastricht_Treaty_A_Critical_Evaluation_EIPAScope_1992 (дата обращения: 13.07.2025).

²¹ Moravcsik A., Nicolaïdis K. Explaining the Treaty of Amsterdam: Interests, Influence, Institutions // Journal of Common Market Studies. 1999. Vol. 37, № 1. P. 59-85.

применения этой силы и глубина интеграции зависела от интересов отдельных государств-членов и их готовности делиться суверенитетом с ЕС.

Особую значимость для работы в аспекте практического применения нормативной силы к международным отношениям несут работы Х. Тиммермана²² и А. Маасса²³, где авторы приходят к выводу о том, что нормативная повестка ЕС столкнулась с жесткой геополитической реакцией. Чем активнее ЕС пытался «экспортировать нормы», тем сильнее Москва видела в этом угрозу и реагировала в логике силового сдерживания, что стало особенно очевидным после расширения ЕС на Восток.

Работы, ориентированные на *анализ политического контекста* международных отношений, вносят разнообразие в исследовательскую оптику. Вопросы генезиса отношений РФ и ЕС были рассмотрены в работе *отечественного* исследователя С. И. Водорезова²⁴.

Спектр проблем ЕС как наднационального органа, обеспечивающего безопасность на европейском континенте, был выявлен в работах Н. К. Арбатовой²⁵. Конкретизацию проблематики на примере конфликтных кейсов можно найти в работах Д. А. Данилова²⁶, который провел анализ действий ЕС как актора в периметре безопасности в 1990 гг. и О. А. Барабанова²⁷, тщательно изучившего реакцию Европы на кризис в Югославии в 1993 г.

²² Timmermann H. EU-Russland: Hintergründe und Perspektiven einer schwierigen Beziehung // Institut fuer Europäische Politik Archive. URL: <http://archiv.iep-berlin.de/wp-content/uploads/2017/04/Timmermann-EU-Russland.pdf> (дата обращения: 13.07.2025).

²³ Maass A. S. EU-Russia Relations, 1999-2015: From Courtship to Confrontation. London, 2016. 203 p.

²⁴ Водорезов С. И. Становление отношений России и Европейского Союза // Вестник Брянского государственного университета. 2009. № 2. С. 16.

²⁵ Арбатова Н. К. Стратегическая автономия Европейского союза: реальность или благое пожелание? // Полис. Политические исследования. 2019. № 6. С. 36-52 ; Ее же. Влияние кризиса на внешнюю и оборонную политику Европейского союза // Мировая экономика и международные отношения. 2013. № 8. С. 3-21.

²⁶ Данилов Д. Россия в большой Европе: стратегия безопасности // Современная Европа. 2000. № 2 (2). С. 50-62.

²⁷ Барабанов О. А. Европейское сообщество и югославский кризис в конце 1990-1993 гг. // Омский научный вестник. 2013. № 2. С. 26-30.

Подход и проблематика *зарубежных* исследователей в определении содержания отношений на европейском уровне, как правило, отличны от оптики российских исследователей.

Например, в работах М. Эмерсона²⁸, В. Кнелагена²⁹ раскрывается амбиции ЕС как нового геополитического актора, объединяющего под своим началом единое европейское пространство от Лиссабона до Владивостока. Схожая мысль и эволюция реакции РФ на такой подход подробно проанализирована в работе А. Цыганкова³⁰.

Взаимосвязь политической структуры Германии и ее европейской политики раскрыта в исследованиях Г. Шпангера³¹, а фундаментальный анализ зрения соответствия декларативных намерений и фактических событий был осуществлен в работе Г. Адомайта и Л. Райнера³².

Одним из самых авторитетных *отечественных* исследователей *экономической деятельности* как ФРГ, так и ЕС считается В. Б. Белов³³. С опорой на его логику, статистический метод и индекс ПИИ, была составлена часть исследования, анализирующая состояние экономических отношений в исследуемый период.

Дополнительно важность индекса ПИИ в контексте развития экономических отношений раскрывается в работе А. В. Кузнецова³⁴.

²⁸ Эмерсон М. Формирование политических рамок Большой Европы // Современная Европа 2004. № 3. С. 90—95.

²⁹ Knelangen W. Die Osterweiterung der EU // Der Burger im Staat. 2004. URL: https://www.buergerundstaat.de/1_04/Osterweiterung.pdf (дата обращения: 22.07.2025).

³⁰ Tsygankov A. P. Russia's Foreign Policy: Change and Continuity in National Identity. Lanham, 2013. P.140-141.

³¹ Spanger H.-J. Paradoxe Kontinuitäten. Die deutsche Russlandpolitik und die koalitionenären Farbenlehren. HSKF-Report 12/2005 // Hessische Stiftung Friedens- und Konfliktforschung. URL: <https://www.files.ethz.ch/isn/29884/report1205.pdf> (дата обращения: 29.07.2025).

³² Adomeit H., Rainer L. Die «Gemeinsamen Räume» Rußlands und der EU – Wunschbild oder Wirklichkeit? // Stiftung Wissenschaft und Politik Deutsches Institut für Internationale Politik und Sicherheit. URL: https://www.swp-berlin.org/publications/products/studien/2005_S34_adm_ldr_ks.pdf (дата обращения: 01.08.2025).

³³ Белов В. Б. Немецкие прямые инвестиции в России. М., 2002. С. 85.

³⁴ Кузнецов А. В. Прямые иностранные инвестиции: «эффект соседства» // Мировая экономика и международные отношения. 2008. № 9. С. 40-47.

Системное исследование и оценка торговых отношений ЕС и РФ была выполнена в работе И.С. Гладкова³⁵.

Отдельным предметом интереса диссертанта и одним из непрозрачных способов регулирования торговых отношений выступают тарифные меры, которые осветил в своей работе В. А. Летов³⁶. Вопросы асимметричности торговых отношений (значительное отклонение в пользу экспорта нефти со стороны РФ в ЕС) позже получили оформление в виде концепции энергетической сверхдержавы и были рассмотрены в работе С. Л. Ткаченко³⁷.

Среди *зарубежных* ученых именно проблема асимметрии торговых отношений является частым выводом экономических аналитических работ. Как правило, авторы апеллируют к состоянию энергетической безопасности ЕС в целом, указывая на низкую диверсификацию поставок товаров нефтегазового сектора. Такая логика встречается в работах Е. Ван дер Мелена³⁸, А. Криковича³⁹.

Вопросы *культурно-гуманитарного взаимодействия* между ЕС и РФ поднимались в работах *отечественного* исследователя В.А. Барабанова⁴⁰. В них были систематизированы правовые нормы, давшие возможность межкультурного взаимодействия, несмотря на переменчивый политический контекст.

³⁵ Гладков И. С. К новому этапу во взаимной торговле Европейского Союза и Российской Федерации // Власть. 2013. № 5. С. 14-18.

³⁶ Летов В. А. Нетарифные меры и ограничения в международной торговле // Проблемы экономики и юридической практики. 2009. № 5. С. 241-243.

³⁷ Ткаченко С. Л. Концепция энергетической сверхдержавы и отношения Российской Федерации и Евросоюза в области энергетики // Экономика качества. 2014. № 4 (8). С. 84-94.

³⁸ Van der Meulen E. Gas Supply and EU-Russia Relations // Europe-Asia Studies. 2009. Vol. 61, № 5. P. 846.

³⁹ Krickovic A. When Interdependence Produces Conflict: EU-Russia Energy Relations as a Security Dilemma // Contemporary Security Policy. 2015. Vol. 36, № 1. P. 4.

⁴⁰ Барабанов В. А. Историко-культурные предпосылки современного взаимодействия Европы и России и установление официальных отношений ЕС и РФ в 90-е годы XX века // Исследования некоторых исторических и политологических проблем : сб. науч. работ. М., 2006. Вып. 2. С. 58-63. Его же. Создание политико-правовой базы развития культурного сотрудничества между Россией и Европейским союзом // История государства и права. 2008. № 1. С. 13-16.

Интерес *зарубежных* исследователей в основном привлекали прикладные аспекты политики. Примеры продуктивного сотрудничества европейских и российских команд в сфере высоких технологий с обширной доказательной базой были изложены в работе М. Шпизберге⁴¹.

Во **втором блоке** объединены работы, посвященные анализу межгосударственных отношений между ФРГ и РФ.

Оценка состояния межгосударственных отношений, особенно в период становления РФ как нового участника международных отношений выполняется посредством *анализа правовой базы*. Диссертационное исследование в этом плане опирается на оптику Н. В. Павлова⁴², который рассматривал глубинные причины, генезис и эволюцию отношений РФ и ФРГ еще на стадии существования СССР. Значимым дополнением этой логики стала работа В. В. Фрольцова⁴³, который подчеркивает зарождение стратегического характера взаимоотношений уже в последние годы существования СССР – посредством заключения договора о добрососедстве.

Политическое содержание российско-германских отношений на национальном уровне вызывает интерес целой плеяды российских ученых. На этом уровне анализа также были выявлены расхождения во взглядах на формирование международных отношений, как в отечественной, так и в зарубежной дискуссии.

Смыслообразующей конструкцией в этом плане служит тезис, изложенный в сборнике «Российско-германские отношения в контексте

⁴¹ Spiesberge M. An Analysis of EU-Russian Cooperation in S&T // Brussels: Centre for Social Innovation (ZSI). 2008. URL: https://www.zsi.at/object/publication/3337/attach/CRESTCountryReportRussia_AnAnalysisOfEU-RussianCooperationInS_T.pdf (дата обращения: 11.03.2025).

⁴² Павлов Н. Россия и Германия: несостоявшийся альянс (история с продолжением). М., 2017. С. 485-489. Его же. Российско-германские отношения в контексте европейской интеграции // Ученые записки Череповецкого государственного университета. 2015. № 1. С. 74-79.

⁴³ Фрольцов В. В. Постсоветские государства во внешней политике ФРГ (1991-2005). Минск, 2013. С. 102.

европейской безопасности» И. Ф. Максимычевым⁴⁴ о том, что Германия является самостоятельной силой на международной арене.

По его мнению, эта сила во многом действует в рамках геостратегических ориентиров своего прошлого и не зависит от действующей коалиционной политической формации. А приложение этой силы к геополитическому устройству в условиях усиления одного из акторов – Германии вызывает конфликт национальных интересов.

Напротив, позитивные сдвиги во взаимодействии Москвы и Берлина обозначает А. И. Егоров⁴⁵. Исследователь рассуждает о потенциальном стратегическом партнерстве между странами на фоне объединения риторической позиции России со коллективным Западом в контексте борьбы с международным терроризмом.

Разница между подходами двух авторов может быть объяснена разной хронологической рамкой, попавшей в исследовательский фокус. Так, в зону внимания И. Ф. Максимычева попал глобальный путь ФРГ на международной арене, а А. И. Егоров сконцентрировался на временном отрезке, где происходило сближение акторов, которое можно охарактеризовать как попытку стратегического партнерства.

Изучая специфику развития дипломатических отношений с точки зрения влияния на них немецких партий, непременно стоит отметить монографию Е. П. Тимошенковой⁴⁶. Автор выявляет особенности коалиционного строительства в Германии, преобразуя в единое целое избранную коалицию, канцлера и внешнюю политику. Более точечные

⁴⁴ Российско-германские отношения в контексте европейской безопасности / под общ. ред. В. И. Дашичева. М., 2009. С. 10-12.

⁴⁵ Егоров А. И. Россия – Германия: попытка стратегического партнерства (1998-2005 годы) // Известия Саратовского университета. Серия История. Международные отношения. 2012. Т. 12, № 1. С. 80-88.

⁴⁶ Тимошенкова Е.П. Партийно-политическая система Германии в период канцлерства А. Меркель (2005–2017 гг.) – М.: Ин-т Европы РАН, 2020. (Доклады Института Европы № 369), 148 с.

проблемы, с которыми столкнулись ФРГ и РФ в эру Герхарда Шредера, руководившего социал-демократами, анализирует А. Н. Кириллова⁴⁷.

Также стоит отметить богатство исследовательской литературы, в рамках которой исследуется фактор личности в осуществлении внешней политики. Подробно эта проблематика рассмотрена в трудах В. И. Васильева⁴⁸, а в более широком международном контексте – в статье А. В. Валугина⁴⁹. Оба автора сходятся во мнении, что, несмотря на способность выступать мощным катализатором процессов, личностный фактор остается крайне уязвимым к изменениям внутривнутриполитической и глобальной повестки.

Практическим подтверждением данного тезиса служит исследование К. Б. Божик⁵⁰, посвященное отношениям России и Германии в 1998–2005 гг. Автору удалось интегрировать личностный, политический и экономический векторы анализа между собой, наглядно показывая механизм взаимодействия личности и системных ограничений в истории международных отношений.

Зарубежные исследователи смотрят на феномен построения отношений с Москвой с других проблемных позиций. Например, такой автор как Х. Арнольд⁵¹ апеллирует к тому, что Германия действует (должна действовать) не столько в национальных интересах, сколько в интересах гражданских, ценностных и экономических (по смыслу – в рамках концепции *Zivilmacht*) и что действия страны направлены не на расширение «жизненного

⁴⁷ Кириллова А. Н. Проблема советского долга РФ в Германно-Российских отношениях в годы работы "Красно-зеленой" коалиции (1998-2005 гг.) // Вестник Вологодского государственного университета. Серия: Гуманитарные, общественные, педагогические науки. 2017. № 3(6). С. 7-9.

⁴⁸ Васильев В. И. С позиций разумного подхода (к 70-летию Г. Шредера) // Пути к миру и безопасности. 2014. № 1(46). С. 110-113. Его же. Герхард Шредер: человек, политик, дипломат: К 70-летию со дня рождения // Международная жизнь. 2014. N. 4. С. 51 - 62.

⁴⁹ Валугин А. В. Тони Блэр, Герхард Шредер и "третий путь": история несостоявшегося альянса (1998 - 2000 гг.) // Россия в глобальном мире: социально- теоретический альманах. 2005. №9. С. 23 - 28.

⁵⁰ Божик К. Б. Короткий "золотой век" в отношениях России и Германии (1998-2005) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2018. № 4(812). С. 77-91.

⁵¹ Arnold, H. Deutschlands Grope. Deutsche Aussenpolitik zwischen Macht und Mangel. Miinchen, 1995. 192 s.

пространства» и создание буферных зон, а на служение общему демократическому мировому порядку. Во-вторых, внешнеполитический курс ФРГ не является линейным, последовательным, а изменяется в зависимости от действующего национального истеблишмента, как считает своей работе Т. Вагенсон⁵², которая анализирует поведение ФРГ в контексте трансляции возросшего политического капитала, мощи на систему международных отношений.

Обозначенная проблематика также актуализирует вопрос влияния политического прошлого на современную в политику и преемственность по отношению к ней. Попытка осмысления политики в таком контексте была предпринята В. Хильцем⁵³, а статистические данные по движению избирательских симпатий в контексте таких тектонических изменений были выявлены Р. Штесом в тандеме с Г. Нойбауэром⁵⁴.

Оценка *экономических отношений* на уровне РФ-ФРГ, имеет множество измерений, которые уточняют развитие международных отношений.

Среди *отечественных* исследователей, глубокая работа, с точки зрения аналитического и статистического среза экономических отношений, была проведена А. И. Егоровым⁵⁵, который взял на себя задачу достоверного

⁵² Wagensohn T. Die Dominanz Der Neuen Sachlichkeit: Rußland und Deutschland – von El'cin zu Putin // Osteuropa. 2001. Vol 51, № 4/5. P. 522-531. URL: <http://www.jstor.org/stable/44921601> (дата обращения: 29.07.2025).

⁵³ Hilz W. Kontinuität und Wandel deutscher Außenpolitik nach 1990 // Bundeszentrale fuer politische Bildung. URL: <https://www.bpb.de/shop/zeitschriften/izpb/deutsche-aussenpolitik-304/7902/kontinuitaet-und-wandel-deutscher-aussenpolitik-nach-1990/> (дата обращения: 19.07.2025).

⁵⁴ Stöss R., Neugebauer G. Die SPD und die Bundestagswahl 1998. Ursachen und Risiken eines historischen Wahlsiegs unter besonderer Berücksichtigung der Verhältnisse in Ostdeutschland // Freie Universität Berlin. Arbeitshefte. URL: <https://www.polsoz.fu-berlin.de/polwiss/forschung/systeme/empsoz/team/ehemalige/Publikationen/schriften/Arbeitshefte/arbeitshefte2.pdf> (дата обращения: 22.07.2025).

⁵⁵ Егоров А. И. Связи России и Германии в инвестиционной сфере: Федеральный и региональный уровни (1990-е–начало 2000-х гг.) // Вестник НГТУ им. Р. Е. Алексеева. Серия: Управление в социальных системах. Коммуникативные технологии. 2012. № 4. С. 56-63.

воспроизводства картины экономических отношений на региональном и федеральном уровне.

Сложный и тонкий момент кредитных отношений между ФРГ и РФ после распада СССР был рассмотрен И. Ф. Максимычевым⁵⁶. Генезис возникновения этих кредитных отношений и прикладные аспекты урегулирования процесса вывода советской группы войск с территории ФРГ был проанализирован и систематизирован А. А. Ахтамзяном⁵⁷.

Вопрос общей координации отношений бизнеса в условиях дефолтной турбулентности был освещен в работе коллектива авторов И. Н. Ефременко и Н.О. Панченко⁵⁸.

Аспекты реализации строительства газопровода «Северный поток» проанализировал С. В. Смирнов⁵⁹.

Анализ экономических межгосударственных отношений в рамках *зарубежной* академической дискуссии между странами часто подчеркивает важность энергетической дипломатии. В этой стезе широко известна работа А. Рара⁶⁰. Среди общих, собирательных работ, характеризующих экономический климат хочется отметить исследование Г. Шпангера с его коллегой П. Шульцем⁶¹. В эту же смысловую категорию стоит отнести работу Р. Гетса, который, однако, был более сконцентрирован на трендах российской экономики⁶².

⁵⁶ Максимычев И. Ф. Германский фактор в европейской политике России. М., 2004. 167 с.

⁵⁷ Ахтамзян А. А. Объединение Германии и его международно-политические последствия // Вестник Московского университета. Серия: Международные отношения и мировая политика. 2010. № 4. С. 24.

⁵⁸ Ефременко И. Н., Панченко Н. О. Основные направления экономического сотрудничества России и Германии // Финансовые исследования. 2010. № 3 (28). С. 15.

⁵⁹ Смирнов С.В. Россия-Германия: nordstream – пример доброй воли и эффективного сотрудничества (непростая история большого проекта) // Современная Европа, № 2 (54), 2013, С.116-128.

⁶⁰ Rahr A. Russland gibt Gas. Die Ruckkehr einer Weltmacht. Muenchen, 2008. 280 s.

⁶¹ Schulze P., Spanger H.-J. Die Zukunft Russlands. Staat und Gesellschaft nach der Transformationskrise. Frankfurt am Main, 2000. 424 s.

⁶² Götz R. Zehn Jahre Wirtschaftstransformation in Rußland – und der Westen // Osteuropa. 2001. Vol. 51, № 11/12. P. 1288-1289. URL: <https://www.jstor.org/stable/44921800> (дата обращения: 29.07.2025).

Более узкая проблематика предоставления ликвидности для российской финансовой системы по международному и национальным каналам была обозначена в работе коллектива исследователей экономических трендов: Р. Вайза, Х. Шмидта, К. Мюллера⁶³.

Большая работа по систематизации *культурного взаимодействия ФРГ-РФ* в контексте научного сотрудничества была проделана в работе В. Б. Белова⁶⁴, где в рамках проблемно-хронологического подхода было воспроизведено большое количество кейсов взаимодействия. Схожее применение, но в контексте анализа гуманитарного взаимодействия в диссертационном исследовании, обрела работа Н. В. Павлова⁶⁵. Для обогащения исторической логики деталями работы научных центров и роли государственных структур в этом была полезна работа А. Ю. Безродной⁶⁶.

Отдельное внимание в диссертационном исследовании уделяется конкретным форматам взаимодействия в культурном контексте. Так, работа Т. И. Ивановой⁶⁷ отличается глубинным анализом специфики работы Петербургского диалога, а в исследовании Ю. В. Родовича⁶⁸ поднимается непростая для отечественной истории тема реституции и особенности ее влияния на международные отношения.

Взаимодействие гражданских обществ России и Германии в контексте выстраивания культурной политики было рассмотрено Б. Л. Хавкиным⁶⁹. На

⁶³ Weise R., Schmidt H., Müller K. Die Entwicklung der deutschen Investitionen in Russland. Berlin, 1997. S. 71.

⁶⁴ Белов В. Б. Россия и Германия: научно-техническое сотрудничество // Современная Европа. 2005. № 3 (19). С. 65-78.

⁶⁵ Павлов Н.В. Германия и Россия в новой Европе 1990–2010 гг. (к периодизации российско-германских отношений) // Россия и Германия в новой Европе: конец XX – начало XXI вв.: Материалы Международной Интернет- конференции (май - июнь 2012 г.) / Сост. Б.В. Петелин, Т. Шнайдер. – Череповец: ЧГУ, 2012. – 98 с.

⁶⁶ Безродная А.Ю. Российский дом науки и культуры: деятельность, значимость, вклад // Скиф. Вопросы студенческой науки. 2018, №. 11 (27), С. 191-201.

⁶⁷ Иванова Т.И. «Петербургский диалог»: становление и развитие (2001–2004 гг.) «Запад-Восток» // Научно-практический ежегодник. 2009, №. 2, С. 106-113.

⁶⁸ Родович, Ю.В. Россия и Германия на рубеже XX–XXI веков: проблема реституции. // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. 2013. Т. 3, № 1. С. 128-137.

⁶⁹ Хавкин Б.Л. Лев Копелев и диалог культур // Интеллигенция и мир. – 2025. – № 3. – С. 146—156.

основе подробностей жизни Льва Копелева, был получен пример того личная судьба и профессиональная деятельность одного человека могут служить мощной силой для преодоления национальных и политических барьеров.

Несмотря на то, что различные аспекты объекта настоящего исследования получили достаточно широкое освещение в литературе, до сих пор не было предпринято попытки комплексного осмысления уникального двухуровневого формата международных отношений между Берлином и Москвой.

Представляется актуальным определить значение данного феномена международных отношений, а после с его помощью интерпретировать всю комплексность и взаимосвязанность отношений между ФРГ, РФ и ЕС.

Объект исследования: Российско-германские отношения в контексте системы координат Россия-ЕС-Германия.

Предмет исследования: Практики формирования и эволюция российско-германских отношений (1994–2005 гг.) в двустороннем и общеевропейском формате.

Цель исследования – выявить факторы и механизмы развития отношений между ФРГ и РФ, в четырех измерениях: правовом, политическом, экономическом и культурном.

Задачи исследования:

- Определить содержание и роль общеевропейского уровня во взаимодействии Москвы и Берлина, включая вклад ФРГ и последствия для двусторонних отношений.
- Выявить факторы, механизмы и ограничители развития отношений между ФРГ и РФ на двустороннем уровне взаимодействия.

Хронологические рамки исследования охватывают период с 1994 до 2005 гг. Нижней хронологической границей исследования выступает год подписания Соглашения о партнерстве и сотрудничестве между РФ и ЕС (СПС). Соглашение фиксирует в себе широкий спектр сфер сотрудничества и

выступает правовой основой для кооперации между Москвой и Берлином на европейском уровне.

Верхняя хронологическая рамка обусловлена переходом Соглашения в новый режим «четырех общих пространств» и сменой политического руководства ФРГ, повлекшей за собой пересмотр подходов к выстраиванию взаимоотношений между странами.

Источниковая база исследования

Диссертационное исследование основано на анализе широкого круга источников, раскрывающих отношения между ФРГ, РФ и ЕС.

В соответствии с принятой в отечественной исторической науке традицией источниковая база исследования была разделена на 5 групп.

К первой относятся источники официального происхождения. Характер их применения в диссертации обуславливает их деление на несколько подгрупп.

Первая подгруппа – нормативно-правовые акты. В качестве значимого источника подгруппы в диссертационном исследовании применяется российский ФЗ, актуализировавший в правовом пространстве страны проблему реституции⁷⁰.

Переносясь в институциональный контекст ФРГ, следует выделить ряд документов, определивших становление Германии как игрока на международной арене. Краеугольным камнем в этом случае выступает конституция (Grundgesetz)⁷¹, зафиксировавшая в своей преамбуле стремление немецкого народа служить в качестве равноправного члена объединенной Европы всеобщему миру.

⁷⁰ О культурных ценностях, перемещенных в Союз ССР в результате Второй мировой войны и находящихся на территории Российской Федерации : Федеральный закон от 15.04.1998 № 64-ФЗ. // ГАРАНТ. — URL: <https://ivo.garant.ru/document/12111286/> (дата обращения: 25.09.2024).

⁷¹ Grundgesetz für die Bundesrepublik Deutschland. Bundeszentrale für politische Bildung. Bonn. 2013. S. 12.

Учитывая такую внутривнутриполитическую конфигурацию и особенности послевоенного времени, развитие ФРГ как внешнеполитического актора во многом было сопряжено с эволюцией европейского сообщества, что обосновывает выделение другого компонента национально-правовых актов.

К нему относятся Парижские соглашения⁷², Шенгенские соглашения⁷³, Единый европейский акт⁷⁴, Маастрихтский договор⁷⁵, в том числе в редакции Амстердамского и Ниццкого формата.

Отдельным элементом подгруппы также считаются и стенограммы, в которых содержатся речи Герхарда Шредера. Ценность данного источника заключается в уникальной возможности реконструкции взглядов канцлера на политическую реальность ФРГ после объединения и саму философскую суть международных отношений с Москвой. Так, известна речь Шредера в контексте критики Чеченского конфликта о необходимости построения единого фундамента безопасности на территории от Ванкувера до Владивостока⁷⁶. Схожая риторика была стенографирована, оцифрована и выставлена в открытом доступе в рамках другой речи⁷⁷, где канцлер подтверждает свой смысловой фрейм о Германии как лидере общего европейского пространства. В контексте исследования эти источники

⁷² The 1954 Paris Agreements and Western European Union (January–March 1955) // Luxembourg centre for contemporary and digital history. URL: https://www.cvce.eu/en/obj/the_1954_paris_agreements_and_western_european_union_january_march_1955-en-bfd77c07-abf6-45bc-91d7-a603b8d0d07b.html (дата обращения: 01.08.2025).

⁷³ Шенгенское соглашение // Современная Европа. 2003. № 1 (13). С. 104-108.

⁷⁴ Single European act // Official Journal of the European Communities. 1987. Vol. 30, № L 169. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=OJ:L:1987:169:FULL> (дата обращения: 29.07.2025).

⁷⁵ Договор о Европейском Союзе (Маастрихт, 7 февраля 1992 г.) (в редакции Лиссабонского договора 2007 г.) // Агентство морского права. URL: <http://oceanlaw.ru/wp-content/uploads/2018/02/Договор-о-Европейском-Союзе.pdf> (дата обращения: 29.07.2025).

⁷⁶ Rede von Bundeskanzler Gerhard Schröder bei der 37. Kommandeurstagung der Bundeswehr am 29. November 1999 in Hamburg // Die Bundesregierung. URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/service/newsletter-und-abos/bulletin/rede-von-bundeskanzler-gerhard-schroeder-808490> (дата обращения: 01.08.2025).

⁷⁷ Deutscher Bundestag Stenografischer Bericht. Bundeskanzler Schröder. Bundesarchiv Plenarprotokoll 15/4 // Deutscher Bundestag. URL: <https://dserv.bundestag.de/btp/15/15004.pdf> (дата обращения: 01.08.2025).

используются для фиксации ожидания сторон от политического взаимодействия и воспроизводства их мировоззренческих установок.

Характеризуя этот вид источников глобально, стоит отметить, что они раскрывают, каким образом эволюционировала субъектность Германии в качестве части европейского пространства. Эти источники особенно важны для выявления тех границ, в рамках которых Германия могла действовать самостоятельно, даже оказывать влияние на поведение самого национальной организации или, наоборот, быть его адресатом влияния.

При этом нормативно-правовые акты как источник содержат в себе попытку фиксации и, в определенном смысле, упрощения комплекса политической реальности. Справедливым будет заметить, что данный комплекс, например, не учитывает интересы и взаимовлияние других игроков в рамках института, которые могут толковать правовой режим, описанный в источнике, в своих интересах, что видно, например, в дебатах между федералистским и конфедералистским подходом к углублению интеграции.

Вторая подгруппа – международные соглашения и декларации. Подгруппа во многом помогает определить, во-первых, участников международного процесса, во-вторых, характер взаимодействия между ними во всем многообразии взаимных интересов.

В подгруппу был определен Заключительный акт Совещания по безопасности и сотрудничеству⁷⁸, использованный в исследовании для иллюстрации архитектуры построения международных отношений в условиях эволюции биполярной системы МО.

К этой же подгруппе были причислены многочисленные международные соглашения между ФРГ и РФ (в некоторых случаях – СССР). В единой проблемной колее следуют: Договор о добрососедстве между ФРГ и

⁷⁸ Совещание по безопасности и сотрудничеству в Европе. Заключительный акт (Хельсинки, 1 августа 1975 г.) // Министерство иностранных дел РФ. – URL: <https://www.mid.ru/upload/medialibrary/c66/Хельсинский%20заключительный%20акт%20ОБСЕ.pdf> (дата обращения: 29.07.2025).

СССР⁷⁹, соглашения об окончательном урегулировании в отношении Германии⁸⁰ и выводе советских (российских)⁸¹ войск с ее территории. Этот комплекс источников де-факто определил сроки обретения окончательного суверенитета ФРГ, зафиксировал ее ответственность: как историческую, так и финансовую по отношению к РФ.

Большое количество рамочных соглашений было заключено между странами после распада СССР. Несмотря на принцип правопреемства, многие области международных отношений требовали переосмысления и переопределения. Для заполнения этого вакуума были заключены договоры о культурном сотрудничестве⁸²; о сотрудничестве и взаимопомощи таможенных служб⁸³.

Особенность этой группы источников состоит в том, что они были частью «пакетной» сделки в ходе визита канцлера Г. Коля в Москву.

⁷⁹ Договор о добрососедстве, партнерстве и сотрудничестве между Союзом Советских Социалистических Республик и Федеративной Республикой Германией (Бонн, 9 ноября 1990 г.) // Электронный фонд правовых и нормативно-справочных документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/901736371> (дата обращения: 22.07.2025).

⁸⁰ Договор об окончательном урегулировании в отношении Германии от 12 сентября 1990 года // Сборник международных договоров. Москва: Международные отношения, 1990. С. 45–52.

⁸¹ Договор между Союзом Советских Социалистических Республик и Федеративной Республикой Германией об условиях временного пребывания и планомерного вывода советских войск с территории Федеративной Республики Германии (Бонн, 12 октября 1990 г.) // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/901736363> (дата обращения: 18.07.2025) ; Соглашение между Правительством Союза Советских Социалистических Республик и Правительством Федеративной Республики Германии о некоторых переходных мерах (Бонн, 9 октября 1990 г.) // Министерство иностранных дел РФ. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/2_contract/58115 (дата обращения: 01.08.2025).

⁸² Соглашение между правительством Российской Федерации и правительством Федеративной Республики Германия о культурном сотрудничестве (Москва, 16 декабря 1992 года) // Министерство иностранных дел РФ. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/2_contract/48597/ (дата обращения: 01.08.2025).

⁸³ Договор между Российской Федерацией и Федеративной Республикой Германия о сотрудничестве и взаимопомощи таможенных служб (Москва, 16 декабря 1992 г.) // Министерство иностранных дел РФ. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/2_contract/48802/ (дата обращения: 19.07.2025).

Содержательно, документы фиксируют декларативные намерения по взаимодействию сторон. В диссертации больше внимания уделено политическим и прикладным смыслам, которые были сведены к решению вопроса о транспортной связности Калининградской области и в начальной конфигурации культурного взаимодействия.

Немного далее, с точки зрения хронологии, от всех элементов подгруппы стоит Соглашение об уходе за военными могилами в Российской Федерации и в Федеративной Республике Германии⁸⁴. Источник рассматривается в контексте продолжения развития отношений в гуманитарной сфере, но, с точки зрения смыслов являет собой яркий пример преемственности по отношению к историческому прошлому стран.

В рамках подгруппы международных соглашений особую роль в диссертационном исследовании играют документы, зафиксировавшие институциональные и содержательные параметры сотрудничества сторон в специфических отраслях. К ним относятся соглашения о научно-техническом сотрудничестве⁸⁵; о сотрудничестве в сфере ядерной безопасности⁸⁶; использовании космического пространства в мирных целях⁸⁷, об изучении

⁸⁴ Соглашение между Российской Федерации и правительством Федеративной Республики Германии об уходе за военными могилами в Российской Федерации и в Федеративной Республике Германии (Москва, 16 декабря 1992 г.) // Министерство иностранных дел РФ. URL:

https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/2_contract/48791/ (дата обращения: 18.07.2025).

⁸⁵ Agreement on cooperation in science and technology between the European Community and the Government of the Russian Federation: Document 22000A1128(01) // Official Journal of the European Communities. 2000. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A22000A1128%2801%29> (дата обращения: 13.07.2025).

⁸⁶ Agreement for cooperation between the European Atomic Energy Community and the Government of the Russian Federation in the field of nuclear safety: Document 22001A1031(01) // Official Journal of the European Communities. 2001. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A22001A1031%2801%29> (дата обращения: 19.07.2025).

⁸⁷ Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Федеративной Республики Германия о сотрудничестве в области исследования и использования космического пространства в мирных целях (Берлин, 2001 г.) // Министерство иностранных дел РФ. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/2_contract/46552/ (дата обращения: 19.07.2025).

языка⁸⁸, о международной молодежной политике⁸⁹. В диссертационной работе эти соглашения выполняют важную функцию конкретизации: они позволяют реконструировать не только цели сторон, но и степень их готовности к предметной работе по воплощению созданной политической повестки.

Отдельным компонентом в рамках подгруппы выступают такие документы, как Совместное российско-германское заявление⁹⁰, Соглашение о партнерстве и сотрудничестве⁹¹, Совместная стратегия ЕС по отношению к России⁹², Стратегия развития отношений РФ с ЕС на среднесрочную перспективу⁹³, Дорожная карта 4 общих пространств⁹⁴, другие совместные заявления сторон⁹⁵.

⁸⁸ Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Федеративной Республики Германия об изучении русского языка в Федеративной Республике Германия и немецкого языка в Российской Федерации // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/901941549> (дата обращения: 29.07.2025).

⁸⁹ Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Федеративной Республики Германия в области молодежного сотрудничества // Министерство иностранных дел РФ. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/2_contract/46033/ (дата обращения: 29.07.2025).

⁹⁰ Совместное российско-германское заявление (Москва, 16 декабря 1992 г.) // Российская газета. 1992. 17 декабря.

⁹¹ Соглашение о партнерстве и сотрудничестве, учреждающее партнерство между Европейскими Сообществами и их государствами-членами, с одной стороны, и Российской Федерацией, с другой стороны (о. Корфу, 24 июня 1994 г.) // Министерство иностранных дел РФ. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/2_contract/58992 (дата обращения: 19.07.2025).

⁹² Common Strategy of the European Union on Russia. European Council, Cologne, 3 and 4 June 1999 // European Union. 1999. URL: <https://publications.europa.eu/en/publication-detail/-/publication/38943c06-7e5d-4ca3-acc3-c5154bd9c04e/language-en> (дата обращения: 19.07.2025).

⁹³ Стратегия развития отношений Российской Федерации с Европейским Союзом на среднесрочную перспективу (2000-2010 гг.) (Хельсинки, 22 октября 1999 г.) // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/901773061> (дата обращения: 22.07.2025).

⁹⁴ «Дорожные карты» четырех общих пространств, утвержденные на саммите Россия-ЕС, Москва, 10 мая 2005 года // Министерство иностранных дел РФ. 2005. 11 мая. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/rso/1751893/ (дата обращения: 22.07.2025).

⁹⁵ Совместное заявление Президента Российской Федерации В.В. Путина, Председателя Европейского совета А. Гутерриша, при содействии Генерального секретаря Совета ЕС/Высокого представителя по вопросам внешней политики и политики безопасности ЕС Х. Соланы, Председателя Комиссии Европейских сообществ Р. Проди (Москва, 29 мая 2000

В исследовании этот корпус источников используется для воссоздания общей архитектуры отношений, основанной на принципах многоуровневого и многоотраслевого взаимодействия. Также на основании этой группы проводится план-факторный анализ между институциональными возможностями и конкретными кейсами взаимодействия между странами.

Третья подгруппа – *партийные программы и коалиционные соглашения*⁹⁶, изданные в исследуемый период. Их значимость для диссертационного исследования обуславливается тем, что они фиксируют идеологическую рамку и направление действий, которые потом реализуются в международной практике. В частности, на их основе были определены ожидания от России со стороны германского истеблишмента. Также этот подвид источников позволил включить в исследовательский ракурс вопрос электоральной обусловленности внешней политики.

г.) // Министерство иностранных дел РФ. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/rso/1684754 (дата обращения: 19.07.2025) ; Саммит Россия – Евросоюз (Брюссель, 11 ноября 2002 г.). Совместное заявление // Современная Европа. 2002. № 4 (12). С. 111-115.

⁹⁶ Aufbruch und Erneuerung – Deutschlands Weg ins 21. Jahrhundert. Koalitionsvereinbarung zwischen der Sozialdemokratischen Partei Deutschlands und Bündnis 90/Die GRÜNEN // Sozialdemokratische Partei Deutschlands. URL: https://www.spd.de/fileadmin/Dokumente/Beschluesse/Bundesparteitag/koalitionsvertrag_bundesparteitag_bonn_1998.pdf (дата обращения: 19.07.2025); Ja zu Deutschland Ja zur Zukunft. Wahlprogramm der Christlich Demokratischen Union Deutschlands zur gesamtdeutschen Bundestagswahl am 2. Dezember 1990 // Konrad Adenauer Stiftung. URL: https://www.kas.de/documents/252038/253252/1990_Wahlprogramm.pdf (дата обращения: 19.07.2025) // Деятельность организации признана нежелательной на территории Российской Федерации; Grün ist der Wechsel. Programm zur Bundestagswahl 1998 // Heinrich Böll Stiftung. URL: https://www.boell.de/sites/default/files/assets/boell.de/images/download_de/publikationen/1998_Wahlprogramm_Bundestagswahl.pdf (дата обращения: 18.07.2025) // Деятельность организации признана нежелательной на территории Российской Федерации; SPD-Programm für die Bundestagswahl 1998. Arbeit, Innovation und Gerechtigkeit // Sozialdemokratische Partei Deutschlands. URL: https://www.spd.de/fileadmin/Dokumente/Beschluesse/Bundesparteitag/wahlprogramm_bundesparteitag_leipzig_1998.pdf (дата обращения: 19.07.2025); Wir sichern Deutschland Zukunft. Regierungsprogramm von CDU und CSU // Konrad Adenauer Stiftung. URL: https://www.kas.de/documents/252038/253252/1994_Regierungsprogramm_Wir-sichern-Deutschlands-Zukunft.pdf (дата обращения: 01.08.2025) // Деятельность организации признана нежелательной на территории Российской Федерации

Ко **второй** группе относятся **документы личного происхождения.**

Ценный источник личного происхождения, использованный в работе – книга воспоминаний Михаила Горбачева⁹⁷, в которой излагается его оценка объединения Германии, итогов «нового мышления» и возможностей сближения между Востоком и Западом. Этот источник позволил автору реконструировать ментальные основания начала диалога между странами. С помощью текста становится возможным проследить, как один из главных участников тектонических политических процессов конца 1980-х и начала 1990-х интерпретировал историю и наделял ее собственным смыслом.

Другим источником для анализа мышления российской стороны стали мемуары первого президента России Бориса Ельцина – «Записки президента»⁹⁸. Особую ценность представляют описания личных доверительных отношений между Б. Ельциным и Г. Колем, которого сам автор характеризует как «канцлера и друга». Этот источник был использован для иллюстрации того, как личный альянс, стал катализатором для сближения Берлина и Москвы на этапе вывода российских войск из Германии.

Для выявления точки зрения немецкой стороны в исследовании были использованы мемуары лидеров ФРГ. В книге «Гельмут Коль. Воспоминания 1990-1994.»⁹⁹ канцлер, стоявший у истоков объединения Германии, детально описывает становление отношений с новой Россией. В источнике подчеркивается мысль об исторической ответственности Германии за поддержку демократических преобразований в России, а партнерство с Москвой представляется читателю как стратегическая инвестиция в безопасность всей Европы. На основании воспоминаний становится понятной, мотивация Германии быть «адвокатом» России для западных стран.

⁹⁷ Горбачев М. С. Как это было: объединение Германии. М., 1999. 239 с.

⁹⁸ Ельцин Б.Н. Записки президента: Размышления, воспоминания, впечатления... / Борис Ельцин. — М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2008.

⁹⁹ Kohl. H. Erinnerungen 1990 bis 1994., München 2007. 785 s.

Мемуары Герхарда Шредера также позволили выявить несколько важных для исследования деталей. В первых мемуарах («Решения. Моя жизнь в политике»¹⁰⁰) канцлер сконцентрировался на истории деятельности социал-демократической партии Германии, работе внутренних политических механизмов по принятию решений. В частности, источник в красках описывает принципы работы коалиционного строительства, что позволило точнее описать зависимость внешней политики от партийной коалиции и внешнеполитического курса страны.

Во второй книге («Внятные слова»¹⁰¹), оформленной скорее как ряд интервью, больше внимания уделяется оценке внешней политики Германии как в общем мировом, так и в российском контексте.

Объединяющим элементом для этих источников служит тон канцлера в оценке отношений стран, где Россия представляется как надежный партнер, интегрированный в европейское пространство.

В третью группу источников включены статистические и аналитические материалы. Эти документы позволили оценить экономическую базу международных отношений. Самой ценной для исследования в этом плане стала аналитика Мирового Банка и инструменты, предоставляемые им для осуществления самостоятельного анализа¹⁰².

В совокупности, они позволили агрегировать в себе итоги экономического развития РФ, начиная с распада СССР¹⁰³. На основе этих

¹⁰⁰ Schröder G. Entscheidungen. Mein Leben in der Politik. Hamburg, 2006. 560 s. – Рус. пер.: Шредер Г. Решения. Моя жизнь в политике. – М., 2007. 547 с.

¹⁰¹ Schröder G. Klare Worte: Im Gespräch mit Georg Meck über Mut, Macht und unsere Zukunft. Freiburg, 2014. 238 s.

¹⁰² Russian Federation: Trade Summary 2004 // World Integrated Trade Solution. URL: <https://wits.worldbank.org/CountryProfile/en/Country/RUS/Year/2004/Summary> (дата обращения: 22.07.2025).

¹⁰³ FDI flows to South-East Europe and the Commonwealth of Independent States Remained High in 2005 // United Nations Conference on Trade and Development. 2006. URL: <https://unctad.org/press-material/fdi-flows-south-east-europe-and-commonwealth-independent-states-remained-high-2005> (дата обращения: 22.07.2025) ; E. Europe & C. Asia. GDF 2004 Summary // The World Bank. 2004. URL: <https://www.rrojasdatabank.info/gdf2004/eca.pdf> (дата обращения: 13.07.2025) ; Metada Glossary // World Bank Group. URL: <https://databank.worldbank.org/metadataglossary/jobs/series/BX.KLT.DINV.WD.GD.ZS> (дата

данных в исследовании были выявлены не только масштабы кооперации между акторами, но и отраслевая специфика взаимодействия между ними. Дополнительно была воссоздана структура движения денежных средств на европейском уровне.

Другим важным источником стал документ Еврокомиссии о порядке использования антидемпинговых мер в отношении третьих государств. Этот источник позволил автору провести анализ конкретных кейсов и механизмов, которые использовала ФРГ в рамках ЕС для получения торговых преимуществ в отношениях с РФ¹⁰⁴.

Четвертая группа источников – материалы средств массовой информации. В исследовании использованы данные информационных агентств (РИА новости¹⁰⁵, Interfax¹⁰⁶, Регнум¹⁰⁷), газет (Коммерсант¹⁰⁸) интернет-представительства президента (Кремлин¹⁰⁹), агрегатора новостей (Иносми¹¹⁰).

обращения: 19.07.2025) ; World Investment Report 2010: Investing in a Low-Carbon Economy // United Nations Conference on Trade and Development. URL: https://unctad.org/system/files/official-document/wir2010_en.pdf (дата обращения: 19.07.2025).

¹⁰⁴ Anti-dumping measures // European Commission. URL: https://policy.trade.ec.europa.eu/enforcement-and-protection/trade-defence/anti-dumping-measures_en (дата обращения: 29.07.2025).

¹⁰⁵ Торгово-экономическое сотрудничество между Россией и ФРГ. Справка // РИА новости. 2005. 26 июня. URL: <https://ria.ru/20050626/40763710.html> (дата обращения: 13.07.2025).

¹⁰⁶ Russia quits Eureka European scientific-technical program // Interfax. 2023. March 16. URL: <https://interfax.com/newsroom/top-stories/88745/> (дата обращения: 13.07.2025).

¹⁰⁷ Сергей Ястржембский: Самая острая проблема в повестке дня России и ЕС – фактор 2007 // ИА Регнум. 2005. 28 ноября. URL: <https://regnum.ru/news/551479> (дата обращения: 18.07.2025).

¹⁰⁸ Россия заплатит досрочно и по номиналу // Коммерсант. 2005. 08 апреля. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/568300> (дата обращения: 01.08.2025).
Россия-Германия: 1000 Сопоставлений // Коммерсантъ. 1996. 12 марта. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/12177> (дата обращения: 25.09.2024)

¹⁰⁹ Пресс-конференция по итогам встречи на высшем уровне Россия – Европейский союз // Сайт Президента России. 2005. 10 мая. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/22967> (дата обращения: 19.07.2025).

¹¹⁰ Наука: С Россией под одной крышей. 11.02.2005 // Иносми. 2005. 11 февраля URL: <https://inosmi.ru/20050211/217155.html> (дата обращения: 29.07.2025).

Пятая группа источников – это аудиовизуальные материалы. Корпус источников состоит из съемки вывода Западной группы войск с последующей церемонией прощания, которую посетил Г. Коль.¹¹¹ Значимость этого визуального источника обусловлена его высокой символической нагрузкой; торжественной атмосферой, которая служит косвенным свидетельством уровня отношений между ФРГ и особой исторической ответственности страны.

Другим источником, позволившим лучше понять Г. Коля – это цифровая биография канцлера, созданная центром имени Г. Коля. Биография в сочетании с продуманным визуальным рядом, посвященным периоду с 1982 по 1994 гг. повествует о становлении политика и условиях, которые сформировали его как лидера эпохи¹¹², что позволило более глубоко понять мотивы и контекст для осуществления лидером внешней политики.

В сфере культуры, ценным источником стал каталог выставки «Москва-Берлин 1900-1950», концепцию и предисловие, к которому разработали М. Туровская и М. Меркерт¹¹³. Несмотря на выбранный период, насыщенный травматическими событиями для обеих стран, авторам с помощью слов, композиций, образов удалось донести ценность диалога и возможности межкультурного общения.

Теоретико-методологическая база диссертации

Теоретико-методологическая база исследования формируется на пересечении различных традиций и подходов в рамках теории международных отношений, среди которых выделяются, как традиционные

¹¹¹ Abschiedszeremonie für die in Berlin stationierten Truppen der GUS // CVCE Archive. URL: https://www.cvce.eu/de/obj/abschiedszeremonie_fur_die_in_berlin_stationierten_truppen_der_gus_31_august_1994-de-17f1ddfe-cd1d-4018-904c-a994051b4145.html (дата обращения: 29.07.2025).

¹¹² Rosin P. Bundeskanzler – Die Ära Kohl 1982-1998 // Konrad Adenauer Stiftung. URL: <https://www.bundeskanzler-helmut-kohl.de/seite/bundeskanzler-die-aera-kohl-1982-1998/> (дата обращения: 18.07.2025).

¹¹³ Туровская, М., Меркерт, Й. О выставке и каталоге; под общей редакцией Й. Меркерта, И. Антоновой. Москва-Берлин. 1900–1950/ Berlin-Moskau: 1900–1950: каталог выставки. М.: Галарт, 1995.

школы: реализм, либерализм (представленный в основном своим ответвлением – институционализмом), так и альтернативные, сравнительно новые школы, представленные направлением конструктивизма.

Реалистическая традиция представлена в работе через идеи таких классиков, как Ханс Моргентау¹¹⁴, Кеннет Уолц¹¹⁵, Джон Миршаймер¹¹⁶. Авторы рассматривают международные отношения как взаимодействие государств в контексте баланса сил.

Реализм как теоретическое течение акцентирует внимание на таких понятиях, как государственный эгоизм (национальный интерес), рациональность и стратегическое взаимодействие акторов. Общее стремление, универсальное для всех акторов – реализация своих национальных интересов. Ресурсом для реализации этого стремления служит такая теоретическая категория как «мощь», в классическом понимании – военная, в ходе эволюции этого течения в теории международных отношений – экономическая и культурная, хотя им и уделяется меньше внимания теоретиков-реалистов. Такой подход помогает объяснить поведение государств в условиях анархии международной системы и их стремление к стабильности посредством трансляции мощи, в т.ч. и через институты.

С другой стороны, либеральный институционализм, представленный, например, в трудах Роберта Кеохейна¹¹⁷, акцентирует внимание на роли международных институтов, совокупности норм и правил, которые стабилизируют анархию, делают межгосударственное поведение предсказуемым, менее агрессивным.

¹¹⁴ Morgenthau H. J. *Politics Among Nations: The Struggle for Power and Peace*. New York, 1978. 650 p.

¹¹⁵ Waltz K. *Reflections on Theory of International Politics: A Response to My Critics* // *Neorealism and its critics*. New York, 1986. P. 79-102.

¹¹⁶ Mearsheimer J. J. *The tragedy of great power politics*. New York, 2001. 160 p. URL: <https://samuelbhfaure.com/wp-content/uploads/2015/10/s2-mearsheimer-2001.pdf> (дата обращения: 22.07.2025).

¹¹⁷ Keohane R. O., Martin L. L. *The Promise of Institutional Theory* // *International security*. 1995. Vol. 20, № 1. P. 39-51.

Для углубленного анализа специфики германского подхода к институтам и многоакторности в рамках данной традиции, автор обратился к концепции «гражданской силы» (Zivilmacht), разработанной Гансом Мауллем¹¹⁸.

Немецкий теоретик занимался прикладными исследованиями, пытаясь определить место Германии в современных теориях международных отношениях и на международной арене в переходный для страны период.

Его концепция описывает Германию как актора, чья внешняя политика базируется на принципах отказа от агрессии, поддержки мирного урегулирования конфликтов, многостороннего сотрудничества и приверженности нормам международного права. Центральными элементами этой концепции выступают коллективная безопасность, усиление центробежной силы европейской интеграции и добровольное ограничение военных возможностей при усилении участия в многосторонних институтах, таких как ЕС и НАТО, что не всегда являлось безусловной политической реальностью и остается предметом дискуссий, особенно в контексте современных отношений между РФ и ФРГ.

Другое «ответвление» неолиберализма, примененное в исследовании – это концепция «мягкой силы», разработанная Джозефом Найем¹¹⁹. Ученый определяет это явление как способность добиваться желаемого через привлечение, а не через принуждение или оплату. В этом плане культура, культурная политика выступает естественным продолжением поведения «гражданской силы», являясь инструментом актора для достижения целей на международной арене.

Конструктивизм также занимает свое место в теоретической базе исследования, поскольку он позволяет рассмотреть восприятие и образы,

¹¹⁸ Deutsche Außenpolitik im Wandel. Unstete Bedingungen, neue Impulse / G. Maihold, S. Mair, M. Müller [et al.] // Stiftung Wissenschaft und Politik. 2021. S. 59-63. URL: https://www.swp-berlin.org/publications/products/studien/2021S15_Deutsche_Aussenpolitik.pdf (дата обращения: 01.08.2025).

¹¹⁹ Nye. J.S. Soft Power: The Means to Success in World Politics. New York, 2004. 192 p.

которые влияют на международные отношения и формируют идентичности государств и их политику. В этом контексте теоретическую основу диссертации составили работы А. Вендта¹²⁰ с его концептуальным аппаратом о том, что национальные интересы государств являются предметами убеждений акторов, а анархия международной системы в этом плане есть совокупность усилий по борьбе за убеждения («Свой» против «Другого», «Чужого»).

Важным дополнением к этому тезису конструктивистов стала «теория секьюритизации», развиваемая Копенгагенской школой (Б. Бузан, О. Вейвер¹²¹), утверждающая, что действия государств на международной арене мотивированы не реальными угрозами (трансляция мощи у реалистов), сколько процессом конструирования представлений о социальном конструкте безопасности как подвергающемся экзистенциальной угрозе, что оправдывает «чрезвычайные» меры. В современном мире это включает в т.ч. и коллективную безопасность.

Взаимодействие указанных подходов осуществляется при помощи интегративной, междисциплинарной, теоретической рамки. Именно она позволила совместить в одной работе анализ баланса сил и стратегических интересов государств реалистов с институционалистским пониманием роли, правил и возможностей институтов, а также с конструктивистской интерпретацией роли идентичностей и восприятия.

Эта синергия подходов позволяет глубоко и разносторонне проанализировать российско-германское сотрудничество, обеспечивая при этом сбалансированную оценку как структурных факторов международной системы, так и индивидуальных и коллективных восприятий, и действий, формирующих политическое поведение государств на протяжении исследуемого периода.

¹²⁰ Wendt A. Social Theory of International Politics. Cambridge, 1999. 448 p.

¹²¹ Buzan B., Waever O. Regions and Powers: The Structure of International Security. Cambridge, 2003. 598 p.

Ключевыми методами исследования выступают:

Историко-генетический метод. Метод был использован по причине того, что международные отношения между ФРГ и РФ находятся в богатом и разноплановом историческом контексте. Соответственно, их состояние в моменте времени является следствием событий прошлого. Для того, чтобы полноценно отследить эволюцию исследуемого объекта, необходимо обратиться к его первоначальному состоянию. Особенно ярко это проявилось в параграфах, где исследуется правовой аспект взаимодействия.

Историко-сравнительный метод был использован для сравнения похожих явлений и проблем в рамках складывающихся международных отношений. В исследовании проводится подробное сравнение федералистской и конфедералистской модели принятия решения ЕС; реакций на различные форматы взаимодействия стран. Такое сравнение позволило прозрачно показать выгоды сторон от поддержки того или иного интеграционного подхода и выявить асимметрию в развитии международных отношений между Берлином и Москвой.

На протяжении всей работы используется *метод анализа кейсов*, позволяющий «наполнить» содержанием каждое измерение отношений (правовое, политическое, экономическое и культурное) и проверить выводы автора на репрезентативных примерах исследуемого периода.

Метод *дискурс-анализа* преимущественно применен в разделах, раскрывающих политическое содержание и смысловые рамки российско-германских отношений на европейском и национальном уровнях. На основе разнородных источников (речи политиков, партийные программы, стенограммы парламентских обсуждений, нормативные документы) анализируются представления сторон друг о друге и эволюция этих представлений в контексте внутренних и внешнеполитических трансформаций. Само понятие дискурс-анализа в исследовании опирается на

работы М. Фуко¹²² и полагает под собой совокупность высказываний и суждений: в данной работе – как письменных, так и устных о том или ином объекте.

Использование *статистического метода* позволило гармонично дополнить политическую картину отношений. Во-первых, метод был использован для анализа электоральной статистики в контексте оценки движения избирательских симпатий, во-вторых, при выявлении закономерностей движения денежных потоков, как на межгосударственном, так и на международном уровне.

Научная новизна диссертационного исследования обуславливается:

1. Впервые становление и развитие отношений между Германией и Россией в 1994–2005 гг. анализируется через призму концепции «гражданской силы» Г. Мауля (Zivilmacht), что позволило зафиксировать изменение германского курса от нормативно-идеалистических установок к более прагматичным моделям взаимодействия с Россией в условиях меняющейся международной среды.

2. Элементом новизны является применение нормативного подхода к исследованию российско-германских отношений, что дало возможность рассмотреть их как комплексный феномен, раскрываемый через четыре взаимосвязанных измерения (правовое, политическое, экономическое и гуманитарно-научное).

3. Автор впервые для анализа отношений ФРГ и РФ в 1994–2005 гг. вводит в научный оборот новый пласт источников. В исследовании используются оцифрованные стенограммы Бундестага, составным элементом которых являются речи Герхарда Шредера. В сочетании с другими группами исторических документов и мемуарной литературой, это позволило реконструировать аргументацию и установки немецкого политического истеблишмента в отношении России.

¹²² Фуко М. Археология знания. СПб., 2004. 415 с.

4. В исследовании предложена и обоснована авторская периодизация становления и развития отношений ФРГ и РФ в 1994–2005 гг., включающая ключевые этапы: становление, институционализация, расширение повестки и кризисные проявления, что позволяет уточнить динамику и внутреннюю логику взаимодействия в постбиполярный период.

5. С помощью статистического метода, примененного к показателям (индексам) прямых иностранных инвестиций, выявлено и конкретизировано противоречие между декларируемой приоритетностью и глубиной экономического взаимодействия в отношениях ФРГ и РФ и фактическими результатами сотрудничества, что уточняет оценку экономического измерения отношений.

Положения, выносимые на защиту:

1. Отношения между РФ и ФРГ в 1994–2005 гг. развивались как многоуровневый процесс, сочетающий двусторонние механизмы и общеевропейские каналы. ФРГ задействовала институциональные процедуры ЕС и практики выработки внешнеполитических решений как дополнительный ресурс реализации своих приоритетов в диалоге с Россией, что в ряде случаев влияло на формирование рамок взаимодействия и повестки.

2. Институционализация и правовое закрепление российско-германских отношений в 1994–2005 гг. не обеспечили их устойчивой и глубокой реализации на практике: на межгосударственном и общеевропейском уровнях сохранялись ограничения, обусловленные различием установок и ожиданий сторон, а также расхождениями в трактовке целей европейского порядка и безопасности, что повышало зависимость результатов взаимодействия от внешней конъюнктуры.

3. Российско-германское взаимодействие в 1994–2005 гг. не привело к формированию долгосрочной общности стратегических интересов и высокого уровня взаимного доверия. Несмотря на расширение повестки и наличие различных форматов сотрудничества, достигнутые результаты оставались преимущественно секторальными и не складывались в устойчивую «общую

стратегию». Партнерская риторика в этот период выполняла главным образом функцию обозначения целей и рамок взаимодействия, тогда как реальные пределы сближения задавались структурными расхождениями и асимметрией институциональных возможностей сторон.

Практическая значимость исследования определяется необходимостью переосмысления накопленного опыта взаимодействия сторон. Несмотря на множество институциональных инициатив, российско-германские отношения столкнулись с целым рядом факторов, ограничивших возможности их полноценного развития. В условиях современной нестабильности международных отношений и кризиса в отношениях России и Запада понимание исторических условий и механизмов, способствовавших или препятствовавших реализации конструктивных международных отношений, приобретает особое значение.

Другим аспектом практической значимости выступает возможность использование работы в сферах преподавания таких предметов как история Германии, история интеграционных объединений, история современной России или в экспертных аналитических кругах, осуществляющих профильную деятельность по выстраиванию взаимоотношений между ФРГ и РФ в широком контексте.

Апробация результатов исследования

Диссертация обсуждалась на заседании кафедры всеобщей истории и была рекомендована к защите. Основные положения и выводы работы нашли отражения в 4 научных статьях, 3 из которых опубликованы в рецензируемых научных изданиях рекомендованных ВАК.

Отдельные положения диссертации и аспекты рассматриваемых проблем были представлены в докладах на конференциях и круглых столах: глобальные вызовы и актуальные рецепции в исторических нарративах XX-XXI вв. (РГГУ, 2023); IV Международная научно-практическая конференция «Иностранный язык в сфере профессиональной коммуникации: инновации, проблемы и перспективы» (РГГУ, 2023), Международная конференция

студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов» (МГУ, 2024) Социал-демократические проекты Европы: история и современность (РГГУ, 2024)

Структура диссертационного исследования

Структура работы соответствует логическим и содержательным линиям темы исследования. Работа состоит из введения, двух глав, заключения, списка использованных источников и литературы и 8 приложений, включающих авторские схемы и таблицы.

Во **введении** обоснованы актуальность темы исследования, терминология, степень изученности темы, выделены объект и предмет, обозначены цель и задачи исследования, его хронологические рамки, проанализированы источниковая база, теоретические и методологические принципы исследования, его научная новизна, выделены положения, выносимые на защиту, представлены практическая значимость результатов и структура диссертации.

В **первой главе** рассматривается европейское измерение отношений между ФРГ и РФ в 1994–2005 гг. и анализируются способы реализации германской политики в отношении России через механизмы Европейского союза. В *первом параграфе* выявляется роль Германии в формировании подходов и практик ЕС по российскому направлению. Особое внимание уделяется историко-правовым факторам усиления влияния ФРГ в институтах ЕС и институциональным условиям, позволявшим Берлину воздействовать на коллективную повестку дня.

Во *втором параграфе* анализируются ключевые договоры и решения, определявшие правовую и политическую рамку взаимодействия России с ЕС и, опосредованно, российско-германских отношений: Соглашение о партнерстве и сотрудничестве между РФ и ЕС 1994 г., изменения институциональной архитектуры ЕС, связанные с Амстердамским договором 1997 г., а также «дорожные карты» общих пространств 2005 г. и их политические последствия.

Третий параграф посвящен экономическому измерению европейского уровня. В нем раскрываются способы продвижения Германией собственных экономических интересов в рамках правовых и управленческих процедур Европейской комиссии и соответствующих направлений политики ЕС. Дополнительно воссоздается структура и динамика движения европейского и германского капитала.

В *четвертом параграфе* рассматриваются примеры культурного и научно-технического сотрудничества, реализованные через общеевропейские программы при участии российских организаций и коллективов, а также их значение для общего контекста отношений.

Во **второй главе** исследуется национальный уровень отношений РФ и ФРГ, раскрываются формы и инструменты реализации политики сторон в рамках традиционной дипломатии и межгосударственных механизмов.

Первый параграф сфокусирован на анализе координации двусторонних усилий в правовой сфере и становлении правовых отношений в постсоветский период.

Во *втором параграфе* оценивается развитие политического взаимодействия в условиях меняющейся внешнеполитической обстановки и смены правительств в обеих странах.

В *третьем параграфе* воссоздаются особенности экономического сотрудничества: подчеркивается роль торгово-экономических и кредитных инструментов в двустороннем формате, анализируются ключевые проекты, включая «Северный поток», и выявляются прагматические интересы, лежавшие в основе их реализации.

В *четвертом параграфе* рассматриваются гуманитарные инициативы и совместные институциональные платформы, включая деятельность германских организаций в сфере образования; анализируются их достижения и ограничения, а также влияние культурной дипломатии на динамику двусторонних отношений и ее использование Германией как инструмента «мягкой силы».

В заключении представлены основные выводы исследования.

Глава 1. Отношения РФ и ФРГ в контексте эволюции Европейского союза

1.1. Развитие институциональных механизмов ЕС и их значение для российско-германских отношений

Для понимания того, как Германия в условиях послевоенных ограничений внешнеполитической субъектности смогла стать одним из ключевых акторов в формировании внешнеполитической повестки Европейского Союза в отношении России, необходимо рассмотреть эволюцию германской стратегии в рамках европейской интеграции. Анализ особенностей исторического и правового развития Германии позволяет выявить последовательный рост влияния страны внутри коллективных европейских институтов, что в конечном итоге создало условия для реализации ее внешнеполитических приоритетов.

Отправной точкой служит Основной закон ФРГ 1949 года (Grundgesetz). Документ закреплял интеграционную ориентацию Западной Германии: в его преамбуле декларировалась решимость «служить делу мира... в качестве равноправного партнера в объединенной Европе», а статья 24 санкционировала передачу суверенных полномочий наднациональным институтам¹²³. Такие формулировки в основополагающем для государства тексте несут в себе глубокий отпечаток немецкого самосознания того времени.

По меткому выражению А.М. Филитова: «...чудовищное злоупотребление понятиями «нация», «национальное» в период фашизма вызвали в послевоенной Германии вполне объяснимую реакцию отторжения. Можно сказать, что тотальное поражение Германии в развязанной ею войне

¹²³ Grundgesetz für die Bundesrepublik Deutschland. Bundeszentrale für politische Bildung. Bonn. 2013. S. 12.

привело к столь же тотальной компрометации соответствующих ценностей, традиций и символов.»¹²⁴

В условиях формирования биполярного миропорядка и послевоенных ограничений внешнеполитической субъектности ФРГ сделала стратегический выбор: вместо стремления к полному традиционному суверенитету, невозможному в тех условиях, она стала целенаправленно передавать часть суверенных полномочий наднациональным институтам. Под влиянием этих условий курс на интеграцию рассматривался не как один из многих вариантов осуществления внешней политики, а как необходимое условие для национального выживания¹²⁵.

В результате ФРГ стала государством, способным транслировать свое влияние на международную арену преимущественно, если не исключительно, через участие в коллективных структурах – Европейских сообществах и НАТО. Ключевым вызовом в рамках этого подхода к суверенитету оставалось формирование системы принятия решений, обеспечивающей эффективное продвижение национальных интересов даже в условиях разногласий с другими участниками. Именно развитие такой процедурной архитектуры создало предпосылки для более активного использования общеевропейского уровня и по российскому направлению.

Первым полигоном для отработки подобной модели стало создание Европейского объединения угля и стали (ЕОУС). Парадоксальным образом проект, инициированный Францией для нейтрализации риска ремилитаризации Германии, одновременно создал условия для восстановления германского влияния в Европе¹²⁶.

¹²⁴ Филитов А.М. Германская нация и германское национальное сознание в исторической ретроспективе // Журнал политической философии и социологии политики «Полития. Анализ. Хроника. Прогноз», №. 2, 2005, С. 22-38. С. 26.

¹²⁵ Anderson J. J., Goodman J. B. Mars or Minerva? A United Germany in a Post-Cold War Europe // After the Cold War: International Institutions and State Strategies in Europe, 1989-1991. Cambridge, 1993. P. 23-62.

¹²⁶ Loth W. Die Teilung der Welt. Geschichte des Kalten Krieges, 1941-1955. München, 1989. S. 203.

Экономически ФРГ удалось защитить свои ключевые производственные отрасли – угольную и сталелитейную. Вместо типичной политики тарифов, ограничений и санкций по отношению к проигравшему, Западная Германия получила гарантированный и прозрачный доступ на рынки стран-участниц объединения. Это обеспечило стабильное, хотя и подотчетное производство и сбыт продукции, став основой для экономической реконструкции, а впоследствии, при содействии американского капитала, – «немецкого экономического чуда» (Wirtschaftswunder).

Помимо экономических преимуществ, правовая система ЕОУС предоставила Германии возможность влиять на формирование европейской политики через назначение своих представителей на руководящие должности.

Наиболее показательным примером этой логики стала ситуация в рамках ЕЭС (Европейское экономическое сообщество), когда немец Вальтер Хальштейн был назначен первым председателем Комиссии ЕЭС¹²⁷, что позволило Германии не только пассивно участвовать в интеграции, но и активно участвовать в создании общеевропейской политики как таковой.

Однако если экономическая интеграция в целом отвечала интересам большинства участников, то развитие коллективных механизмов принятия решений (особенно по вопросам политики и безопасности) вызывало более неоднозначную реакцию. Наиболее последовательную межправительственную линию отстаивала Франция, что сужало пространство наднациональной эволюции. На данном этапе можно условно говорить о распределении «зон лидерства»: экономическую повестку формировала в основном ФРГ при поддержке стран Бенилюкс, которые выступали бенефициарами единого рынка¹²⁸. Сферой интеграционного сотрудничества,

¹²⁷ Küsters H. Walter Hallstein and the Negotiations on the Treaties of Rome 1955–57 // Walter Hallstein: The Forgotten European? New York, 1998. P. 75.

¹²⁸ Krüger D. Op. cit. S. 300-302.

где инициативу, с точки зрения персоналий, удержала Франция, стало атомное объединение Евратом, комиссию которого возглавил Луи Арман¹²⁹.

Важным эпизодом продвижения федералистской логики стало формирование Общей сельскохозяйственной политики (САР), которую активно продвигал Вальтер Хальштейн: регулирование производства, цен и субсидий формировало одно из первых действительно интегрированных пространств¹³⁰.

В том же русле рассматривались предложения о системе собственных ресурсов (автоматических поступлений в бюджет ЕЭС), расширении роли Европейской ассамблеи (будущего Европарламента) и переходе к квалифицированному большинству по финансовым решениям¹³¹.

Предлагаемый подход закономерно вызвал крайне негативную реакцию Франции. Париж видел в коллективных механизмах такого рода ограничение собственного суверенитета и пошел на саботаж всего интеграционного процесса, вызвав кризис известный как «кризис пустого кресла». При этом за публичной, риторической поверхностью конфликта скрывались прагматичные финансовые соображения: Франция, как главный бенефициар механизма субсидирования САР, рисковала потерять значительную часть поступлений в национальный бюджет¹³².

Решением конфликта стало заключение Люксембургского соглашения, названного впоследствии «согласием о несогласии»¹³³. Суть договоренностей была лаконично сформулирована премьер-министром Люксембурга Пьером Вернером и заключалась в том, что любая страна, посчитавшая, что ее критически важные интересы находятся под угрозой, может прибегнуть к

¹²⁹ Bulletin from the European community // Archive of European integration. URL: <https://aei.pitt.edu/43606/1/A7414.pdf> (дата обращения: 19.07.2025).

¹³⁰ Borowsky P. Op. cit.

¹³¹ Bärenbrinker F. Hallstein's Conception of Europe before Assuming Office in the Commission // Walter Hallstein: The Forgotten European? Basingstoke, 1998. P. 87.

¹³² The 'empty chair' policy // Luxembourg centre for contemporary and digital history. URL: https://www.cvce.eu/obj/the_empty_chair_policy-en-f6d19361-9a7a-4e39-ae93-0f898e652d85.html (дата обращения: 29.07.2025).

¹³³ Мухаева Н. Р. Право Европейского союза М., 2006. С. 34.

праву вето в Совете¹³⁴. Такая формулировка де-факто зафиксировала конфликт двух концепций интеграции: федералистской (ФРГ, Бельгия, Нидерланды как страны, стремящиеся к укреплению наднациональных институтов ради экономической выгоды¹³⁵) и конфедералистской (Франция¹³⁶, позднее – Великобритания¹³⁷). Консенсус стал не только процедурой, но и символом ограничения глубокой политической интеграции: инициативы, выходящие за рамки экономической повестки, могли блокироваться, что ограничивало потенциал наднациональных институтов и возможности ведущих государств действовать через них.

При этом закрепление «права вето» в рамках компромисса не означало остановку интеграции: оно фиксировало пределы наднационального развития в чувствительных сферах и задавало длительный процедурный компромисс между федералистской и межправительственной логиками. Углубление экономической взаимозависимости и расширение общего рынка вновь актуализировали вопрос эффективности принятия решений, что к середине 1980-х гг. привело к попытке частичного преодоления «блокирующего консенсуса».

Такой попыткой стал Единый европейский акт 1986 г., символично подписанный в Люксембурге. Де-юре, центральной задачей Акта стало устранение оставшихся барьеров для свободного перемещения товаров, услуг, капитала и рабочей силы – четырех свобод, которые обеспечивали не просто

¹³⁴ The Luxembourg Compromise // Luxembourg centre for contemporary and digital history. URL: https://www.cvce.eu/obj/the_luxembourg_compromise-en-501a4bc3-f295-447f-a98a-3c1d50b46cd9.html (дата обращения: 18.07.2025).

¹³⁵ Павлов Н. В., Новиков А. А. Внешняя политика ФРГ от Аденауэра до Шредера. М., 2005. С. 92.

¹³⁶ Атакишиева Д. Г., Наумова Н. Н. Эволюция интеграционной политики де Голля (середина 50-х – конец 60-х гг. XXв.) // Genesis: исторические исследования. 2021. № 8. С. 29.

¹³⁷ Порецкая Е. А. Великобритания и Маастрихтский договор 1992 года // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия История. Международные отношения. 2012. Т. 12, № 2. С. 101.

единый рынок, а пространство с высокой степенью институциональной взаимозависимости¹³⁸.

Фактически же, углубление экономической интеграции усиливало политическую компоненту и возвращало на повестку вопрос эффективности процедур. Эту же динамику отражали расширение полномочий Европейского парламента и Комиссии, а также внедрение голосования квалифицированным большинством в Совете министров¹³⁹. В более широком смысле на данном этапе формировалась институциональная база постепенного ослабления механизма «блокирующего консенсуса».

Тем самым Единый европейский акт выступил этапом подготовки институциональной архитектуры более глубокой интеграции. Логическим продолжением тренда стал Маастрихтский договор 1992 г., закрепивший новые формы координации и усиливший значение общеевропейских процедур как инструмента реализации национальных приоритетов ФРГ.

Таким образом заключение Маастрихтского договора в 1992 г. стало не инновационным решением, а логическим продолжением федералистского тренда, который совпал с усилением самого значимого из его сторонников – ФРГ.

Германия, уже объединенная, оказалась в уникальной позиции: с одной стороны, она публично заявляла о своих стремлениях служить европейскому делу, с другой – воспринималась партнерами как потенциальная угроза европейскому балансу сил¹⁴⁰.

Устранением потенциального дисбаланса стало включение Германии в интеграционное соглашение нового порядка на таких условиях, когда она бы

¹³⁸ Single European act // Official Journal of the European Communities. 1987. Vol. 30, № L 169. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=OJ:L:1987:169:FULL> (дата обращения: 29.07.2025).

¹³⁹ Кочин И. А. Эволюция модели общей внешней политики и политики безопасности Европейского союза // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2006. № 1 (19). С. 89.

¹⁴⁰ Польшов М. Ф. М. С. Горбачев и объединение Германии // Новейшая история России. 2011. № 1. С. 208.

продолжила проецировать свою мощь способами послевоенного времени: только в трансатлантическом интеграционном контексте¹⁴¹.

Для выявления новейших правил игры, стоит подробнее рассмотреть систему трех «опор» Маастрихского договора¹⁴² и взаимодействие Германии с ними¹⁴³, т.к. именно это является зафиксированным в тексте компромиссом между амбициями Германии на международной арене и опасениями ее соседей.

1. Экономическая и валютная политика

Центральным достижением договора стало создание Экономического и валютного союза (ЭВС), который заложил основу для введения единой европейской валюты – евро. Договор установил строгие экономические критерии для стран-членов, желающих присоединиться к валютному союзу. Эти критерии, известные как Маастрихтские (конвергенционные), включали ограничения на уровень государственного долга (до 60% ВВП), дефицита бюджета (до 3% ВВП), уровня инфляции (не должна превышать более чем на 1,5 процентных пункта средний уровень инфляции трех стран-членов ЕС с самыми низкими показателями инфляции), процентные ставки (не должны превышать более чем на 2 процентных пункта средний уровень процентных ставок тех же трех стран), курсовая стабильность (страна должна участвовать в Европейском механизме обменных курсов (ERM-II) не менее двух лет, демонстрируя стабильность национальной валюты без девальвации)¹⁴⁴.

¹⁴¹ Baun M. J. Op. cit.

¹⁴² Договор о Европейском Союзе (Маастрихт, 7 февраля 1992 г.) (в редакции Лиссабонского договора 2007 г.) // Агентство морского права. URL: <http://oceanlaw.ru/wp-content/uploads/2018/02/Договор-о-Европейском-Союзе.pdf> (дата обращения: 29.07.2025).

¹⁴³ Михалева Т. Н. Европейское право. 1.6 Маастрихтский договор и образование Европейского союза // ВикиЧтение. URL: <https://law.wikireading.ru/hxgqdzv8Us> (дата обращения: 03.08.2025).

¹⁴⁴ Anwendungsbeispiele aus der Finanzwissenschaft // Muenster Uni Vorlesung Archive. URL: <https://web.archive.org/web/20120324165143/http://www.wiwi.uni-muenster.de/insiwo/Download/Vorlesung/WuE/8.Staatsverschuldung.pdf> (дата обращения: 01.08.2025).

Интерпретируя правовые постулаты договора на предмет их совпадения с национальными интересами ФРГ, можно обозначить следующий спектр выводов:

- Создание ЭВС позволило закрепить тренд на формирование единого внутреннего рынка и его последствие – устранение тарифов. Для Германии, чьи темпы экономического роста определялись экспортными показателями, это означало стабильный, долгосрочный и предсказуемый доступ к основным торговым партнерам¹⁴⁵.
- Принятые бюджетные правила полностью соответствовали германской финансовой культуре и денежно-кредитной политике. Ориентация на стабильность, устойчивый и низкий дефицит бюджета и контроль инфляции были экономической реальностью для ФРГ (Stabilitätskultur), а не для других стран, которые вынуждены были менять свою экономическую конъюнктуру¹⁴⁶. Особенно ярко это проявится позже, при расширении ЕС на Восток.
- Введение евро дополнительно сняло валютные риски с экспортируемых товаров. При отсутствии курсовой разницы в зоне Евро торговля с партнерами стала более стабильной¹⁴⁷.

2. Сотрудничество в области правосудия и внутренних дел

¹⁴⁵ The (Trading) Costs of a Non-EU (in German) / G. Felbermayr, J. K. Gröschl, I. Heiland, J. Stehn // Kiel Institute for the World Economy. 2019. URL: <https://www.ifw-kiel.de/publications/the-tradingcosts-of-a-non-eu-in-german-22187> (дата обращения: 29.07.2025).

¹⁴⁶ Galanos G., Kotios A., Pavlidis G. Greece and the Euro: The Chronicle of an Expected Collapse // Intereconomics. 2011. Vol. 46, № 5. P. 263-269. URL: <https://www.intereconomics.eu/contents/year/2011/number/5/article/greece-and-the-euro-the-chronicle-of-an-expected-collapse.html> (дата обращения: 19.07.2025).

¹⁴⁷ Posen A. S. The Euro Payoff: Germany's Economic Advantages from a Large and Diverse Euro Area // Peterson Institute for International Economics. 2011. URL: <https://www.piie.com/commentary/speeches-papers/euro-payoff-germanys-economic-advantages-large-and-diverse-euro-area> (дата обращения: 13.07.2025).

Договор заложил основу для совместных усилий стран-членов в борьбе с преступностью, терроризмом и незаконной миграцией. Этот блок интеграции включал гармонизацию национальных законодательств, развитие общих правовых норм и создание институциональных механизмов, таких как Европол, для координации действий на транснациональном уровне. Введение таких мер было направлено на укрепление внутренней безопасности Союза, обеспечение эффективного обмена информацией между странами-членами и развитие общего подхода к правовым и миграционным вопросам¹⁴⁸.

3. Общая внешняя политика и политика безопасности

В контексте исследования особую значимость представляет вторая опора Маастрихтского договора – Общая внешняя политика и политика безопасности (ОВПБ), поскольку именно она впервые закрепила юридическую возможность для ЕС действовать как международный актор.

Создание ОВПБ отражало попытку выработать согласованный подход к вопросам внешней политики и безопасности, укрепить коллективную субъектность ЕС и заложить фундамент для будущих стратегических инициатив, включая будущий формат партнерства с Россией, по смыслу подходящий как первой, так и второй опоре¹⁴⁹.

Архитектура второй опоры, тем не менее, оказалась результатом компромисса между федералистской и конфедералистской логиками интеграции. Например, содержание главы V статьи J Маастрихтского договора закрепило стремление к развитию общей внешнеполитической стратегии, но предписывало использование принцип единогласия при принятии решений¹⁵⁰. Маастрихтский договор в этом плане можно считать

¹⁴⁸ Михалева Т. Н. Указ. соч.

¹⁴⁹ Dijkstra H., Vanhoonacker S. The Common Foreign and Security Policy // Oxford Research Encyclopedia of Politics. URL: <https://oxfordre.com/politics/view/10.1093/acrefore/9780190228637.001.0001/acrefore-9780190228637-e-155> (дата обращения: 19.07.2025).

¹⁵⁰ Договор о Европейском Союзе (Маастрихт, 7 февраля 1992 г.) (в редакции Лиссабонского договора 2007 г.) // Агентство морского права. URL: <http://oceanlaw.ru/wp-content/uploads/2018/02/Договор-о-Европейском-Союзе.pdf> (дата обращения: 29.07.2025).

значимым шагом по расширению федералистской перспективы, хотя сдержанном виде¹⁵¹.

Дополнительно федералистская логика была частично реализована через расширение полномочий Европейской комиссии и Европейского парламента, особенно в рамках первой опоры¹⁵². Германия поддерживала усиление законодательных функций Ассамблеи (будущего Европарламента), а также расширение прерогатив Комиссии в международных экономических переговорах¹⁵³.

С точки зрения Берлина, такой подход обеспечивал более предсказуемый и прозрачный процесс принятия решений, снижая уже обозначенный риск блокирования инициатив отдельными государствами.

Однако усиление институционального инструментария не сняло ключевую проблему ОВПБ: внешнеполитическое действие ЕС оставалось ограниченным межправительственной природой второй опоры и высокой ролью консенсуса, что особенно проявлялось в кризисных ситуациях.

Показателен прецедент 1993 г., когда Великобритания отказалась поддержать инициативу Франции и Германии о направлении миротворческих сил в Восточную Хорватию, формально ссылаясь на отсутствие мандата и согласованной стратегии. Настоящая причина крылась в нежелании Лондона участвовать в военной интервенции¹⁵⁴.

Балканский кейс выявил не только политические разногласия, но и процедурные ограничения: решения оставались медленными и уязвимыми для блокирования, что актуализировало задачу институциональной «настройки» внешнеполитического механизма.

¹⁵¹ Vanhoonacker S. From Maastricht to Amsterdam: Was it Worth the Journey for CFSP? // EIPAScope. 1997. № 2. URL: <https://aei.pitt.edu/804/> (дата обращения: 19.07.2025).

¹⁵² Бабынина Л. О. Указ. соч.

¹⁵³ Laursen F. Op. cit.

¹⁵⁴ Барабанов О. А. Указ. соч. С. 28.

Амстердамский договор продолжил курс на расширение применения голосования квалифицированным большинством¹⁵⁵. Нововведением стало закрепление механизма тесного сотрудничества (*enhanced cooperation*), позволявшего группе государств при отсутствии единогласия реализовывать инициативы в формате «коалиции желающих» при соблюдении целей и принципов ЕС¹⁵⁶. Это расширяло институциональную пластичность: формальный консенсус сохранялся, но дополнялся возможностью практической реализации решений в более узком составе, что увеличивало пространство маневра для ведущих государств, к которым относилась и ФРГ, продвигавшая концепцию федерализма.

Одновременно интеграционное объединение вступило в фазу подготовки к восточному расширению. Присоединение новых участников усиливало риск процедурной перегруженности и повышало значимость реформ, обеспечивающих управляемость и эффективность системы принятия решений.

Ниццкий договор 2001 г. стал ответом на этот вызов. Германия активно участвовала в его разработке, стремясь не только сохранить, но и формализовать свое институциональное преимущество в новых условиях.

Существенным результатом переговорного процесса в этой стезе стало перераспределение голосов в Совете ЕС: Германия получила 29 голосов (наряду с Францией, Италией и Великобританией), а в сочетании с демографическими параметрами и расширением применения квалифицированного большинства Берлин укреплял позиции одного из ключевых участников принятия решений¹⁵⁷ (см. Приложение 1). Договор также расширил сферы, где можно было обходиться без консенсуса, и

¹⁵⁵ Moravcsik A., Nicolaïdis K. Op. cit. P. 63.

¹⁵⁶ Шайтхудинова Г. Р. Указ. соч.

¹⁵⁷ Ниццкий договор – реформа институтов ЕС // Электронная библиотека Ozlib. URL: https://ozlib.com/887656/sotsium/nitstskiy_dogovor_reforma_institutov#aftercont (дата обращения: 29.07.2025).

утвердил Европейский парламент как равноправного со-законодателя в большем числе процедур.

Таким образом, правовая реформа устранила институциональные противоречия, формализовав доминирующее влияние крупнейших государств, среди которых выделялась именно Германия. В перспективе это усиливало возможности в формировании внешнеполитической повестки Союза¹⁵⁸.

В рамках исследуемой проблематики Ниццкий договор стал эпилогом ряда реформ. С одной стороны, он стал юридическим отражением достигнутого ФРГ уровня влияния, с другой – инструментом масштабирования этого влияния в условиях нового состава ЕС. Это означало, что в ситуации принятия внешнеполитических решений – в том числе по направлению «Россия – ЕС» Германия могла не просто предлагать повестку, но и блокировать нежелательные инициативы или, наоборот, продвигать нужные, формируя под них устойчивое большинство в соответствующих органах управления¹⁵⁹. Конкретные форматы и кейсы взаимодействия будут рассмотрены во втором параграфе.

¹⁵⁸ Авдеенко Е. Г. От Маастрихта к Амстердаму: стратегия ФРГ в области общей внешней политики, безопасности и обороны в Европе // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 22. С. 112-121.

¹⁵⁹ Авдеенко Е. Г. Европейская политика ФРГ в период правления «красно-зеленой» коалиции (1998-2005 годы) // Вестник Челябинского государственного университета. 2012. № 7 (261). С. 91-99.

1.2. Договорные режимы ЕС в отношении России

Как было показано в предыдущем параграфе, институциональная эволюция Европейского союза привела к появлению набора договорно-политических инструментов, позволяющих выстраивать отношения с внешними партнерами на основе сочетания правовых норм, процедур согласования и политической повестки. Однако само наличие правовых рамок не обеспечивает автоматического запуска соответствующих форматов: для их наполнения и практической реализации требуется политическая воля и ресурс для координации внутри ЕС, а также способность одного или нескольких ведущих участников консолидировать позицию Союза по конкретному направлению.

В 1994 г. таким ресурсом в значительной мере располагала ФРГ. В период председательства Германии в Совете ЕС, опираясь на распространенный в общеевропейской дискуссии тезис о необходимости укрепления роли ЕС как самостоятельного международного актора¹⁶⁰, Берлин выступил одним из ключевых инициаторов заключения Соглашения о партнерстве и сотрудничестве (СПС) между Европейскими сообществами и Российской Федерацией. Именно германская делегация при политической поддержке канцлера Гельмута Коля содействовала согласованию документа и консолидации позиции ЕС, преодолевая скепсис отдельных государств-членов¹⁶¹. Тем самым СПС стало не только элементом правовой фиксации отношений «Россия – ЕС», но и показателем возросших возможностей

¹⁶⁰ Эмерсон М. Формирование политических рамок Большой Европы // Современная Европа 2004. № 3. С. 92

¹⁶¹ Фрольцов В. В. Указ. соч.

Германии использовать общеевропейский уровень для формирования рамок диалога с таким влиятельным актором как Москва.

Правовая и процедурная специфика СПС заключалась в том, что соглашение затрагивало одновременно компетенции первой и второй опор Маастрихтского договора. Экономико-торговые положения СПС составляли его основную часть и относились к первой опоре, где роль Комиссии и наднациональных процедур была наиболее значима. Это отвечало интересам ФРГ, ориентированным на расширение стабильного и предсказуемого рынка для экспорта и инвестиций, а также на институционализацию правил торговли с крупным восточноевропейским партнером.

Одновременно СПС включало политические элементы (политический диалог, вопросы внешней политики, безопасности и прав человека), связанные со сферой ОВПБ, где действовал принцип консенсуса, что усложняло согласование и делало документ более чувствительным к позициям отдельных государств-членов. В ходе переговорного процесса Европейская комиссия, взаимодействуя с российской стороной, была вынуждена учитывать различие компетенций и добиваться принятия отдельных положений в логике национальной ратификации и внутрисоюзного согласования¹⁶². В совокупности это придавало СПС характер «смешанного» соглашения, в котором экономическая прагматика сочеталась с политическими и ценностными рамками, фиксируемыми через процедуры ЕС.

Содержательно СПС предусматривало создание правовой основы для торгово-экономических отношений между ЕС и Россией, снижение барьеров для торговли и инвестиций, развитие механизмов политического диалога, а также сотрудничество по вопросам безопасности и прав человека. Для ФРГ участие в заключении соглашения подобного масштаба имело и репутационный эффект: Берлин укреплял статус одного из ключевых участников европейской политики и одновременно подтверждал роль

¹⁶² Водорезов С. И. Указ. соч. С. 16.

значимого посредника в коммуникации между Москвой и Брюсселем в непредсказуемом постбиполярном контексте.

Вместе с тем значение СПС целесообразно оценивать без переоценки его «исключительности». Несмотря на активную позицию ФРГ, соглашение не было результатом уникального лоббизма, вытекавшего исключительно из «особых отношений» с Россией. Более обоснованно рассматривать его как элемент последовательной линии Берлина по освоению нового геополитического пространства через имеющиеся институциональные каналы ЕС прежде всего через механизм председательства и согласование общеевропейской позиции в отношениях с внешним актором.

Расстановку акцентов таким образом подтверждает и международная практика: в кратчайшие сроки аналогичные по содержанию СПС были заключены с 10 бывшими республиками СССР. Следовательно, СПС 1994 г. можно характеризовать как типовой рамочный документ, фиксировавший намерение к сотрудничеству, но не задававший жестких задач, инструментов и регламентов для достижения заявленных целей¹⁶³.

Поэтому в контексте настоящего исследования особую значимость приобретают два аспекта. Во-первых, символично-риторический слой СПС: он выступал индикатором готовности к диалогу и жестом политического признания России как важного партнера в европейской архитектуре. Логичным будет предположить, что Берлин как инициатор этого процесса был сторонником такой точки зрения.

Во-вторых, историко-правовой контекст соглашения и логика его процедур показывают, что взаимодействие с Россией выстраивалось в рамках общего подхода ЕС к восточноевропейскому пространству и воспринималось через призму европейских норм и механизмов согласования. Для российско-германских отношений это означало закрепление специфической ситуации:

¹⁶³ Соглашение о партнерстве и сотрудничестве с Россией 1994 г., комментарий к.ю.н. Калиниченко П.А. // Eulaw.edu. URL: <https://archive.md/RB0k6> (дата обращения: 01.12.2024).

двусторонний диалог развивался параллельно, но его рамки все заметнее соотносились с общеевропейскими правилами и повесткой, в формировании которых Германия обладала существенными возможностями.

Наполнение рамочного формата более конкретным политическим содержанием совпало с ростом институциональной зрелости самого ЕС после Амстердамского договора. В 1999 г. Россия стала первым адресатом нового инструмента общей внешнеполитической координации – Общей стратегии ЕС по отношению к России¹⁶⁴.

В процедурном отношении документ относился к сфере ОВПБ и принимался консенсусом, однако роль ФРГ проявилась через иные источники влияния: страну-председателя, способную задавать приоритеты, формулировки и смысловые границы общей стратегии, тем самым конструируя рамку отношений ЕС с Москвой и влияя на контекст, в котором развивались российско-германские контакты¹⁶⁵.

Лейтмотивом Общей стратегии ЕС по отношению к России выступает идея обеспечения безопасности и стабильности на европейском континенте. Вместе с тем уже на уровне ключевых формулировок фиксировалось условие: ЕС готов развивать отношения с государством, которое соответствует модели «открытой и плюралистической демократии». Даже при общей декларативности подобного требования оно могло восприниматься Россией как политическая установка «сверху» (а не как коммуникация с равным партнером) и как попытка задавать параметры внутреннего политического развития партнера. Этот эффект усиливался тем, что ценностная компонента в конце 1990-х гг. становилась заметной частью внешнеполитического языка ЕС.

¹⁶⁴ Common Strategy of the European Union on Russia. European Council, Cologne, 3 and 4 June 1999 // European Union. 1999. URL: <https://publications.europa.eu/en/publication-detail/-/publication/38943c06-7e5d-4ca3-acc3-c5154bd9c04e/language-en> (дата обращения: 19.07.2025).

¹⁶⁵ Maas A. S. Op. cit. P. 192.

Сравнение стратегии по России с аналогичными документами ЕС по отношению к другим государствам СНГ показывает, что в российском случае формулировки зачастую были жестче, а язык менее нейтральным. Это позволяет говорить о том, что данный формат рассматривался ЕС не только как инструмент сотрудничества, но и как способ политического воздействия на адресата¹⁶⁶.

При этом в стратегии присутствовал и позитивный горизонт: вводился термин «стратегическое партнерство», и именно оно обозначалось как цель взаимодействия¹⁶⁷. Значительное внимание также уделялось и вопросам общей безопасности, что было связано с попытками укрепить согласованность внешней политики ЕС после Амстердамского договора.

Для понимания смысла и причин принятия стратегии именно в такой конфигурации важно учитывать контекст ее принятия, определенный войной в Югославии. Германия приняла участие в воздушной операции НАТО против Югославии («Союзная сила»), что стало серьезным переломом по отношению к прежней послевоенной сдержанности и пацифистской традиции¹⁶⁸.

Для России это выглядело как сигнал: евроатлантические структуры готовы применять силу без учета позиции Москвы, а значит, их политические декларации не гарантируют предсказуемости их соблюдения. На этом фоне запуск новой стратегии ЕС по России объективно происходил в ситуации пониженного доверия, когда любой язык условий и требований воспринимался особенно болезненно, актуализируя реалистское прочтение международной среды.

Скептицизм российской стороны подкреплялся и внутривнутриполитическими процессами: в тот же период происходит эскалация Чеченского конфликта.

¹⁶⁶ Timmermann H. Op. cit.

¹⁶⁷ Common Strategy of the European Union on Russia. European Council, Cologne, 3 and 4 June 1999 // European Union. 1999. URL: <https://publications.europa.eu/en/publication-detail/-/publication/38943c06-7e5d-4ca3-acc3-c5154bd9c04e/language-en> (дата обращения: 19.07.2025).

¹⁶⁸ Spanger H.-J. Op. cit.

Столкновение активно критиковалось Германией, транслирующей в публичном пространстве озабоченность о чрезмерном применении силы. В совокупности эти обстоятельства негативно сказались на динамике отношений и усилили российскую чувствительность к вопросам суверенитета и безопасности¹⁶⁹.

Ответом Москвы на европейскую стратегию стала публикация в октябре 1999 г. Среднесрочной стратегии развития отношений с Европейским Союзом¹⁷⁰. Документ МИД РФ был первой попыткой зафиксировать российское понимание «правил игры» в отношениях с ЕС. В нем подчеркивалось, что настоящее партнерство возможно лишь на основе равноправия и взаимной выгоды, а не в логике ассоциации или поэтапной интеграции на условиях, заранее сформулированных одной стороной. При этом Россия не отвергала кооперацию по прикладным вопросам безопасности (контроль над вооружениями, борьба с терроризмом, миротворчество, урегулирование конфликтов), но избегала форматов, в которых ведущую роль играют структуры НАТО, и в целом критически относилась к тем механизмам, которые воспринимались как политически и процедурно асимметричные.

В противовес этому, Россия предлагала опору на ОБСЕ как на альтернативный центр управления рисками и конфликтами, подчеркивая ее универсальность, равноправие участников и мандат на недискриминационный подход к безопасности¹⁷¹. Можно заключить, что в этом плане Москва разделяет конфедералистский подход к возможной собственной интеграции в западные институты.

Экономическая часть документа в значительной степени пересекается с повесткой ЕС: говорится о поддержке развития единого общеевропейского

¹⁶⁹ Tsygankov A. P. Op. cit. P. 140-141.

¹⁷⁰ Стратегия развития отношений Российской Федерации с Европейским Союзом на среднесрочную перспективу (2000-2010 гг.) (Хельсинки, 22 октября 1999 г.) // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/901773061> (дата обращения: 22.07.2025).

¹⁷¹ Wagensohn T. Op. cit.

экономического пространства, необходимости унификации правовых норм и устранения барьеров для торговли и инвестиций.

Однако, в отличие от ранних российских позиций, в стратегии впервые отчетливо формулируется тезис о специфической роли России на постсоветском пространстве. Москва подчеркивает, что ЕС может развивать связи с другими странами СНГ, но такие отношения не должны нарушать интересы России как ключевого регионального актора. Это положение знаменует собой важный сдвиг в позиционировании РФ в диалоге с ЕС: от равноправного партнера в Европе к региональному гаранту порядка в Евразии.

Среднесрочная стратегия России была спокойно воспринята в европейском истеблишменте, но получила критическую оценку со стороны части европейского экспертного сообщества как «требовательный и раздраженный ответ» на Общую стратегию ЕС, принятую ранее (которую в Москве расценили как «снисходительный и высокомерный» документ)¹⁷². Эта оценочная риторика хорошо показывает ранний кризис интерпретаций: стороны еще до появления новых масштабных проектов столкнулись с разным пониманием того, что именно означает «партнерство» и на каких основаниях оно должно быть реализовано.

На этом этапе обозначилось принципиальное расхождение подходов. ЕС все больше закреплял в инструментах взаимодействия политические и ценностные условия, а также процедурную логику, где правила формируются внутри Союза и затем предъявляются партнеру. Россия, напротив, исходила из идеи равноправия и стремилась удерживать повестку в более прагматичном русле. В этих условиях важна роль Германии: как один из наиболее влиятельных участников ЕС и как страна, способная задавать тон и вектор повестки дня (особенно в период председательства), ФРГ участвовала в формировании рамок, в которых политико-ценностный компонент постепенно усиливался. Это имело прямые последствия и для российско-германских

¹⁷² Бордачев Т. В. Пределы европеизации. Россия и Европейский союз 1991-2007: теория и практика отношений. М., 2007. С. 92.

отношений: двусторонний диалог все чаще оказывался привязан к общеевропейским формулировкам и решениям, за которые Берлин нес часть политической ответственности.

Дальнейшее развитие сопровождалось ростом напряженности и практическими ограничениями. На фоне Чеченского конфликта и общего ухудшения политического климата ужесточались требования к качеству российской продукции на рынках ЕС. Программа TACIS (Россия была крупнейшим получателем средств¹⁷³) сначала попала под сокращение бюджета, а затем и вовсе переориентировалась на оказание консультативных услуг¹⁷⁴; подписание научно-технического соглашения с РФ было отложено.

Дополнительным раздражителем в этот период для отношений в системе координат Берлин-Брюссель-Москва стал выпуск «Общей стратегии ЕС в отношении Украины», где, по сравнению с российским кейсом, акцент был заметнее смещен к прагматике и экономике при менее выраженной ценностной составляющей. Это позволяет говорить о существовании логики «избирательной симметрии»¹⁷⁵, где строгость требований к партнерам динамично меняется под влиянием национальных интересов участников наднационального объединения, а не является равной для всех.

При этом сохранялись и попытки удержать диалог в конструктивном поле. Совместное заявление председателя Европейского совета А. Гутерриша и председателя Европейской комиссии Р. Проди подчеркивало стремление развивать отношения ради стабильной и процветающей Европы¹⁷⁶.

¹⁷³ Что такое Tacis. Программа содействия развитию экономических и политических связей Европейского союза // Коммерсантъ. 2002. 3 июля. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/330469> (дата обращения: 19.07.2025).

¹⁷⁴ Frenz A. The European Comission's Tacis programme 1991-2006. A success story // Archive of European integration. URL: https://eeas.europa.eu/sites/default/files/tacis_success_story_final_en.pdf (дата обращения: 01.08.2025).

¹⁷⁵ Dokumente zur Vertiefung und Erweiterung der Europäischen Union // Internationale Politik. 2000. № 2. URL: <http://www.internationalepolitik.de/ip/archive/jahrgang2000/februar2000/dokumentation.html> (дата обращения: 13.05.2025).

¹⁷⁶ Совместное заявление Президента Российской Федерации В.В. Путина, Председателя Европейского совета А. Гутерриша, при содействии Генерального секретаря Совета

В выступлениях президента ФРГ Романа Герцога на Потсдамских встречах также звучал тезис о необходимости поддерживать сотрудничество между странами; действия НАТО в Югославии он интерпретировал как защиту ценностей прав человека, демократии и верховенства права, а Россия в этой логике мыслится как возможный участник и медиатор¹⁷⁷.

Но влияние этих исключений нужно оценивать в русле прагматики, т.е. на предмет совпадения озвученного нарратива и совершенного политического действия. За словами о компромиссах ЕС (и ФРГ как один из ключевых акторов) последовательно выстраивал институционально-правовую архитектуру, удобную для стран-членов, но слабо учитывающую интересы стран-соседей.

Наиболее наглядно это проявилось на фоне подготовки восточного расширения ЕС после Ниццкого договора. Расширение обозначило четкий узел напряженности – Калининградскую область. Присоединение Польши и Литвы к ЕС означало, что режим доступа к полуэксклаву усложняется из-за применения европейского законодательства новыми членами Союза¹⁷⁸.

Несмотря на активную позицию российского МИДа и сложные переговоры, добиться полноценного режима гарантий не удалось: были введены упрощенные транзитные документы для поездок по суше через Литву (УТД), но они не решали проблему в полном объеме и не фиксировали четких гарантий свободы передвижения¹⁷⁹.

ЕС/Высокого представителя по вопросам внешней политики и политики безопасности ЕС Х. Соланы, Председателя Комиссии Европейских сообществ Р. Проди (Москва, 29 мая 2000 г.) // Министерство иностранных дел РФ. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/rso/1684754 (дата обращения: 19.07.2025).

¹⁷⁷ Ansprache von Bundespräsident Roman Herzog anlässlich der ersten Konferenz "Deutsch-Russisches Kulturforum Potsdamer Begegnungen" // Bundespräsidialamt. 1999. URL: https://www.bundespraesident.de/SharedDocs/Reden/DE/Roman-Herzog/Reden/1999/04/19990427_Rede.html (дата обращения: 22.07.2025).

¹⁷⁸ Шенгенское соглашение // Современная Европа. 2003. № 1 (13). С. 104-108.

¹⁷⁹ Саммит Россия – Евросоюз (Брюссель, 11 ноября 2002 г.). Совместное заявление // Современная Европа. 2002. № 4. С. 111-115.

Такой подход, деструктивный для России, виделся вариантом нормы как в Брюсселе, так и в Берлине. Более того, Берлин предпринимал попытки решения «Кенигсбергской дилеммы», предлагая создание «литовско-российско-польского еврорегиона».

Для региона существовал бы отдельный правовой режим, позволивший решить накопившиеся проблемы с экономикой и гуманитарной сферой¹⁸⁰. Такое предложение выглядит проблематичным и противоречивым с точки зрения политических интересов России. Логически, это лишь усложняло процесс: если не удалось договориться с ЕС в старой конфигурации с меньшим количеством игроков, то почему с новым образованием (которое состоит из политически недружелюбных элементов) будет договориться легче и вообще возможно? Помимо этого риторического вопроса существовал и правовой аспект неприкосновенности границ, зафиксированных по итогам Второй мировой войны.

Отдельная точка напряжения – судьба базы Балтийского флота, расположенной в регионе. С точки зрения военной безопасности – это бесценный актив, который является надежным средством для проекции силы и обеспечения суверенитета страны. В публичной сфере этот вопрос никогда не поднимался, но предлагаемая логика создания «литовско-российско-польского региона» входила в конфликт с полным российским суверенитетом над базой ВМФ.

Перед переходом к анализу финального инструмента в наших хронологических рамках – «дорожных карт» четырех общих пространств (Экономика; Свобода, безопасность и правосудие; Внешняя безопасность; Исследования, образование и культурные аспекты¹⁸¹) необходимо зафиксировать две проблемы:

¹⁸⁰ Knelangen W. Op. cit. S. 32.

¹⁸¹ «Дорожные карты» четырех общих пространств, утвержденные на саммите Россия-ЕС, Москва, 10 мая 2005 года // Министерство иностранных дел РФ. 2005. 11 мая. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/rso/1751893/ (дата обращения: 22.07.2025).

1. *Проблема формально-институциональная.* Документ о СПС подразумевал заключение на 10 лет и истекал в 2007г. К этому сроку необходимо было согласовать новый формат взаимодействия в новых геополитических реалиях, пусть и декларативный.
2. *Проблема смысловая.* На фоне произошедших кризисов и багажа взаимных проблем, необходимо было найти новые конструктивные смыслы и проявить политическую волю для поиска компромисса. Это касается самого широкого спектра вопросов: от безопасности и экономики до понимания ценностей и гуманитарных аспектов.

Опираясь на текст дорожной карты, была составлена матрица ее влияния в контексте решения обозначенных проблем (см. Приложение 2)

В результате было установлено, что концепция 4 совместных пространств решала только одну проблему – выработку институциональной канвы для перезаключения СПС. Смысловые проблемы и отсутствие конкретных задач (кроме 1 сферы – Исследования, образования и культурные аспекты) были унаследованы из СПС. Такая позиция созвучна с российской публичной риторикой.

Например, президент России – Владимир Владимирович Путин высоко оценил значение этих карт и отметил, что обе стороны продемонстрировали способность решать сложные проблемы¹⁸². Сергей Викторович Лавров – руководитель профильного ведомства МИД – более предметно описывая карты, отметил, что они задают направления действий, но не расписывают конкретных действий сторон. Традиционно, есть сферы, где сотрудничество развивается быстрее (энергетика, транспорт), а есть «рецидивы старых

¹⁸² Пресс-конференция по итогам встречи на высшем уровне Россия – Европейский союз // Сайт Президента России. 2005. 10 мая. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/22967> (дата обращения: 19.07.2025).

подходов»¹⁸³ (т.е. те сферы, где стороны продолжили обмен мнениями, а не инициировали конкретные процедуры).

Одновременно германское экспертное сообщество демонстрировало осторожный оптимизм по поводу формата, но все чаще описывало Россию как страну, не разделяющую европейские демократические нормы, ссылаясь на кейсы «Юкоса», Чеченский конфликт, проблематику «управляемой демократии» и ограниченной роли парламента¹⁸⁴. В результате инструменты политики ЕС в отношении России, развивавшиеся при активном участии ФРГ, фиксировали двойственную динамику: расширялись рамки диалога и повестка сотрудничества, но сохранялись структурные расхождения и асимметрии, которые напрямую отражались и на российско-германских отношениях.

¹⁸³ Сергей Ястржембский: Самая острая проблема в повестке дня России и ЕС – фактор 2007 // ИА Регнум. 2005. 28 ноября. URL: <https://regnum.ru/news/551479> (дата обращения: 18.07.2025).

¹⁸⁴ Adomeit H., Rainer L. Op. cit.

1.3. Особенности экономического взаимодействия между странами на европейском уровне

В предыдущих параграфах анализ был сосредоточен на институциональных механизмах ЕС и на том, как Германия использовала общеевропейский уровень для формирования рамок взаимодействия с Россией. Однако для целостной картины становления и развития российско-германских отношений в 1994–2005 гг. принципиально важно обратиться к экономической составляющей. Именно она выступала практическим основанием сотрудничества и одновременно отражала реальные пределы «партнерской» модели: экономическая взаимозависимость либо закреплялась устойчивыми потоками капитала и торговли, либо оставалась преимущественно декларативной.

Экономическое измерение европейского формата отношений тесно переплеталось с политическими целями ЕС и логикой расширения Союза. При этом необходимо учитывать макроэкономический контекст России 1990-х – середины 2000-х гг., характеризовавшийся глубокой рыночной трансформацией, нестабильностью, а затем восстановительным ростом. В таких условиях оценка эффективности взаимодействия с европейскими партнерами (в том числе с Германией) требует опоры на сопоставимые и содержательно «емкие» индикаторы, позволяющие измерить не только текущую конъюнктуру, но и степень долгосрочного доверия.

Одним из наиболее значимых и комплексных показателей, позволяющих измерить глубину и доверие в экономических отношениях, является объем прямых иностранных инвестиций (ПИИ). По своему определению и методике расчета, ПИИ представляют собой долгосрочные вложения иностранного капитала, направленные на приобретение

устойчивого влияния в управлении предприятием (10% или более голосующих акций предприятия, как прошедшую процедуру листинга на бирже, так и нет). Главный признак ПИИ – действие в экономике, отличной от экономики инвестора¹⁸⁵.

Важность этого показателя заключается в том, что с помощью анализа финансовых потоков можно сделать предположение об уровне уверенности международных инвесторов в долгосрочных перспективах в принимающей экономике, косвенно – оценить их готовность к передаче накопленного управленческого опыта и самое важное – технологий и патентов для обеспечения производства соответствующими показателями рыночной эффективности. Также показатель показывает институциональную зрелость для такого рода инвестиций.

Сбор таких данных во многом осложнен из-за политики раскрытия отчетности предприятий, поэтому для осуществления экспертной оценки необходимо обратиться к открытой статистике международных организаций. Ключевым для исследования стали открытые аналитические отчеты и базы данных экономического развития, публикуемые Всемирным банком и Организацией экономического сотрудничества и развития (ОЭСР).

Данные Всемирного банка за период 1994–2005 гг. демонстрируют выраженную позитивную динамику притока ПИИ как в государства Центральной и Восточной Европы (ЦВЕ), активно интегрировавшиеся в структуры ЕС, так и в России. В странах ЦВЕ наблюдался устойчивый рост: объем чистого притока ПИИ увеличился с \$4,6 млрд в 1994 г. до \$42 млрд к 2005 г.¹⁸⁶. Такая траектория, как правило, была связана с эффектом европейской интеграции: ожидания вступления в ЕС, правовая гармонизация,

¹⁸⁵ Metada Glossary // World Bank Group. URL: <https://databank.worldbank.org/metadataglossary/jobs/series/BX.KLT.DINV.WD.GD.ZS> (дата обращения: 19.07.2025).

¹⁸⁶ E. Europe & C. Asia. GDF 2004 Summary // The World Bank. 2004. P. 2-3. URL: <https://www.rrojasdatabank.info/gdf2004/eca.pdf> (дата обращения: 13.07.2025).

приватизационные процессы и включение экономик-кандидатов в производственные цепочки европейских компаний создавали для инвестора более предсказуемую среду и снижали восприятие риска, тем самым расширяя денежный поток.

В России положительная динамика также проявилась, но с заметной временной задержкой и более выраженной зависимостью от внутренних макроэкономических потрясений. Более детальная визуализация сравнительной динамики притока ПИИ в Россию и страны ЦВЕ за указанный период представлена в Приложении 3¹⁸⁷ настоящей работы, к которому относятся все последующие упоминания статистических данных по прямым иностранным инвестициям в данном разделе.

В то время как страны Центральной и Восточной Европы демонстрировали относительно стабильную и устойчивую траекторию роста притока прямых иностранных инвестиций, динамика ПИИ в Российской Федерации в течение первой половины исследуемого периода (1994-1999 гг.) отличалась значительно большей волатильностью и подверженностью влиянию внутренних макроэкономических потрясений.

Начальный этап привлечения иностранного капитала в Россию был крайне сложным: объемы чистого притока ПИИ оставались на весьма низком уровне, не достигая и \$2 млрд. ежегодно вплоть до 1996 г., что отражало высокие риски, неразвитость институциональной среды и неопределенность экономического курса в период первоначального становления рыночных отношений.

Незначительный рост до «локальных вершин» \$2,5 млрд. в 1997 г. не смог стать устойчивой тенденцией, так как уже в следующем, 1998 г., страну поразил глубокий финансово-экономический кризис. Этот кризис,

¹⁸⁷ World Investment Report 2010: Investing in a Low-Carbon Economy // United Nations Conference on Trade and Development. URL: https://unctad.org/system/files/official-document/wir2010_en.pdf (дата обращения: 19.07.2025).

характеризовавшийся дефолтом по государственному долгу, резкой девальвацией рубля и банковским коллапсом, оказал катастрофическое воздействие на доверие иностранных инвесторов, что незамедлительно отразилось на показателях ПИИ, продемонстрировавших ощутимое снижение.

Новый экономический цикл, начавшийся в России после кризиса 1998 г и совпавший с глобальным ростом цен на энергоносители, кардинально изменил инвестиционный ландшафт. С начала 2000-х годов в стране наблюдается выраженная и устойчивая положительная динамика притока прямых иностранных инвестиций. Переломным моментом стал 2003 г., когда объем чистого притока ПИИ достиг значительной отметки примерно в \$8млрд., что почти в четыре раза превысило докризисный максимум 1997 г. Эта восходящая тенденция не только сохранилась, но и существенно усилилась в последующие годы: в 2004 г. приток ПИИ вырос до \$12,5 млрд., а в 2005 г. достиг беспрецедентного на тот момент уровня в \$26,1млрд.

Наконец, в 2005г. Российская Федерация не только преодолела негативные последствия кризиса конца 1990-х, но и вышла на лидирующие позиции по объему привлекаемых прямых иностранных инвестиций среди всех постсоциалистических экономик Европы. Этот статус крупнейшего реципиента ПИИ в регионе стал закономерным итогом обозначенной ранее положительной динамики, существенно опередив показатели как стран Центральной и Восточной Европы (несмотря на их значительный рост), так и других государств Содружества Независимых Государств (СНГ)¹⁸⁸.

Данное достижение подчеркивало растущую привлекательность российского рынка для международного капитала, хотя, с точки зрения объекта исследования, требуется дальнейшая декомпозиция структуры этих

¹⁸⁸ FDI flows to South-East Europe and the Commonwealth of Independent States Remained High in 2005 // United Nations Conference on Trade and Development. 2006. URL: <https://unctad.org/press-material/fdi-flows-south-east-europe-and-commonwealth-independent-states-remained-high-2005> (дата обращения: 22.07.2025).

инвестиций. Среди европейского капитала необходимо вычленить и роль, в первую очередь, германских инвесторов, использующих европейские каналы и механизмы финансирования, что станет предметом рассмотрения в следующей части исследования.

При более глубокой интерпретации приведенной статистики в контексте заявляемых целей партнерского экономического взаимодействия России с ЕС (и с ведущими европейскими державами, включая Германию) выявляются диспропорции, особенно заметные в 1990-е гг. Наличие значительного природно-ресурсного потенциала, высокий уровень человеческого капитала¹⁸⁹, и заключение рамочных соглашений сами по себе не конвертировались в сопоставимые объемы «длинных» инвестиций. Реальные показатели ПИИ долгое время оставались несоразмерно низкими по сравнению с меньшими по масштабу экономиками ЦВЕ, что позволяет говорить о приоритетном направлении «европейского капитала в те страны, где интеграционная перспектива ЕС снижала превалировала над другим спектром рисков.

Схожие тенденции прослеживаются и при рассмотрении иных форм трансграничного капитала. В 1990-х гг. приток портфельного капитала (прим. авт: в отличие от ПИИ портфельные инвестиции представляют собой вложения в акции, облигации и другие ценные бумаги без приобретения контроля над предприятием¹⁹⁰) в Россию был нестабильным и невысоким, то в 2000-х наблюдалось его усиление, однако все равно значительно уступающее ПИИ. Изменения были обусловлены макроэкономической стабилизацией, ростом роста рыночной капитализации российских компаний

¹⁸⁹ Индекс развития человеческого капитала. Социальный атлас российских регионов // МГУ Кафедра экономической и социальной географии России. URL: <http://www.ecoross.ru/files/atlas/indexes/index.shtml> (дата обращения: 01.08.2025).

¹⁹⁰ Руднева Е. Портфельные инвестиции // Финансовый словарь банки.ру. URL: https://www.banki.ru/wikibank/portfelnyie_investitsii/ (дата обращения: 19.07.2025).

(прежде всего в сырьевом секторе) и некоторого улучшения корпоративного управления¹⁹¹.

Однако наиболее показательна в контексте восприятия рисков динамика иностранных кредитов и займов. В отличие от инвестиций, предполагающих более высокую степень вовлеченности и долгосрочного риска, кредитование нередко выступает более прагматичным инструментом в условиях неопределенности.

Примечательно, что именно этот компонент международного капитала продемонстрировал наиболее быструю и выраженную реакцию на малейшие признаки стабилизации экономического климата в России. В частности, к концу рассматриваемого хронологического периода 2005 г. иностранные кредиты и займы превратились в один из важнейших, а по некоторым годам и в доминирующий, компонент общего притока иностранного капитала в Россию. Их масштабы часто превосходили даже значительные объемы ПИИ, особенно на уровне корпоративного сектора¹⁹².

Тем самым, в 1994–2005 гг. совокупные капиталовложения (в широком смысле, включая ПИИ, портфельный и долговой капитал) в переходные экономики Европы демонстрировали устойчивый рост – с ~\$20–30 млрд в середине 90-х до свыше \$80 млрд в 2005 г., отражая рост доверия инвесторов и постепенную интеграцию этих стран в мировые финансовые потоки. Однако оседали средства большей частью в странах, которые в скором времени должны стать частью ЕС.

Представленный выше анализ динамики и структуры капиталовложений в переходные экономики Европы, безусловно, отражает важные тенденции, требует существенного дополнения. До сих пор статистические данные

¹⁹¹ Абрамов А. Е. Инвестиционные фонды: Доходность и риски, стратегии управления портфелем, объекты инвестирования в России. М., 2005. С. 58-63.

¹⁹² E. Europe & C. Asia. GDF 2004 Summary // The World Bank. 2004. P. 2-3. URL: <https://www.rojasdatabank.info/gdf2004/eca.pdf> (дата обращения: 13.07.2025).

рассматривались преимущественно в одностороннем ракурсе - как отражение вектора движения общеевропейского, и в особенности германского, капитала в контексте заключения и последующей эволюции Соглашения о партнерстве и сотрудничестве между РФ и ЕС. Но для формирования комплексного понимания экономического измерения взаимодействия необходимо обратиться к рассмотрению второй стороны медали – российским данным о происхождении и структуре инвестиций в стране (см. Приложение 4, Приложение 5¹⁹³).

Анализ российской статистики позволяет выявить несколько принципиально важных моментов в экономической сфере. Несмотря на относительно скромные, по сравнению с потенциалом, объемы привлеченных инвестиций в абсолютном выражении, а также их концентрацию в сырьевых секторах, Германия в рамках европейского странового разреза продемонстрировала высокую степень вовлеченности в российскую экономику.

По показателю накопленных прямых иностранных инвестиций к 2005 г. ФРГ заняла третье место среди крупнейших стран-инвесторов, уступая США и Великобритании и опережая такие юрисдикции, как Нидерланды и Кипр. При этом Нидерланды и Кипр в экономической литературе часто рассматриваются как офшорные и квазиофшорные каналы, используемые в том числе российскими компаниями для реинвестирования капитала под видом иностранного происхождения¹⁹⁴. На этом фоне позиции Германии выглядят более показательными именно с точки зрения реального участия в производственной и корпоративной инфраструктуре российского рынка.

¹⁹³ Европейские прямые инвестиции в России // Институт мировой экономики и международных отношений. 2006. С. 47-52. URL: https://www.imemo.ru/files/File/ru/publ/2006/06_005.pdf (дата обращения: 19.07.2025).

¹⁹⁴ Там же. С. 47-52.

Специфику германских инвестиций определяет и отраслевое распределение. В отличие от многих других иностранных инвесторов, сосредоточившихся преимущественно на сырьевом секторе, германские компании демонстрировали более диверсифицированный подход, активно вкладываясь в обрабатывающую промышленность (особенно автомобилестроение и машиностроение), химическое производство, а также сектор финансовых и деловых услуг¹⁹⁵. Такая структура может интерпретироваться как более долгосрочная ориентация на российский рынок и интерес к производственным нишам, выходящим за рамки ресурсной модели, хотя сравнительная «масштабность» вложений требует осторожной оценки (в том числе при сопоставлении с размерами экономики ФРГ).

Таким образом, сопоставление региональной динамики капитала, общеевропейских трендов и российской статистики по структуре инвестиций позволяет уточнить роль Германии в экономическом взаимодействии на европейском уровне: ФРГ выступала одновременно значимым инвестором и участником тех правил и режимов ЕС, которые влияли на условия доступа капитала и товаров на рынки.

Рассмотрев общую динамику капиталовложений в переходные экономики Европы и место Германии в инвестиционном сотрудничестве с Россией, логично перейти к анализу конкретных механизмов, через которые экономическая политика ЕС оказывала прямое влияние на российско-германские отношения в 1994–2005 гг. Эти механизмы важны по двум причинам. Во-первых, именно они задавали практические условия доступа российских товаров и компаний на рынок ЕС. Во-вторых, их применение показывало, в какой мере Германия, выступая одним из лидеров Союза, могла сочетать декларации о расширении экономического взаимодействия с защитой собственных отраслевых интересов.

¹⁹⁵ Там же. С. 47-52.

Углубление интеграции в ЕС в 1990-е – начале 2000-х гг. (становление единого рынка, развитие режима «четырёх свобод», запуск евро, подготовка восточного расширения и укрепление общих правил конкуренции) усиливало выгоды от торговли и инвестиций внутри Союза. Одновременно формировался и обратный эффект: расширение внутреннего рынка и рост конкуренции внутри него подталкивали европейских производителей к поддержке мер, защищающих их от внешних поставщиков в чувствительных секторах. В результате инструменты торговой политики ЕС – прежде всего нетарифные ограничения – приобретали особую значимость как способ регулирования доступа третьих стран к общеевропейскому рынку.

В отличие от классических тарифов, которые по мере либерализации и в рамках международных обязательств имеют тенденцию снижаться, нетарифные меры позволяют более гибко воздействовать на внешнюю конкуренцию. К ним относятся технические регламенты, санитарные и фитосанитарные нормы, антидемпинговые и компенсационные пошлины, а также иные процедуры торговой защиты. Формально такие меры обосновываются защитой рынка от недобросовестной конкуренции или рисков для потребителя, однако на практике они часто выполняют и функцию селективного протекционизма, особенно когда затрагиваются отрасли с высокой конкуренцией со стороны внешних производителей, формально соблюдая при этом требования ВТО и другие международные обязательства¹⁹⁶.

Одним из ключевых инструментов торговой защиты в рамках ЕС выступают антидемпинговые меры. В общем виде антидемпинг применяется в ситуации, когда импортный товар поставляется по цене, считающейся заниженной по отношению к «нормальной стоимости», и это, по оценке регулятора, наносит ущерб европейским производителям. Основанием для введения дополнительной пошлины становится вывод о наличии демпинга и

¹⁹⁶ Летов В. А. Указ. соч.

причинно-следственной связи между импортом и ухудшением положения отрасли в ЕС¹⁹⁷.

С процедурной точки зрения антидемпинговые расследования инициируются и ведутся Европейской комиссией (Генеральный директорат по торговле, DG Trade), однако финальные решения оформляются и утверждаются через общеевропейский механизм согласования, в котором ключевую роль играет Совет ЕС. В этой конструкции влияние Германии было значимым: как крупнейшая экономика Союза и один из наиболее весомых участников в институциональной системе ЕС, ФРГ могла поддерживать или блокировать решения, а также формировать позицию внутри профильных комитетов и экспертных групп. Именно поэтому анализ антидемпинговой практики ЕС в отношении российского экспорта позволяет увидеть, как общеевропейские инструменты в конкретных случаях становились фактором экономической асимметрии и влияли на практическую динамику российско-германских отношений.

В исследуемый период антидемпинговые процедуры особенно часто применялись к российской продукции в тех секторах, где российские компании сохраняли или наращивали конкурентоспособность на европейском рынке – прежде всего в металлургии, химической промышленности и по отдельным позициям минеральных удобрений. По данным за 1999–2005 гг. против российских экспортеров было начато 27 антидемпинговых расследований, по 18 из которых вводились ограничительные меры; при этом в 63% случаев основными выгодополучателями выступали производители из Германии, Франции и Италии¹⁹⁸. Такая статистика позволяет рассматривать

¹⁹⁷ Anti-dumping measures // European Commission. URL: https://policy.trade.ec.europa.eu/enforcement-and-protection/trade-defence/anti-dumping-measures_en (дата обращения: 29.07.2025).

¹⁹⁸ Летов В. А. Указ. соч.

антидемпинг не только как юридическую процедуру, но и как индикатор отраслевой конкуренции и распределения выгод внутри ЕС.

Применение антидемпинговых мер выявляет закономерность: ограничения вводились избирательно и затрагивали именно те направления экспорта, где российские производители могли создавать ощутимое ценовое и рыночное давление на европейских конкурентов. В секторах, где такого давления не возникало, антидемпинговые процедуры применялись существенно реже. Наиболее показательным в этом отношении становится сталелитейный комплекс, неоднократно оказывавшийся в центре расследований.

Наиболее наглядной иллюстрацией избирательности торговой защиты стал кейс сталелитейной продукции и трубной отрасли. Показательно дело 1997 г., когда немецкий промышленный концерн «Маннесманн» инициировал антидемпинговое разбирательство в отношении российских поставщиков бесшовных труб (Регламент ЕС № 2320/97). По итогам процедуры были введены компенсационные пошлины, что существенно ограничило экспорт соответствующей российской продукции на рынок ЕС.

Значимость этого эпизода определяется не только фактом введения мер, но и его последующей экономической развязкой. В дальнейшем именно «Маннесманн» стал одним из ключевых поставщиков аналогичной продукции для крупного инфраструктурного проекта газопровода «Ямал – Европа», но уже по более высоким ценам, сформированным в рамках европейского рынка¹⁹⁹. Тем самым антидемпинговая процедура выступила не просто технической мерой торговой защиты, а механизмом перераспределения рыночных возможностей в пользу европейских производителей, конкретно – немецкие компании.

¹⁹⁹ Антидемпинговые процедуры Европейского Союза в торговле с Россией // Бюллетень иностранной коммерческой информации. 1999. № 7 (7897). С. 28-35.

Вторым кейсом того, как Германия могла укреплять свои экономические позиции на российском направлении, выступает практика применения государственных гарантий экспортных кредитов ФРГ – *Hermesbürgschaften* (в немецкой традиции также употребляется обозначение *Hermesdeckungen*). По своей сути этот механизм предназначен для страхования экспортных рисков: государство, в пределах установленной процедуры, принимает на себя часть коммерческих и политических рисков, связанных с поставками товаров и услуг на внешние рынки. Это снижает неопределенность для экспортера и обслуживающего банка, расширяет доступ к финансированию и делает возможными сделки, которые без государственной поддержки в условиях повышенного риска могли бы не состояться.

Для рассматриваемого периода принципиально важно, что российский рынок 1990-х гг. воспринимался как высокорисковый – вследствие макроэкономической нестабильности, слабости правоприменения и общего переходного характера институтов. В таких условиях экспортные гарантии становились для немецких компаний не вспомогательным, а системным инструментом работы с российскими контрагентами: они позволяли осуществлять поставки промышленного оборудования, машин, технологий и комплексных решений на более защищенных для немецкой стороны условиях, сохраняя при этом коммерческую привлекательность контрактов.

Анализ практики применения *Hermesbürgschaften* в отношениях с Россией позволяет выделить несколько устойчивых особенностей, имевших значение для экономической динамики российско-германских отношений.

Во-первых, германская сторона регулярно увязывала предоставление гарантий с требованием дополнительных обеспечительных условий со стороны российских партнеров – в том числе с предоставлением государственных гарантий или иных форм обеспечения платежей. В условиях экономической трансформации 1990-х гг. подобные требования часто оказывались трудно выполнимыми либо удлинляли переговорный процесс, что

ограничивало круг российских участников, способных работать с немецкими поставщиками в «крупном» формате.

Во-вторых, стоимость гарантирования (комиссии, страховые премии и сопутствующие издержки) встраивалась в цену финансирования и фактически увеличивала стоимость импортируемой продукции и кредитного ресурса для российской стороны. С практической точки зрения это означало, что доступ к немецким технологиям и оборудованию обеспечивался, но по цене, которая могла быть выше по сравнению с альтернативными схемами закупок при иных источниках финансирования.

В-третьих, сама процедура рассмотрения заявок и критерии одобрения воспринимались как недостаточно прозрачные для внешнего наблюдателя: необходимость дополнительных проверок, многоступенчатая оценка рисков и отсутствие заранее фиксированных параметров одобрения создавали эффект “административного фильтра”. В результате механизм работал не только как средство страхования, но и как инструмент селекции проектов и контрагентов: приоритет получали направления, где риски оценивались как приемлемые и одновременно сохранялась экономическая целесообразность для германского экспортного сектора.

С точки зрения германской экономики система Hermesbürgschaften была эффективна: она минимизировала риски экспортеров на нестабильном рынке и одновременно стимулировала сбыт продукции отраслей, критически важных для немецкой модели роста (машиностроение, энергетическое и промышленное оборудование, технологические решения). На уровне конкурентной среды это давало немецким компаниям преимущество перед поставщиками из стран, которые не располагали сопоставимыми по масштабу и устойчивости механизмами государственной поддержки экспортного кредитования.

Для российско-германского экономического взаимодействия практический эффект был двойственным. С одной стороны, гарантии облегчали заключение крупных контрактов и обеспечивали канал поставок оборудования и технологий, необходимых для модернизационных проектов и инфраструктуры. С другой – они закрепляли асимметрию условий: конфигурация финансирования и распределение рисков складывались преимущественно в пользу немецкой стороны, а российский контрагент нес повышенные издержки и принимал на себя дополнительные обязательства. В этом смысле *Hermesbürgschaften* демонстрируют, как национальный инструмент ФРГ, действуя параллельно с общеевропейскими режимами, усиливал экономические позиции Германии на российском направлении и влиял на реальную “плотность” экономических связей.

Опираясь на статистику по различным формам иностранного капитала в России и рассмотренные кейсы торговой защиты ЕС и экспортного кредитования ФРГ, можно заключить, что Германия занимала в экономическом измерении отношений двойственную позицию: оставаясь одним из наиболее вовлеченных европейских инвесторов в российскую экономику и партнером по крупным проектам, она одновременно последовательно использовала доступные европейские и национальные механизмы для защиты и продвижения собственных отраслевых интересов, что ограничивало симметричность экономического взаимодействия.

1.4. Участие ФРГ в формировании научно-технического сотрудничества в европейском измерении

Период 1994–2005 гг. ознаменовался масштабными политическими и экономическими трансформациями, которые повлияли на международный ландшафт и отношения России с Европейским союзом. Распад СССР и последующие глубокие реформы в России требовали переосмысления положения страны в европейском пространстве.

В этих условиях научно-техническое сотрудничество стало одним из наиболее устойчивых каналов диалога между Россией и объединенной Европой: оно позволяло поддерживать рабочие связи в переходный период, обеспечивало обмен знаниями и доступ к исследовательской инфраструктуре, а ЕС – возможность опираться на значительный научный потенциал России.

Не случайно именно это направление демонстрировало относительную устойчивость к политической волатильности. Даже на фоне осложнений в других сферах научные контакты, как правило, сохранялись и развивались, формируя базу для долгосрочных форм кооперации. Несколько позднее подобный подход стал описываться формулой «модернизация через инновации и исследования»²⁰⁰, подчеркивающей роль науки как фактора технологического обновления экономики.

Научно-техническое взаимодействие на европейском уровне в 1994–2005 гг. развивалось как многоуровневый процесс, сочетающий правовые рамки, программные механизмы ЕС и сеть институциональных партнеров. Уже в Соглашении о партнерстве и сотрудничестве (СПС) 1994 г. была

²⁰⁰ ITB infoservice: Russland – Modernisierung durch Innovation und Forschung // Kooperation International. 2012. URL: <https://www.kooperation-international.de/aktuelles/nachrichten/detail/info/itb-infoservice-russland-modernisierung-durch-innovation-und-forschung> (дата обращения: 18.07.2025).

выделена специальная статья (ст. 62), где подчеркивалась приоритетность взаимодействия в области науки и технологий на принципах взаимной выгоды, правовой охраны интеллектуальной собственности и обеспечения доступа к программам сторон. Тем самым закреплялась общая правовая основа для постепенного перехода от разрозненных инициатив и элементов технической помощи к более институционализированным формам сотрудничества, реализуемым в рамках программ и проектов²⁰¹.

Как знак развития партнерства в сфере науки особую значимость имело участие российских научных коллективов в Рамочных программах ЕС (специальные форматы научного-технического взаимодействия в рамках ЕС, организованы в виде периодов и несут в себе цель решения комплексных научных проблем). Уже в Четвертой рамочной (далее – FP) программе (1994–1998 гг.) российские специалисты получили возможность полноценно включаться в европейские проекты. В частности, заметные успехи были достигнуты в таких областях, как ядерная физика, космические исследования, биотехнологии и информационные технологии. Например, в сфере космоса российские институты участвовали в разработке совместных проектов, связанных с применением спутниковых технологий, обменом научной информацией и проведением экспериментов на орбитальных платформах.

В области биотехнологий российские лаборатории активно сотрудничали с европейскими коллегами в наукоемких сферах генетики, биоинформатики и молекулярной биологии, способствуя внедрению передовых методик и технологий в исследовательских полях стран. В сфере информационных технологий были реализованы проекты, направленные на создание и развитие сетевой инфраструктуры, а также программного обеспечения для поддержки научных исследований и обмена данными.

²⁰¹ Россия и Европейский союз / под ред. С. М. Юна. Томск, 2014. С. 122.

Существенное расширение участия российских организаций зафиксировано в рамках Пятой рамочной программы (FP5, 1998–2002 гг.), в том числе через режим INCO-Copernicus, вовлекший значительное число научных организаций СНГ, прежде всего российских. По итогам участия в FP5 и FP6 (FP6, 2002–2006 гг.) Россия заняла первое место среди «третьих стран» по уровню вовлеченности: было реализовано 312 проектов при участии 470 российских научных команд, общий объем финансирования со стороны ЕС составил около 50 млн евро²⁰²²⁰³. Институциональным катализатором для такого успеха, стало заключения Соглашения о сотрудничестве в области науки и технологий между Европейским сообществом и Правительством Российской Федерации (продлено в 2003 и 2009 гг.)²⁰⁴, суть которого будет раскрыта далее по тексту.

В целом механизм рамочных программ отражал обозначенный выше переход: от преимущественно односторонних инициатив и «проектной помощи» – к институционализированной инфраструктуре, открытой для инициатив «снизу» и соответствующей логике статьи 62 СПС. В 1994–1999 гг. значительная часть сотрудничества концентрировалась на создании межгосударственных форматов обмена знаниями и опытом, проведении совместных семинаров и конференций, научных обменах, а также на модернизации исследовательской инфраструктуры²⁰⁵.

²⁰² Report by external evaluations on the programme of the international association for promotion of cooperation with scientists from new independent states of the former soviet union (INTAS) in the period 1993-2003 to the INTAS general assembly. External Evaluation Report of INTAS 1993-2003 // Zentrum für Soziale Innovation. P. 6-11. URL: <https://www.zsi.at/object/project/768/attach/FinalReportCB-revised.pdf> (дата обращения: 19.07.2025).

²⁰³ Spiesberge M. Op. cit. S. 27.

²⁰⁴ Agreement on cooperation in science and technology between the European Community and the Government of the Russian Federation : Document 22000A1128(01) // Official Journal of the European Communities. 2000. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A22000A1128%2801%29> (дата обращения: 13.07.2025).

²⁰⁵ Акульшина А., Пилиева Е. Европейская политика в области науки и инноваций // Современная Европа. 2013. № 2 (54). С. 57-74.

Вместе с тем на раннем этапе сохранялась асимметрия: вследствие ограниченности российского финансирования Россия во многих случаях выступала преимущественно реципиентом доступа к уже созданным европейским платформам и источникам поддержки. Однако накопление опыта участия и расширение сети контактов создали предпосылки для более сбалансированных форм кооперации в последующий период.

Во второй половине 1990-х – начале 2000-х гг. параллельно с ростом программного участия усиливался институциональный каркас сотрудничества. В кооперацию начали вовлекаться не только профильные министерства и государственные структуры, но и более широкий круг акторов: университеты, академические центры, научные фонды, неправительственные организации и специализированные институты. Такой мультиакторный формат повышал гибкость взаимодействия и снижал зависимость научных контактов от политической конъюнктуры.

Ключевым юридическим этапом стало подписание в 1999 г. Соглашения о сотрудничестве в области науки и технологий между Европейским сообществом и Правительством Российской Федерации (вступило в силу в 2000 г.) (продлено в 2003 и 2009 гг.)²⁰⁶. Документ заложил правовую основу для системного участия российских организаций в европейских исследовательских программах, закрепив общие принципы (включая защиту интеллектуальной собственности), координационные механизмы и процедурные правила оценки и финансирования проектов. Это обеспечивало более предсказуемый доступ к исследовательским сетям и источникам поддержки.

Дальнейшее укрепление сотрудничества произошло с подписанием в 2001 году дополнительного соглашения с Евратомом – специализированной

²⁰⁶ Agreement on cooperation in science and technology between the European Community and the Government of the Russian Federation : Document 22000A1128(01) // Official Journal of the European Communities. 2000. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A22000A1128%2801%29> (дата обращения: 13.07.2025).

структурой Европейского союза, занимающейся вопросами ядерной науки и техники.²⁰⁷ Соглашение расширило рамки сотрудничества, включив в них важнейшие направления, такие как ядерная безопасность, управление радиоактивными отходами, физическая защита объектов, а также перспективные исследования в области термоядерного синтеза. Такое расширение свидетельствовало о высоком уровне взаимного доверия и готовности России к участию в особо чувствительных и технологически сложных проектах, что являлось серьезным признанием ее научного потенциала.

Более того, структура участия в этих договорах и программах демонстрировала высокую степень интеграции: российские коллективы не только присоединялись к консорциумам, но уже и инициировали совместные темы исследований. Причем акцент делался на такие сложные сферы науки как: инженерно-конструкторские технологии, нанотехнологии, биотехнологии и устойчивое развитие, что отражало стремление обеих сторон сфокусировать усилия на передовых технологических направлениях.

Важным элементом институционализации стало включение научно-технической проблематики в архитектуру «четырех общих пространств» (экономика; свобода, безопасность и правосудие; внешняя безопасность; наука, образование и культура), официально закреплённую в начале 2000-х гг. и конкретизированную в 2005 г. соответствующими «дорожными картами». В практическом плане это означало попытку перейти от набора программ и отдельных проектов к более согласованной постановке задач и координации.²⁰⁸ Показательно, что научные инициативы сохраняли относительную стабильность даже при политической волатильности, что

²⁰⁷ Agreement for cooperation between the European Atomic Energy Community and the Government of the Russian Federation in the field of nuclear safety : Document 22001A1031(01) // Official Journal of the European Communities. 2001. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A22001A1031%2801%29> (дата обращения: 19.07.2025).

²⁰⁸ Россия и Европейский союз / под ред. С. М. Юна. Томск, 2014. С. 122.

подчеркивало особый статус данного направления в структуре европейского уровня взаимодействия.

Отдельного внимания требует роль Германии. Во-первых, устойчивость научно-технических инициатив во многом обеспечивалась особенностями процедур ЕС: многие программы в научно-образовательной сфере относились к компетенциям Европейских сообществ и реализовывались через механизмы, менее уязвимые к ситуативным блокировкам

Во-вторых, политический вес ФРГ в институтах ЕС и ее заинтересованность в поддержании рабочих каналов с Россией способствовали тому, что кооперация в научно-образовательной сфере не сворачивалась и получала дальнейшее развитие (см. Приложение 6²⁰⁹).

В-третьих, Германия выступала одним из наиболее активных партнеров российских научных коллективов: согласно отчетам ZSI, немецкие исследовательские организации занимали лидирующие позиции среди европейских партнеров российских команд. Одновременно развивались и двусторонние линии взаимодействия, дополнявшие общеевропейские инструменты.

К примерам институциональной поддержки относится деятельность Немецкого научного фонда (DFG): с 2003 г. было открыто представительство в Москве, что сопровождалось ростом числа двусторонних проектов с российскими коллективами²¹⁰. Активно участвовали и другие крупные организации – общество Макса Планка (MPG) и Ассоциация имени Гельмгольца (Helmholtz), поддерживавшие совместные исследовательские инициативы.

²⁰⁹ Spiesberge M. Op. cit. S. 27.

²¹⁰ The DFG in Russia/CIS. Bonn, 2020 // Deutsche Forschungsgemeinschaft. URL: <https://www.dfg.de/russia> (дата обращения: 19.07.2025).

Германия также использовала свое положение крупнейшего донора ЕС для лоббирования тех направлений исследований, где имела технологическое преимущество. В качестве координационных механизмов выступали проекты ERA.Net²¹¹ RUS (European Research Area Networks) и позднее BILAT-RUS, в которых, например, DLR (немецкий аэрокосмический центр) координировал совместные конкурсы и аналитическое сопровождение двусторонней повестки²¹².

Среди других успешных инициатив – совместный конкурс FP7-ENERGY-2008-RUSSIA с равным финансированием со стороны ЕС и России (€4 млн с каждой стороны), подготовка которого велась в рамках FP5, FP6²¹³. Конкурс был ориентирован на исследование энергетики из возобновляемых источников и модернизацию инфраструктуры, а его проведение стало образцом механизма SICA (Special International Cooperation Action), предполагающего параллельное финансирование и синхронизированную экспертизу заявок обеими сторонами. Этот опыт может рассматриваться как зачаток более зрелых форм технологического альянса и инструмент разработки совместных стандартов в энергетической безопасности.

Дополнительные формы взаимодействия включали участие России в европейских программах COST и EUREKA. В рамках COST Россия как соседствующая страна участвовала в десятках исследовательских мероприятий, направленных на укрепление международной научной сети²¹⁴. В EUREKA Россия была официальным членом с 1993 по 2023 гг., что позволяло ей участвовать в транснациональных проектах прикладного

²¹¹ European Research Area Networks // Slovenska akademija Vied. Department of international cooperation. URL: <https://oms.sav.sk/en/programmes-and-scholarships/era-net-and-european-partnerships/> (дата обращения: 11.05.2025).

²¹² BILAT-RUS project summary – CORDIS // European Commission. URL: <https://cordis.europa.eu/project/id/244574> (дата обращения: 11.05.2025).

²¹³ Spiesberge M. Op. cit. S. 30-31.

²¹⁴ EU-Russia Science & Technology Cooperation // COST Association. 2020. URL: <https://www.cost.eu/cost-at-the-eu-russia-joint-science-technology-cooperation-committee> (дата обращения: 29.07.2025).

характера²¹⁵. Кроме того, активно развивалось сотрудничество в космической области: с ESA Россия подписала соглашение о запуске ракет-носителей с космодрома Куру²¹⁶. В области фундаментальной науки Россия сохраняла прочные связи с CERN, участвуя в проектах Большого адронного коллайдера, а также в международной инициативе ITER (International Thermonuclear Experimental Reactor, 2006 г.), поставляя высокотехнологичное оборудование и инженерные решения в сфере ядерного синтеза²¹⁷. Существенным является и то, что Россия стала вторым акционером после Германии в европейском рентгеновском лазере XFEL²¹⁸.

Хотя по масштабу сотрудничества Россия была менее заметна в данных структурах, это взаимодействие сыграло важную роль в интеграции российских коллективов в европейское научное сообщество. Кроме того, активно развивалось сотрудничество в области космических исследований (через участие в проектах Европейского космического агентства), в программах ЦЕРН (CERN) и ITER, направленных на развитие ядерной и фундаментальной науки. В частности, вклад России в проект ITER, а также строительство и финансирование XFEL в Германии демонстрировали встречное движение в сфере «мегасайенс-проектов». Эти инициативы отличались высоким уровнем политического сопровождения и вовлеченности ведомств обеих сторон, что дополнительно подтверждало системный характер научно-технического партнерства.

²¹⁵ Russia quits Eureka European scientific-technical program // Interfax. 2023. March 16. URL: <https://interfax.com/newsroom/top-stories/88745/> (дата обращения: 13.07.2025).

²¹⁶ ESA and Russia launch new partnership // CORDIS. 2004. URL: <https://cordis.europa.eu/article/id/23212-esa-and-russia-launch-new-partnership> (дата обращения: 22.07.2025).

²¹⁷ Russian Agreement with CERN // CERN. 1993. URL: <https://home.web.cern.ch/news/press-release/cern/russian-agreement-cern> (дата обращения: 18.07.2025) ; Newslines // ITER Organization. – 2024. – URL: <https://www.iter.org/newslines> (дата обращения: 13.05.2025).

²¹⁸ BMBF. German-Russian Cooperation // Bundesinstitut für Berufsbildung. 2018. URL: <https://www.bibb.de/govet/en/91483.php> (дата обращения: 22.07.2025).

Анализ становления и развития отношений между ФРГ и РФ на европейском уровне позволяет выявить сложный комплекс взаимосвязанных факторов, определявших их оформление и эволюцию в 1994–2005 гг. В рассматриваемый период именно общеевропейский контур стал одним из ключевых «мультипликаторов» германской политики на российском направлении: он задавал правовую рамку, формировал повестку и предлагал инструменты, через которые Германия могла сочетать двусторонние интересы с логикой и процедурами ЕС.

С точки зрения **правового измерения** отношения России и Германии в европейском контуре оформлялись как элемент интеграционного процесса и одновременно как часть более широкой архитектуры отношений «Россия – ЕС». В этой системе Германия, переосмысливая свою роль в постбиполярной международной среде, последовательно использовала институциональные возможности ЕС для продвижения собственных внешнеполитических приоритетов. Такой курс соответствовал стратегической логике ФРГ, ориентированной на повышение международной субъектности через нормы, процедуры и многосторонние механизмы управления – то есть через инструменты, позволяющие превращать внутренние правила Союза в ресурс внешней политики.

Важную роль в начальном этапе институционального оформления европейского уровня отношений сыграло Соглашение о партнерстве и сотрудничестве (СПС) 1994 г. Его значимость заключалась в закреплении модели взаимодействия суверенного государства с наднациональным объединением – формата, который задавал общие принципы и процедуры экономического, политического и гуманитарного диалога. Для Германии участие в инициировании и поддержании такого режима означало возможность транслировать через общеевропейские механизмы собственные приоритеты – прежде всего стремление к предсказуемости, юридической

оформленности и управляемости отношений. В результате двусторонние каналы взаимодействия не противопоставлялись общеевропейской рамке, а включались в нее как дополнительный уровень, что усиливало институциональные возможности Берлина и в ряде случаев формировало асимметрию «процедурного ресурса» сторон.

В политическом измерении проявилась двойственность ожиданий и различие исходных установок сторон. Россия была заинтересована в признании равноправного характера диалога и в использовании немецкого направления как одного из наиболее эффективных каналов взаимодействия с европейскими структурами. Германия, со своей стороны, поддерживала развитие сотрудничества, но стремилась удерживать его в нормативно-институциональных рамках ЕС, связывая политический диалог с ценностными и процедурными параметрами общеевропейского порядка. На концептуальном уровне это соотносилось с образом ФРГ как «гражданской силы» (*Zivilmacht*) в интерпретации Ханнса В. Мауля: государства, ориентированного на многосторонность, правовые решения и ограничение силовых методов.

Дополнительно, у Мауля внешняя политика ФРГ опирается на конституционные установки отказа от агрессии, приверженность европейской интеграции и коллективной безопасности, а также «культуру сдержанности». Однако практика второй половины 1990-х гг. показала, что при кризисах безопасности нормативная рамка сталкивается с логикой прагматических решений. Поддержка операций НАТО на Балканах в 1999 г. стала маркером того, что Германия допускает ограниченное применение силы в коалиционных форматах при международно-правовой легитимации, что неизбежно влияло на восприятие европейского порядка в Москве и осложняло доверие в политическом треке отношений.

В экономическом измерении, традиционно воспринимавшемся как наиболее «плотный» уровень взаимодействия, на протяжении 1994–2005 гг.

усиливался прагматический компонент немецкой внешнеэкономической линии. При формальной установке на взаимовыгодную взаимозависимость реальная практика показывала рост приоритета национально-экономических расчетов и защиты отраслевых интересов. Это проявлялось в использовании общеевропейских торгово-правовых инструментов (включая нетарифные меры и процедуры торговой защиты), которые действовали в рамках правил ЕС, но в конкретных секторах могли закреплять преимущества крупнейших экономик Союза. Тем самым экономическое взаимодействие развивалось не только как пространство кооперации, но и как зона институционально оформленной конкуренции, где Германия обладала значительным ресурсом влияния.

В научно-техническом измерении сотрудничество оказалось одним из наиболее устойчивых направлений европейского уровня отношений. Его стабильность во многом обеспечивалась тем, что научно-образовательные инициативы реализовывались через программные механизмы ЕС и соответствующие процедуры, которые были менее уязвимы для политических колебаний. Включение научной повестки в правовую рамку СПС (ст. 62), участие российских коллективов в FP4–FP6, подписание Соглашения о сотрудничестве в области науки и технологий (1999/вступление в силу в 2000 г.) и дополнительного соглашения с Евратомом (2001 г.), а также институционализация научно-образовательного контура в архитектуре «четырех общих пространств» (2005 г.) сформировали воспроизводимую инфраструктуру кооперации.

Однако при декларируемой взаимности сохранялись объективные рамки участия России как «третьей страны»: доступ к программам, конкуренция за ресурсы и правила реализации проектов определялись общеевропейскими регламентами. В этих условиях Германия выступала одновременно как один из ключевых центров научной кооперации и как актор, способный через институты ЕС поддерживать приоритеты, соответствующие ее

исследовательской повестке и модели инновационного развития. При этом важно учитывать, что в пределах 1994–2005 гг. именно научный трек работал как «амортизатор» отношений: он поддерживал устойчивость практического взаимодействия и сохранял сеть контактов даже на фоне политических осложнений.

Глобально, европейский уровень отношений ФРГ и РФ в 1994–2005 гг. проявил двойственную логику. С одной стороны, он обеспечивал предсказуемость, правовую оформленность и воспроизводимость сотрудничества через процедуры и программы ЕС. С другой он закреплял институциональную асимметрию, поскольку Германия, обладая значительным весом внутри Союза, могла эффективнее использовать общеевропейские механизмы для формирования рамок взаимодействия и защиты приоритетных интересов.

Таким образом, теоретическая рамка, предложенная Х. В. Мауллем, остается продуктивной для анализа германской политики на российском направлении, поскольку позволяет связать многостороннюю нормативную ориентацию ФРГ с ее институциональным поведением в ЕС. В то же время практика отношений 1994–2005 гг. показывает, что ценностно-нормативная идентичность неизбежно сталкивается с реалистской прагматикой национальных интересов и логикой кризисного управления. Германия, сохраняя ориентацию на правовые и многосторонние инструменты, в ряде случаев прибегала к гибридным решениям, сочетая нормативность с прагматизацией. Это придает европейскому уровню отношений ФРГ и РФ противоречивый характер: он одновременно создавал устойчивые каналы взаимодействия и формировал структурные ограничения, значимые для последующей динамики российско-германских и шире – российско-европейских отношений.

Глава 2. Особенности развития отношений РФ и ФРГ на межгосударственном уровне

2.1. Политико-правовая рамка двусторонних отношений

Окончание «холодной войны» и распад биполярной системы фундаментально изменили архитектуру европейской безопасности, открыв «окно возможностей» для переосмысления внешнеполитических стратегий ведущих акторов. Формирование новой системы международных отношений сопровождалось высокой неопределенностью, предоставлявшей государствам значительную свободу маневра: пересмотр союзов, выстраивание новых ориентиров, поиск альтернативных моделей взаимодействия.

В этом вакууме, возникшем после исчезновения жесткой конфронтации Востока и Запада, особое значение приобрели две державы: Федеративная Республика Германия, достигшая своей ключевой национальной цели – объединения, и Российская Федерация, унаследовавшая международно-правовой статус СССР как государства-правопреемника и одновременно – массив экономических и политических проблем переходного периода. При этом межгосударственные отношения даже между двумя «новыми» политическими реальностями не возникают «с нуля»: они опираются на ранее сложившиеся институциональные практики, нормы международного права и политико-дипломатические традиции. Поэтому первые шаги российско-германского сближения начала 1990-х гг. носили преимущественно адаптационно-правовой характер. Личные отношения Гельмута Коля и Бориса Ельцина, подробно описанные, в том числе, в их мемуарах²¹⁹, способствовали

²¹⁹ Ельцин Б.Н. Записки президента: Размышления, воспоминания, впечатления... / Борис Ельцин. — М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2008.
Kohl. H. Erinnerungen 1990 bis 1994. Droemer Knaur Verlag, München 2007.

ускоренному заключению масштабных соглашений, формируя основу для нового качества двустороннего диалога. Именно на этом фундаменте были выстроены первые международно-правовые конструкции отношений.

Личный фактор подкреплялся и геостратегическими интересами. В целом ФРГ была заинтересована в предотвращении дестабилизации на востоке Европы, включая саму Россию: любые кризисные явления в этой зоне потенциально отражались на германской и общеевропейской безопасности. Россия, в свою очередь, нуждалась в признании нового статуса и в поддержке со стороны ключевых западных держав, прежде всего со стороны, усиливающейся экономически и политически Германии. Это совпадение интересов создавало благоприятный фон для договорного оформления отношений и закрепления устойчивых каналов взаимодействия.

Первичной точкой отсчета в формировании формально-правовой основы отношений выступают 1990–1991 гг. В этот период был подписан Договор «Два плюс четыре»²²⁰, ставший ключевым юридическим основанием объединения Германии и одновременно прецедентом многостороннего урегулирования с участием СССР (с последующей правопреемственностью России).

Не менее значимое событие, с точки зрения политической традиции и формирования первичного климата отношений двух государств – это заключение Соглашения от 12 октября 1990 г. о выводе советских (затем российских) войск с территории Германии²²¹. Поэтапный вывод около 340 тыс. военнослужащих к 1994 г. имел не только практическое, но и символическое

²²⁰ Договор об окончательном урегулировании в отношении Германии от 12 сентября 1990 года // Сборник международных договоров. Москва : Международные отношения, 1990. С. 45–52.

²²¹ Договор между Союзом Советских Социалистических Республик и Федеративной Республикой Германией об условиях временного пребывания и планомерного вывода советских войск с территории Федеративной Республики Германии (Бонн, 12 октября 1990 г.) // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/901736363> (дата обращения: 18.07.2025).

значение: торжественная церемония 31 августа 1994 г. в Берлине стала актом исторического примирения и укрепления политико-психологических оснований двустороннего сближения ²²².

Совокупность этих соглашений обеспечила международно-правовое оформление объединения Германии и одновременно стала маркером исторического консенсуса, подтверждая возможность устойчивого двустороннего взаимодействия в новых условиях. Достижение Берлином главной национальной цели – это объединения – не ослабило динамику диалога, а придало ему новое измерение. На первый взгляд парадоксальная ситуация объясняется суммой геополитических, экономических и историко-культурных факторов, включая официально декларируемую Германией ответственность за общеевропейский мир. Синергия этих обстоятельств сформировала специфическую конфигурацию двусторонних отношений начала 1990-х гг.: стороны осознавали потенциальную взаимодополняемость, а на раннем этапе отсутствовали острые геостратегические противоречия.

Благоприятная среда обеспечила вовлеченность Германии в процессы стабилизации в России. Вместе с тем здесь просматривается и прагматический аспект: стабильность Восточной Европы была важна для ФРГ не только с точки зрения безопасности, но и как условие развития экспортноориентированной экономики. При достаточном уровне политических и финансовых вложений Берлин закреплялся в роли одного из ключевых «мостов» между Востоком и Западом.

Российская сторона, в свою очередь, демонстрировала двойственность восприятия: с одной стороны, фиксировался инструментальный характер многих германских инициатив и их связь с экономическими и

²²² Abschiedszeremonie für die in Berlin stationierten Truppen der GUS // CVCE Archive. URL: https://www.cvce.eu/de/obj/abschiedszeremonie_fur_die_in_berlin_stationierten_truppen_der_gus_31_august_1994-de-17f1ddfe-cd1d-4018-904c-a994051b4145.html (дата обращения: 29.07.2025).

геополитическими интересами ФРГ; с другой – сотрудничество с Германией рассматривалось как важный канал интеграции в западные структуры и как возможность широкой модернизации через доступ к технологиям, рынкам и инвестициям²²³.

Формально-правовое оформление двусторонних отношений шло по двум взаимосвязанным, но различным по логике трекам. *Первый*, завершившийся 3 октября 1990 г. объединением Германии, имел технико-юридический характер и был сосредоточен на прекращении действия четырехсторонних (послевоенных) соглашений по Берлину и выводе войск.

Старт *второго этапа*, ознаменованный подписанием Договора о добрососедстве, партнерстве и сотрудничестве между СССР и ФРГ 9 ноября 1990 года²²⁴, представлял собой уже сознательную попытку создать всеобъемлющую правовую базу для долгосрочного взаимодействия в новых геополитических реалиях.

Как отмечает В. В. Фрольцов, уникальность документа заключена в том, что ФРГ начала выстраивать отношения с будущей Россией еще в последние месяцы существования СССР. Договор стал «мостом между эпохами»: заключен с СССР, но сохранил актуальность для постсоветской России. Его 22 статьи заложили основы сотрудничества между странами в беспрецедентно широком спектре – от экономики и науки до охраны окружающей среды и культурного обмена²²⁵.

Дополняя правовую оптику анализа исследователя, стоит отметить и символическую составляющую договора. Подтверждая нерушимость

²²³ Павлов Н. Россия и Германия: несостоявшийся альянс (история с продолжением). М., 2017. С. 485-489.

²²⁴ Договор о добрососедстве, партнерстве и сотрудничестве между Союзом Советских Социалистических Республик и Федеративной Республикой Германией (Бонн, 9 ноября 1990 г.) // Электронный фонд правовых и нормативно-справочных документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/901736371> (дата обращения: 22.07.2025).

²²⁵ Фрольцов В. В. Указ. соч. С. 102.

европейских границ (особенно важную в контексте объединения Германии без создания нового государства), стороны подтвердили приверженность принципам Заключительного акта СБСЕ 1975 г.²²⁶, включая отказ от применения силы или угрозы силой. Это фиксировало близость исходных представлений сторон о европейской безопасности в начале 1990-х гг и указывало на совпадение представлений сторон о безопасности в Европе.

В качестве конкретных обязательств в военной сфере договор предусматривал курс на сокращение вооруженных сил и вооружений на основе детализированных и контролируемых соглашений, отражая стремление к формированию новой архитектуры безопасности. Существенным элементом стало и закрепление механизма регулярных взаимных консультаций по широкому кругу вопросов – от двусторонних отношений до урегулирования международных споров. При общей декларативности ряда положений документ избегал абстрактности: он содержал конкретные ориентиры в научно-техническом сотрудничестве, охране окружающей среды и культурных связях. Такая связка стратегических деклараций и практических механизмов предопределила долгосрочную значимость договора, который сохранил роль базового правового ориентира и в последующие десятилетия. Важно и то, что в договоре просматривается многоуровневый замысел: он предусматривает взаимодействие не только на уровне государственных институтов, но и через поддержку прямых контактов общества и экономики.

Так, статья 8 договора посвящена сотрудничеству в рамках международных организаций: стороны обязались «поддерживать тесные контакты и сотрудничать друг с другом в рамках международных организаций

²²⁶ Совещание по безопасности и сотрудничеству в Европе. Заключительный акт (Хельсинки, 1 августа 1975 г.) // Министерство иностранных дел РФ. – URL: <https://www.mid.ru/upload/medialibrary/c66/Хельсинский%20заключительный%20акт%20ОБСЕ.pdf> (дата обращения: 29.07.2025).

и на международных конференциях»²²⁷. Эта формулировка, казалось бы, рутинная для дипломатических документов, на практике открывала возможности для координации позиций по широкому кругу вопросов - от регулирования региональных конфликтов до выработки совместных подходов к глобальным вызовам.

Статья 20, в свою очередь, задавала конкретные направления практической кооперации (экономика; наука и техника; окружающая среда; культура и образование), включая поддержку прямых контактов предприятий, НИИ и культурных организаций – то есть закрепляла связку не только «государство-государство», но и «общество-общество».

Параллельно с выстраиванием фундаментальной политико-правовой рамки происходила практическая проработка отдельных направлений взаимодействия. Хронологически первым шагом в гуманитарной сфере стало Соглашение об уходе за военными захоронениями²²⁸. Почти одновременно были заключены рамочное соглашение о культурном сотрудничестве²²⁹ и договор о сотрудничестве и взаимной поддержке между таможенными службами²³⁰. Эти документы создали институциональные предпосылки для

²²⁷ Договор о добрососедстве, партнерстве и сотрудничестве между Союзом Советских Социалистических Республик и Федеративной Республикой Германией (Бонн, 9 ноября 1990 г.) // Электронный фонд правовых и нормативно-справочных документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/901736371> (дата обращения: 22.07.2025).

²²⁸ Соглашение между Российской Федерацией и правительством Федеративной Республики Германии об уходе за военными могилами в Российской Федерации и в Федеративной Республике Германии (Москва, 16 декабря 1992 г.) // Министерство иностранных дел РФ. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/2_contract/48791/ (дата обращения: 18.07.2025).

²²⁹ Соглашение между правительством Российской Федерации и правительством Федеративной Республики Германия о культурном сотрудничестве (Москва, 16 декабря 1992 года) // Министерство иностранных дел РФ. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/2_contract/48597/ (дата обращения: 01.08.2025).

²³⁰ Договор между Российской Федерацией и Федеративной Республикой Германия о сотрудничестве и взаимопомощи таможенных служб (Москва, 16 декабря 1992 г.) // Министерство иностранных дел РФ. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/2_contract/48802/ (дата обращения: 19.07.2025).

развития многостороннего сотрудничества, уже выходящего за рамки традиционных политических контактов, а в случае соглашения об уходе за военными захоронениями показывали бережное отношение к такой сфере политики как память о жертвах Второй мировой войны.

Ключевым – как по символике, так и по масштабам – стало соглашение о выводе Западной группы войск (ЗГВ) с территории объединенной Германии. Первоначальный график, предусматривавший завершение вывода к концу 1994 года²³¹, был пересмотрен по инициативе германской стороны в ходе переговоров в декабре 1992 года. За ускорение Россия получила дополнительную компенсацию в размере 550 млн немецких марок сверх ранее согласованной суммы²³².

Реализация этого масштабного проекта (вывод около 340 тысяч военнослужащих и 120 тысяч единиц техники) была завершена в установленные сроки и стала знаковым событием в двусторонних отношениях. Федеральный канцлер Гельмут Коль назвал вывод войск «мерой укрепления доверия», который стал «финальной точкой в послевоенной истории» и открыл «широкие возможности для новой дружбы и партнерства между Германией и Россией»²³³.

При этом в событии присутствовал и выраженный экономический смысл. Финансовые аспекты пребывания и вывода войск получили детальную

²³¹ Германия. Вызовы XXI века / В. Б. Белов, С. В. Абрамова, К. К. Баранова [и др.]. М., 2009. С. 343-344.

²³² Gesetz zu dem Abkommen vom 16. Dezember 1992 zwischen der Regierung der Bundesrepublik Deutschland und der Regierung der Russischen Föderation über die gegenseitige Hilfeleistung bei Katastrophen oder schweren Unglücksfällen // Bundesministeriums der Justiz sowie des Bundesamts für Justiz. 1994. URL: https://www.gesetze-im-internet.de/kathilabkrussf_g/KatHiLAbkRussFöG.pdf (дата обращения: 18.07.2025).

²³³ Abschiedszeremonie für die in Berlin stationierten Truppen der GUS // CVCE Archive. URL: https://www.cvce.eu/de/obj/abschiedszeremonie_fur_die_in_berlin_stationierten_truppen_der_gus_31_august_1994-de-17f1ddfe-cd1d-4018-904c-a994051b4145.html (дата обращения: 29.07.2025).

регламентацию в «Соглашении о некоторых переходных мерах», подписанном в Бонне 9 октября 1990 года²³⁴.

Согласно тексту соглашения, ФРГ выделяла на пребывание и вывод советских войск 15 млрд немецких марок (ДМ): 12 млрд в виде безвозмездной финансовой помощи и 3 млрд как беспроцентный кредит со сроком погашения пять лет. Основная часть средств – около 7,8 млрд ДМ – предназначалась для жилищной программы в России: планировалось построить около 4 млн кв. м жилья для возвращающихся военнослужащих (в период 1991–1994 гг.). Отдельно 200 млн ДМ выделялось на программу профессиональной подготовки и переподготовки увольняемых в запас, а 1 млрд ДМ – на транспортные расходы, связанные с нуждами ЗГВ.²³⁵

Дополнительное финансовое соглашение между ФРГ и Россией предусматривало выделение 500 млн немецких марок на обустройство возвращающихся военнослужащих. Особенностью ассигнований стала целевая направленность: значительная часть средств подлежала расходованию на закупку строительных материалов и оборудования в восточных землях Германии. Такой подход отражал двойственную экономическую логику: с одной стороны, он помогал решать социальные задачи российской стороны, с другой – стимулировал развитие экономики новых федеральных земель, испытывавших сложности после объединения.

Наконец, в плоскости финансовых отношений существенное значение имел кейс «нулевого решения»: Россия отказывалась от требований на права собственности на недвижимость ЗГВ (и доходов от ее реализации), а Германия

²³⁴ Соглашение между Правительством Союза Советских Социалистических Республик и Правительством Федеративной Республики Германии о некоторых переходных мерах (Бонн, 9 октября 1990 г.) // Министерство иностранных дел РФ. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/2_contract/58115 (дата обращения: 01.08.2025).

²³⁵ Горбачев, М. С. Указ. соч. С. 167.

– от претензий, связанных с экологическим ущербом от военной дислокации²³⁶.

Эта договоренность демонстрировала стремление сторон закрыть наиболее чувствительные вопросы послевоенного наследия в юридически оформленной и взаимоприемлемой форме, тем самым укрепляя институциональные основания двусторонних отношений.

²³⁶ Совместное российско-германское заявление (Москва, 16 декабря 1992 г.) // Российская газета. 1992. 17 декабря.

2.2. Трансформация риторики и политических установок в российско-германских отношениях

Оценивая двусторонние отношения ФРГ и РФ как феномен частично производный от внутренней политики стран, следует отметить, что распад СССР не привел к радикальному пересмотру базовых установок западных элит в отношении России. Это проявлялось, в частности, в программных документах ведущих партий ФРГ. Так, в партийной программе ХДС 1990 г. (ХДС выбран в качестве объекта анализа, поскольку Гельмут Коль – федеральный канцлер – возглавлял эту партию) подчеркивалось, что построение хороших отношений с СССР является ключевым условием развития не только самой Германии, но и европейского континента в целом²³⁷. В программе 1994 г., уже применительно к России, фиксировалась готовность Германии использовать свое влияние и выступать посредником в развитии отношений РФ с европейскими и евроатлантическими структурами – ЕС и НАТО²³⁸, что коррелировало с формирующимся европейским измерением российско-германского диалога.

Вместе с тем очертания отношений как **межгосударственного** феномена с более выраженным риторическим наполнением стали детализироваться в иной политической фазе – в период канцлерства Герхарда Шредера. Внутриполитические предпосылки, которые придали импульс этой

²³⁷ Ja zu Deutschland Ja zur Zukunft. Wahlprogramm der Christlich Demokratischen Union Deutschlands zur gesamtdeutschen Bundestagswahl am 2. Dezember 1990 // Konrad Adenauer Stiftung. S. 26. URL: https://www.kas.de/documents/252038/253252/1990_Wahlprogramm.pdf (дата обращения: 19.07.2025). // Деятельность организации признана нежелательной на территории Российской Федерации.

²³⁸ Wir sichern Deutschland Zukunft. Regierungsprogramm von CDU und CSU // Konrad Adenauer Stiftung. S. 52. URL: https://www.kas.de/documents/252038/253252/1994_Regierungsprogramm_Wir-sichern-Deutschlands-Zukunft.pdf (дата обращения: 01.08.2025). // Деятельность организации признана нежелательной на территории Российской Федерации.

трансформации, прослеживаются через электоральную динамику конца 1990-х гг.

На земельных выборах, предваряющих парламентские выборы, 1998 г. партия ХДС (под руководством Гельмута Коля) начала терять симпатии избирателей в ключевых регионах, традиционно являющихся оплотом христианских демократов – Баден-Вюртемберге и Рейнланд-Пфальце.²³⁹ На выборах в бундестаг ХДС утратила парламентское большинство и перешла в оппозицию.

Диаметрально противоположенные результаты показали социал-демократы, превзойдя даже рекорд 1972 года, когда у власти находился Вилли Брандт. Причины такого успеха многообразны, но большинство факторов не связано напрямую с внешнеполитическим курсом.

СДПГ аккумулировала недовольство избирателей в социальной и экономической сферах, акцентируя внимание в своей предвыборной программе на концепциях социального государства и борьбе с безработицей. Считается, что именно эти тезисы вызвали наибольший отклик у избирателей²⁴⁰.

Единственным элементом внешней политики, оказавшим заметное влияние с точки зрения привлечения нового сегмента избирателей, можно считать «петербургский поворот» 1992 г., когда СДПГ пересмотрела свою традиционную установку об отказе от участия бундесвера в операциях за

²³⁹ Rosin P. Bundeskanzler – Die Ära Kohl 1982-1998 // Konrad Adenauer Stiftung. URL: <https://www.bundeskanzler-helmut-kohl.de/seite/bundeskanzler-die-aera-kohl-1982-1998/> (дата обращения: 18.07.2025).

²⁴⁰ Stöss R., Neugebauer G. Die SPD und die Bundestagswahl 1998. Ursachen und Risiken eines historischen Wahlsiegs unter besonderer Berücksichtigung der Verhältnisse in Ostdeutschland // Freie Universität Berlin. Arbeitshefte. S. 5-6. URL: <https://www.polsoz.fu-berlin.de/polwiss/forschung/systeme/empsoz/team/ehemalige/Publikationen/schriften/Arbeitshefte/arbeitshefte2.pdf> (дата обращения: 22.07.2025).

рубежом (при условии их легитимации мандатом ООН и соответствующими союзными механизмами)²⁴¹.

На макроуровне фиксировалось и сближение позиций «народных партий» (Volksparteien): программные различия ХДС/ХСС и СДПГ сужались²⁴². Так, со времени прихода Шредера к власти сама СДПГ во многом начала дрейфовать в сторону неолиберализма и ориентировалась на интересы крупного бизнеса²⁴³ что объективно уменьшило идеологическую дистанцию с христианскими демократами. Таким образом, можно сделать вывод об усилении влияния личностных аспектов лидеров в ходе избирательной кампании, а не о фактическом содержании программ.

Развивая траекторию прошлого вывода, можно заключить, что Герхард Шредер был выдвинут кандидатом, символизирующим личный бренд «кризис-менеджера». Поддержка такого образа в глазах избирателей налагала на него дополнительные риторические «обязательства» в области реформ как внутренней, так и внешней политики.

А именно: избиратель, ожидая перемен во внутренней политике, непроизвольно начинает проецировать свои ожидания и на внешнюю политику, ожидая качественных изменений в международных отношениях – в конечном счете, формирования новых отношений с Россией. Раскрывая этот тезис глубже, стоит упомянуть, что канцлер во время избирательной кампании делал упор на необходимость дальнейшего развития двусторонних отношений между ведущими державами Европы, придания им нового качества и

²⁴¹ History of Social Democracy / M. Reschke, C. Krell, J. Dahm [et al.] // Friedrich Ebert Stiftung. 2013. S. 117-118. URL: <https://library.fes.de/pdf-files/iez/10390.pdf> (дата обращения: 29.07.2025).

²⁴² Funk A. Serie Bundestagswahlen: 1998: Schröders Sieg, Kohls Ende // Tagespiegel. 2013. 02. August. URL: <https://www.tagesspiegel.de/gesellschaft/geschichte/schroders-sieg-kohls-ende-2560639.html> (дата обращения: 19.07.2025).

²⁴³ Тимошенкова Е.П. Партийно-политическая система Германии в период канцлерства А. Меркель (2005–2017 гг.) – М.: Ин-т Европы РАН, 2020. (Доклады Института Европы № 369), С. 12.

расширения сфер взаимодействия, стремясь реализовать этот потенциал впоследствии во взаимоотношениях с «новой Россией»²⁴⁴.

Еще одним важным аспектом в избирательном контексте являлась позиция коалиционного партнера социал-демократов в процессе реализации внешней политики. В парламентской республике, где правительство лишено полномочий для единоличного принятия решений, осуществление любой политики зависит от наличия коалиционного партнера и внутренних договоренностей с ним²⁴⁵.

В данном случае коалиционным партнером и обладателем портфеля министерства иностранных дел стала партия «Зеленые». Несмотря на определенную идеологическую близость между социал-демократами и «Зелеными» последние использовали более либеральные и менее жесткие формулировки по вопросам отношений с Россией и НАТО²⁴⁶.

Причина таких минорных нарративных различий сокрыта в историческом контексте. В 1990-ые годы партия «Зеленые» выступала единым фронтом с другой левой партией – «Союз 90». Тандем гармонично занимал смысловую нишу радикального пацифизма, от которой социал-демократы со временем дистанцировались. Такой ход помог в «переманивании» более консервативного электората ХДС/ХСС.

Таким образом, социал-демократы на уровне партийных программ вынуждены были взаимодействовать с функционерами, манифестировавшими ядерное разоружение держав-гегемонов, демилитаризацию военных блоков и

²⁴⁴ Васильев В. И. К 70-летию со дня рождения // Международная жизнь. 2014. N. 4. С. 51.

²⁴⁵ Schröder G. Entscheidungen. Mein Leben in der Politik. Hamburg, 2006. S. 11-15

²⁴⁶ SPD-Programm für die Bundestagswahl 1998. Arbeit, Innovation und Gerechtigkeit // Sozialdemokratische Partei Deutschlands. S. 44-45. URL: https://www.spd.de/fileadmin/Dokumente/Beschluesse/Bundesparteitag/wahlprogramm_bundesparteitag_leipzig_1998.pdf (дата обращения: 19.07.2025).

ставкой на расширение гражданского взаимодействия по образу и подобию франко-германского взаимодействия²⁴⁷.

В условиях такого смыслового дисбаланса и поиска компромиссов был выработан итоговый документ – коалиционное соглашение. Несмотря на большое количество тезисов о внешней политике, отношениям с Россией в документе уделено не так много внимания. Два из трех²⁴⁸ упоминаний России заключены в смысловой контекст Совета России-НАТО и вопросам безопасности, что отсылает к установкам социал-демократов.

Третье упоминание содержит в себе общее пожелание о развитии межгосударственных отношений, но через поддержку «демократических, социальных, рыночных и правовых» реформ²⁴⁹, что очень похоже на смысловые установки Зеленых. Таким образом, можно выдвинуть предположение, что коалиционное соглашение являлся документальным подтверждением смыслового синтеза программ партий по отношению к России.

Однако партийный состав правительства не был единственным обстоятельством, осложнявшим развитие двустороннего диалога.

Во-первых, Герхард Шредер унаследовал от предшественника значительный массив критики в немецком публичном пространстве относительно стиля «личностной» политики по отношению к России. Так называемая «саунная дипломатия» (Saunadiplomatie), связанная с

²⁴⁷ Grün ist der Wechsel. Programm zur Bundestagswahl 1998 // Heinrich Böll Stiftung. S. 143. URL:

https://www.boell.de/sites/default/files/assets/boell.de/images/download_de/publikationen/1998_Wahlprogramm_Bundestagswahl.pdf (дата обращения: 18.07.2025). Деятельность организации признана нежелательной на территории Российской Федерации.

²⁴⁸ Aufbruch und Erneuerung – Deutschlands Weg ins 21. Jahrhundert. Koalitionsvereinbarung zwischen der Sozialdemokratischen Partei Deutschlands und Bündnis 90/Die GRÜNEN // Sozialdemokratische Partei Deutschlands. S. 44. URL: https://www.spd.de/fileadmin/Dokumente/Beschluesse/Bundesparteitag/koalitionsvertrag_bundesparteitag_bonn_1998.pdf (дата обращения: 19.07.2025).

²⁴⁹ Ibid. S. 47.

неформальным стилем взаимодействия Г. Коля с российским руководством, в медиа нередко оценивалась как неэффективная и чрезмерно персонализированная²⁵⁰.

Во-вторых, участие Германии в Косовском конфликте стало внутренне политически чувствительным событием: поддержка ограниченного использования вооруженных сил за пределами страны в составе многонациональных сил вызвала сопротивление части политического спектра, особенно в среде исторически антивоенных партий, включая «Зеленых». В результате на старте канцлерства Шредера совокупность внутривнутриполитических и внешнеполитических факторов не способствовала быстрому формированию устойчивого позитивного импульса в отношениях с Россией²⁵¹.

Таким образом, ни внутривнутриполитическая конфигурация, ни образ в медиа, ни геополитическая обстановка не способствовали развитию активного диалога в начале периода правления Герхарда Шредера.

Тем не менее, чрезмерно пессимистичная трактовка не вполне отражает реальность: в риторике присутствовали и позитивные сигналы. Показателен пример позитивной риторики можно найти в интервью Йошки Фишера агентству ИТАР-ТАСС (1998 г.), в котором, во-первых, министр охарактеризовал Российскую Федерацию как «опорную колонну европейского мирного порядка и необходимого партнера для преодоления как глобальных, так и региональных вызовов». Во-вторых, публично обозначил ключевые направления германской политики в отношении России:

²⁵⁰ Schrotthofer K. Bundeswehr muß bleiben // FOCUS Magazin. 1996. 23. September. URL: https://www.focus.de/politik/deutschland/bundeswehr-muss-bleiben-deutschland_id_1870183.html (дата обращения: 18.07.2025).

²⁵¹ Witte A. Die Rolle der Vereinigten Staaten im Jugoslawien-Konflikt und der außenpolitische Handlungsspielraum der Bundesrepublik Deutschland (1990-1996) // Leibniz Institut fuer Sozialwissenschaften. S. 177-180. URL: https://www.ssoar.info/ssoar/bitstream/handle/document/63281/ssoar-2000-witte-Die_Rolle_der_Vereinigten_Staaten.pdf (дата обращения: 22.07.2025).

1. Повсеместная интеграция России в международное (институциональное) сотрудничество.
2. Всесторонняя поддержка структурных рыночных реформ, осуществляемых демократическим путем.

По мнению министра, временные трудности, с которыми сталкивается Россия, вполне преодолимы, и в качестве своевременной меры он предложил Москве разработать и представить международному сообществу детально проработанную программу, направленную на восстановление доверия зарубежных инвесторов (на фоне дефолта 1998 г.) и создание благоприятных условий для притока иностранного капитала в российскую экономику на фоне дефолта 1998 г.²⁵²

В том же смысловом поле лежала речь Г. Шредера в Гамбурге, где канцлер, говоря о европейской и трансатлантической миссии ФРГ, подчеркивал готовность Германии нести определенные расходы, в том числе напоминая о средствах, выделявшихся на вывод ЗГВ, и о финансовой поддержке России²⁵³.

Вместе с тем применительно к экономической составляющей отношений более уместной представляется интерпретация Н. В. Павлова²⁵⁴, характеризующего подобные расходы (ссылаясь на логику канцлера) как завершение политики «чековой книжки». Развивая эту мысль, отметим, что ФРГ, безусловно, пошла навстречу России, согласившись на отсрочку

²⁵² Interview des Bundesministers des Auswärtigen, Joschka Fischer, zu den deutsch-russischen Beziehungen mit der Nachrichtenagentur ITAR-TASS am 10. November 1998. Mitteilung für die Presse // Internationale Politik. 1998. 10. November. URL: <https://internationalepolitik.de/ip/archive/jahrgang1998/dezember1998/documentation.html> (дата обращения: 09.03.2024).

²⁵³ Rede von Bundeskanzler Gerhard Schröder bei der 37. Kommandeurstagung der Bundeswehr am 29. November 1999 in Hamburg // Die Bundesregierung. URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/service/newsletter-und-abos/bulletin/rede-von-bundestkanzler-gerhard-schroeder-808490> (дата обращения: 01.08.2025).

²⁵⁴ Павлов Н. Россия и Германия: несостоявшийся альянс (история с продолжением). М., 2017. С. 487.

платежей по займам советского долга. Но обоснованным будет утверждение, что в критической ситуации страна нуждалась в помощи иного толка: не в отсрочке платежей, а в глобальной реструктуризации долга – будь то продление сроков выплаты всех обязательств или открытие новой кредитной линии для погашения старых долгов. На решительные, но нужные для российской стороны меры ФРГ не шла.

Обременительный риторический и смысловой багаж не давал развиваться отношениям в формате равного двухстороннего диалога: было необходимо явное улучшение одной из составляющих. И, если улучшение инвестиционного климата – процесс, как правило, длительный, то политические импульсы происходят быстрее из-за специфики электоральных циклов.

С точки зрения хронологии, следующим импульсом для трансформации партнерства стал приход к власти Владимира Путина. Изначальное клише «политическое ничто», которым «наградил» немецкий исследователь Ганс Йоахим Шпангер нового российского президента (в контексте его восхождения к верхушке исполнительной власти в 1999 г.)²⁵⁵ не оправдало себя.

Ключевым моментом переоценки стал визит президента России в ФРГ в сентябре 2001 г. Выступление в Бундестаге на немецком языке, насыщенное универсалистской риторикой и терминами либеральной идеологии²⁵⁶, стало заметным имиджевым прорывом и символом сближения²⁵⁷. Одним из итогов выступления стало согласие о создании Рабочей группы по стратегическому экономическому и финансовому сотрудничеству, среди задач которой

²⁵⁵ Spanger H.-J. Op. cit.

²⁵⁶ Staack M. Handelsstaat Deutschland. Deutsche Außenpolitik in einem neuen internationalen System. Paderborn, 2000. S. 502.

²⁵⁷ Егоров А. И. Россия – Германия: попытка стратегического партнерства (1998-2005 годы) // Известия Саратовского университета. Серия История. Международные отношения. 2012. Т. 12, № 1. С. 87.

значилось восстановление связей российских организаций с предприятиями бывшей ГДР²⁵⁸.

Особое значение этому событию придало то, что оно произошло спустя две недели после терактов 11 сентября 2001 г., которые актуализировали запрос на новую архитектуру безопасности. Россия присоединилась к международной коалиции по борьбе с терроризмом, сблизив свою позицию с ведущими акторами того времени – США и странами Запада, что открыло «окно возможностей» для углубления сотрудничества²⁵⁹.

В этой связи особенно примечательна и позиция самого канцлера Шредера²⁶⁰, который под впечатлением о речи отмечал, что президент России «мыслит по-европейски» и не заставляет сомневаться в своей искренности. Позднее, в других своих мемуарах, канцлер развил эту мысль, утверждая, что на фоне общей довоенной истории и широкой души русского человека сближение является естественным продолжением взаимной политики двух стран²⁶¹.

В новых условиях Германия начала постепенно смягчать свою позицию по Чечне, отстранившись от резкой критики действий Москвы и перейдя к трактовке конфликта в республике как борьбы с международным терроризмом – фактически приняв российскую интерпретацию событий²⁶². Это вызывало дискуссии и критику внутри ФРГ, но одновременно способствовало укреплению доверия со стороны России.

Консолидация на фоне новых угроз, в сочетании с расширением практики регулярных правительственных консультаций, дала

²⁵⁸ Там же. С. 86.

²⁵⁹ Huterer M. Pressemitteilung vom 10. Dezember 2001. Berlin, 2001.

²⁶⁰ Schröder G. Op. cit. S. 457.

²⁶¹ Schröder G. Klare Worte. Freiburg, 2014. S. 126.

²⁶² Deutscher Bundestag Stenografischer Bericht. Bundeskanzler Schröder. Bundesarchiv Plenarprotokoll 15/4 // Deutscher Bundestag. URL: <https://dserv.bundestag.de/btp/15/15004.pdf> (дата обращения: 01.08.2025).

синергетический эффект. Начиная с 2002 г. можно констатировать сближение позиций по ряду международных вопросов. Квинтэссенцией этой тенденции стала позиция по войне в Ираке, когда Россия, Франция и Германия совместно осудили американскую военную операцию²⁶³, показав мировому сообществу возможность существования континентально-европейской системы безопасности.

²⁶³ Zagorski A. Is the Outcome Worth the Effort? Reflections on the Russo-German Top Down Dialogue // German Foreign Policy in Dialogue Newsletter. 2004. P. 7-12.

2.3. Особенности развития экономических отношений между РФ и ФРГ на двустороннем уровне взаимодействия

Экономическое взаимодействие Федеративной Республики Германия и Российской Федерации в 1994–2005 гг. стало наиболее динамичным и прагматичным элементом двусторонних отношений. В политической сфере регулярно проявлялись ценностные расхождения и разночтения по вопросам безопасности, однако торговля, инвестиции и проектная кооперация формировали устойчивую взаимосвязь и во многом выполняли стабилизирующую функцию. Именно в экономике партнерская модель отношений получала наиболее осязаемое содержание – через контракты, капиталовложения и технологический обмен.

Даже на фоне острых дискуссий вокруг демократических норм и внешнеполитических решений торговые связи продолжали расширяться. Так, в 2004 г. товарооборот между двумя странами достиг \$32,8 млрд., что вывело Германию на позицию крупнейшего торгового партнера России²⁶⁴. Показательно, что рост происходил одновременно со сложными переговорами по вопросам международной безопасности: экономический трек не столько «снял» политическое напряжение, сколько демонстрировал способность развиваться в условиях неблагоприятной внешнеполитической среды.

Германские инвестиции в российскую промышленность, энергетику и финансовый сектор создавали устойчивые точки соприкосновения. К началу 2000-х гг. ФРГ закрепила среди ведущих иностранных инвесторов в России, причем заметная часть капиталовложений направлялась в технологически

²⁶⁴ Russian Federation: Trade Summary 2004 // World Integrated Trade Solution. URL: <https://wits.worldbank.org/CountryProfile/en/Country/RUS/Year/2004/Summary> (дата обращения: 22.07.2025).

емкие и производственные сегменты²⁶⁵. В свою очередь, Россия оставалась ключевым поставщиком энергоресурсов, что способствовало предсказуемости энергоснабжения и поддерживало конкурентоспособность германской экономики, формируя модель взаимодополняемости²⁶⁶.

При этом у тезиса о взаимодополняемости есть обратная сторона. Такой профильный обмен можно толковать как ограниченность торговых связей. Логику можно подтвердить, используя следующий набор данных.

Во-первых, ограниченность обусловлена размером экономик. ФРГ, будучи европейским лидером по показателям ВВП²⁶⁷, вкладывая небольшое в страновых мерках количество денег, способна оказаться в топе лидеров, что традиционно создает статистическую аномалию. Так, по данным внешнеторговой статистики, для России Германия – один из ключевых партнеров (7-8% в российском экспорте и 13-15% в импорте), занимающий первое-второе место во внешнеторговом обороте. Но для германской экономики – Россия второстепенный малообъемный рынок с долей около 2% (в 2004 г. – 14-е место среди торговых партнеров ФРГ)²⁶⁸.

Во-вторых, ограниченность проявлялась в товарной структуре. Российский экспорт в 2004 г. примерно на 90,2% формировался за счет топливно-энергетических и сырьевых товаров, причем около 70% этой группы приходилось на энергоносители (природный газ и нефтепродукты). В результате Россия играла существенную роль в обеспечении энергетической устойчивости Германии, покрывая порядка 35% потребностей ФРГ в газе и

²⁶⁵ Götz R. Zehn Jahre Wirtschaftstransformation in Rußland – und der Westen // Osteuropa. 2001. Vol. 51, № 11/12. P. 1286-1304. URL: <https://www.jstor.org/stable/44921800> (дата обращения: 29.07.2025).

²⁶⁶ Торгово-экономическое сотрудничество между Россией и ФРГ. Справка // РИА новости. 2005. 26 июня. URL: <https://ria.ru/20050626/40763710.html> (дата обращения: 13.07.2025).

²⁶⁷ ВВП стран мира в 1990–2023 гг. (по ППС) // Всемирный банк. URL: <https://svspsb.net/danmark/vvp-stran-wb.php> (дата обращения: 01.08.2025).

²⁶⁸ Russian Federation: Trade Summary 2004 // World Integrated Trade Solution. URL: <https://wits.worldbank.org/CountryProfile/en/Country/RUS/Year/2004/Summary> (дата обращения: 22.07.2025).

около 30% – в нефти. Германский экспорт в Россию, напротив, примерно на 90% состоял из готовой промышленной продукции: более половины приходилось на машины и оборудование, около 17% на химическую и фармацевтическую продукцию²⁶⁹. (Верхнеуровневая экспортная карта представлена в Приложении 7). Такая специализация создавала риск «голландской болезни»: гарантированная рента со сбыта природных ресурсов ограничивала необходимость технологического развития, а импорт готовых решений может способствовать развитию зависимости от внешних производственных цепочек²⁷⁰.

Данный вывод усиливается при сопоставлении торговой динамики с общей макроэкономической конъюнктурой. Рост российского экспорта в 1994–2005 гг. в значительной степени объяснялся благоприятной ценовой ситуацией на сырьевых рынках, а не расширением номенклатуры поставок. Доля энергоносителей в экспорте стабильно оставалась высокой, тогда как физические объемы поставок не демонстрировали сопоставимого роста. Увеличение стоимостных показателей коррелировало с ростом мировых цен на нефть: с 1999 по 2005 г. цена барреля Brent выросла с \$18 до \$54, что напрямую влияло на торговые показатели²⁷¹. В отличие от Германии, где экспортная динамика поддерживалась за счет диверсификации и технологического обновления, российский рост по данному параметру носил преимущественно экстенсивный характер. (Эта логика дополнительно визуализирована в Приложении 8.)

Сложившаяся модель имела значимые последствия для обеих экономик. Для Германии она обеспечивала стабильные поставки энергоресурсов по конкурентным ценам, рынок сбыта для высокотехнологичной продукции и

²⁶⁹ Торгово-экономическое сотрудничество между Россией и ФРГ. Справка // РИА новости. 2005. 26 июня. URL: <https://ria.ru/20050626/40763710.html> (дата обращения: 13.07.2025).

²⁷⁰ Хейфец Б. А. Российский синдром голландской болезни // Российский внешнеэкономический вестник. 2023. № 6. С. 80.

²⁷¹ Там же. С. 80.

дополнительное геоэкономическое влияние через технологический трансфер. Для России – это закрепление сырьевой структуры экспорта, ограниченность доступа к современным технологиям в режиме «встроенной модернизации» и высокую чувствительность бюджетных доходов к колебаниям мировых цен. Тем самым уже на уровне базовых параметров экономического взаимодействия прослеживается противоречивость: при общей взаимной выгоде воспроизводились дисбалансы, которые в долгосрочной перспективе сужали потенциал устойчивого развития российской экономики.

Рассматривая эту логику в историческом контексте, можно отметить, что Исторический контекст усиливает данную оценку. В первой половине 1990-х гг. российско-германское экономическое сотрудничество развивалось в условиях системного кризиса, вызванного распадом СССР и радикальными реформами. При наличии существенных институциональных усилий по созданию договорной базы (включая соглашения о торгово-экономическом сотрудничестве и работу межправительственных механизмов) практическое взаимодействие ограничивалось макроэкономическими рисками. Политика «шоковой терапии» сопровождалась гиперинфляцией (2520% в 1992 г.), падением ВВП и правовой нестабильностью, что снижало привлекательность России для иностранных инвестиций и осложняло реализацию крупных проектов²⁷².

Другое следствие такой нестабильной, в первую очередь внутренней, экономической обстановки – высокий уровень государственного долга и тяжесть его обслуживания. Представители ФРГ, начиная с 1993 г., отказались от предоставления новых займов (общая сумма предыдущих кредитов достигла 20 млрд немецких марок, без учета платежей по процентам). Эту меру можно расценивать как жесткую, противоречащую духу партнерства:

²⁷² Егоров А. И. Связи России и Германии в инвестиционной сфере: Федеральный и региональный уровни (1990-е–начало 2000-х гг.) // Вестник НГТУ им. Р. Е. Алексеева. Серия: Управление в социальных системах. Коммуникативные технологии. 2012. № 4. С. 56-63.

экономике была необходима ликвидность, причем ликвидность иностранная для успешного перехода в капиталистическую систему, но «удар» был смягчен отсрочкой выплат по предыдущим кредитным обязательствам на 10 лет²⁷³.

Параллельно происходила переориентация германского капитала на страны Центральной и Восточной Европы: по данным статистики, вложения ФРГ в Польшу, Чехию и Венгрию в 1993–1995 гг. превышали объемы инвестиций в Россию в 4–5 раз. Такая диспропорция объяснялась совокупностью факторов: территориальной близостью и логистическими преимуществами, более предсказуемыми институциональными преобразованиями, а также перспективой скорого вступления этих стран в ЕС, что делало инвестиции менее рискованными и более долгосрочно защищенными. Показателен пример Польши, где объем германских инвестиций только за 1994 г. оценивался примерно в \$2 млрд, тогда как в России за 1991–1995 гг. он, по ряду оценок, не достигал и \$500 млн²⁷⁴.

Эта диспропорция наглядно демонстрировала, что германский капитал, несмотря на традиционно сильные позиции в российской экономике, предпочитал работать в более предсказуемых условиях формирующихся и геостратегически более близких рынков Восточной Европы.

Подобный пессимистичное анализ оспаривается немецкими историками, предлагающими свой взгляд на проблему экономического взаимодействия. В работах таких авторов, как Р. Вайзе и К. Мюллера, подчеркивается, что Германия оставалась одним из основных источников финансовой поддержки российской экономики, причем помощь осуществлялась по нескольким каналам²⁷⁵.

Признавая важную роль Германии, предоставившей России значительные финансовые средства, следует внести дополнение. Эти

²⁷³ Максимычев И. Ф. Указ. соч.

²⁷⁴ Weise R., Schmidt H., Müller K. Op. cit. S. 71.

²⁷⁵ Götz R. Op. cit. P. 1288-1289.

отношения не были одолжением, а отражали классическую капиталистическую модель взаимодействия, характеризующуюся благоприятным для инвестора соотношением риска и доходности. Через участие в программах МВФ ФРГ оказывала воздействие на экономический курс России, дистанцируясь при этом от полной ответственности за итоги реформ. Кроме того, риски перекладывались на процедуру предоставления займов через механизм государственных гарантий «Гермес», детально анализируемый ниже.

Со стороны российской науки выдвигается тезис о встречных обязательствах: в обмен на финансирование Западная группа войск оставила в Германии вооружения общей стоимостью около 90 млрд марок, не считая стоимости недвижимого имущества²⁷⁶. Рассматриваемая проблематика, является органичной частью дискурса вокруг Договора «2+4» и следующих соглашений. В таких условиях мы можем констатировать только одно: первоначальная фаза партнерства в экономической сфере носила, скорее, донорский характер.

Конец 1990-х – начало 2000-х гг. обозначили переход к более институционально оформленному формату. Создание в 2000 г. Рабочей группы высокого уровня по стратегическому экономическому и финансовому сотрудничеству стало показательным событием, отразившим стремление к качественной «перезагрузке» механизма взаимодействия. Инициатива, реализованная по договоренности В. В. Путина и Г. Шредера, отличалась от прежних консультативных механизмов глубиной проработки и прямой связью с центрами принятия решений²⁷⁷.

Одновременно усилилось участие деловых кругов: Восточный комитет немецкой экономики и Российско-германская внешнеторговая палата превратились в постоянные площадки согласования интересов бизнеса и

²⁷⁶ Ахтамзян А. А. Указ. соч. С. 24.

²⁷⁷ Ефременко И. Н., Панченко Н. О. Указ. соч. С. 15.

государства; именно через них поддерживался устойчивый диалог предприятий и инвесторов, что укрепляло практическую основу доверия.

Давая общую характеристику, можно сказать, что этот период стал переходным от модели «донор-реципиент» к более сбалансированному подходу, где экономические интересы обеих сторон получали адекватное отражение в институциональной архитектуре. Институциональная перезагрузка отношений стала важным фактором, позволившим реализовать потенциал экономического взаимодействия в новых условиях.

Говоря об институциональной перезагрузке отношений, автор, прежде всего, имеет ввиду события 2002 г., когда было достигнуто соглашение о «пакетной сделке»²⁷⁸, включающей в себя вопросы:

- Трансфертных рублевых долгов, унаследованных еще с советских времен;
- Ущерб по делам «Гермеса» (это форма государственных экспортных кредитных гарантий, предоставляемых правительством ФРГ через «Euler Hermes AG». Компанию, специализируется на страховании кредитных рисков. Эти гарантии предназначены для поддержки германских компаний, экспортирующих товары и услуги за границу, особенно в страны с повышенными экономическими и политическими рисками, т.е. через эту компанию проходило абсолютное большинство инвестиций экспортеров, т. к. правительство, фактически гарантировала проведение выплат, в т.ч за свой счет);
- Погашения прочих старых долгов.

Данное соглашение, окончательно ликвидировавшее финансовые претензии сторон, носило компромиссный характер. В обмен на обязательства

²⁷⁸ Егоров А. И. Россия – Германия: попытка стратегического партнерства (1998-2005 годы) // Известия Саратовского университета. Серия История. Международные отношения. 2012. Т. 12, № 1. С. 84.

России по ускоренному погашению долгов и закрытию «дел Гермеса» германская сторона предоставила значительный скидочный механизм²⁷⁹.

На следующем этапе (2003–2004 гг.) был урегулирован портфель обязательств порядка 14 млрд евро: часть долга (около 5 млрд евро) реструктуризировали через конвертацию в финансовые инструменты, включая акции, что обеспечило Германии единовременный доход и перераспределило часть кредитного риска на рынок²⁸⁰. При этом президент России Владимир Путин, учитывая бюджетные ограничения Германии, и благоприятную экономическую ситуацию в РФ, предложил осуществить остальные выплаты досрочно взамен на отмену начисленных процентов и уменьшение «тела» кредита²⁸¹.

Эта схема отразила новое качество диалога: досрочное погашение обязательств выводит Россию из роли стороны реципиента. Более того, такой тип урегулирования, уникальный прецедент в международной финансовой практике, где интересы кредитора и заемщика были сбалансированы не через конфронтацию и суды, а через поиск взаимовыгодных решений.

Завершающим аккордом периода стало принципиальное соглашение по Nord Stream (2005). Проект зафиксировал переход от простой модели «поставщик–потребитель» к совместной инфраструктуре: ~1 200 км подводных ниток, ~7,4 млрд евро инвестиций, стратегическая диверсификация маршрутов (в обход транзитных стран)²⁸².

²⁷⁹ Meier C. Deutsch-russische Wirtschaftsbeziehungen unter Putin. Praxis – Probleme – Perspektiven // Stiftung Wissenschaft und Politik. 2014. S. 14-15. URL: https://www.ssoar.info/ssoar/bitstream/handle/document/24384/ssoar-2004-meier-deutsch-russische_wirtschaftsbeziehungen_unter_putin.pdf (дата обращения: 29.07.2025).

²⁸⁰ Ibid. S.18.

²⁸¹ Россия заплатит досрочно и по номиналу // Коммерсант. 2005. 08 апреля. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/568300> (дата обращения: 01.08.2025).

²⁸² Смирнов С.В. Россия-Германия: nordstream – пример доброй воли и эффективного сотрудничества (непростая история большого проекта) // Современная Европа, № 2 (54), 2013, С.116-128.

Для Германии это означало управление энергетическими рисками и участие в технологически сложном объекте; для России – закрепление роли системного поставщика и соинвестора.

В итоге траектория 1994–2005 гг. в экономическом измерении может быть описана как движение от донорско-реципиентной конфигурации начала 1990-х через урегулирование долговых и финансовых претензий – к более устойчивой модели, основанной на взаимных инвестиционных интересах и проектной взаимозависимости.

2.4. Культура, образование и наука как проводники доверия между Москвой и Берлином

Развитие российско-германских отношений в гуманитарной и научно-образовательной сферах в 1990-е – первой половине 2000-х гг. опиралось на нормативные основы, частично унаследованные из позднесоветского периода, одновременно, прирастая новыми институтами и практиками. В отличие от политического и частично экономического треков, гуманитарное сотрудничество изначально воспринималось сторонами как сравнительно «низкорисковая» область, способная поддерживать коммуникацию в периоды внешнеполитической турбулентности. В аналитическом смысле данный контур может быть описан как инфраструктура доверия, которую можно определить как совокупность институтов, программ и площадок, обеспечивающих воспроизводимую кооперацию и относительно устойчивых к ситуативным политическим колебаниям.

Характерной особенностью гуманитарного трека было то, что часть контактов на уровне гражданского общества предшествовала формальному закреплению сотрудничества. В этом плане можно утверждать, что, в отличие от других сфер, нормативная база стремилась не только описать желаемое будущее, но охватить и легитимизировать уже существующие форматы,

Задолго до высоких, официальных контактов важные гуманитарные импульсы исходили от деятелей гражданского общества – писателя Л. З. Копелева и немецкого литератора Г. Белля. Их дружба и публичный диалог (телевизионная беседа 1981 г. «Почему мы стреляли друг в друга?» и многолетняя переписка) стали символом взаимопонимания между

народами²⁸³. Под руководством Льва Копелева коллективом немецких и российских ученых был создан фундаментальный многотомный труд «Восточно-европейские отражения» («Вуппертальский проект»), раскрывающий историю взаимоотношений России и Германии с глубокой древности до конца XX в. Главная цель обширной серии работ – преодоление устойчивого образа врага, сформированного травматическими событиями прошлого, что обуславливает актуальность этого труда, особенно в случае российско-германских отношений.

Возвращаясь к нормативному ландшафту, стоит отметить такое событие как, ратификация Договора о культурном сотрудничестве от 16 декабря 1992 г.²⁸⁴ Событие заложило широкую нормативную базу для двусторонних обменов, охватывая культурные связи, образовательные программы, совместные проекты по сохранению исторического наследия, а также обмены специалистами в различных гуманитарных областях

Ярким примером эффективности договора можно считать уже то, что в 1992 г. открыли национальные культурные центры: первым в Москве начал работу Институт имени Гете²⁸⁵ (Goethe-Institut) а в Берлине продолжил работу уже Российский Дом науки и культуры (РДНК) под эгидой Россотрудничества²⁸⁶, став наглядным символом присутствия и важности российской культуры в объединенной Германии. Это означало не просто

²⁸³ Хавкин Б.Л. Лев Копелев и диалог культур // Интеллигенция и мир 2025. № 3. С. 146—156.

²⁸⁴ Соглашение между правительством Российской Федерации и правительством Федеративной Республики Германия о культурном сотрудничестве (Москва, 16 декабря 1992 года) // Министерство иностранных дел РФ. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/2_contract/48597/ (дата обращения: 01.08.2025).

²⁸⁵ Гете-институт // Коммерсант 28.10.2019. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4135694> (дата обращения: 24.08.2025).

²⁸⁶ Безродная А.Ю. Российский дом науки и культуры: деятельность, значимость, вклад" Скиф. Вопросы студенческой науки, №. 11 (27), 2018, С. 191-201.

расширение сетей культурной дипломатии, но и формирование постоянных каналов коммуникации между сообществами.

Один из примеров и символов формируемой совместной культуры памяти стал Российско-германский музей Берлин-Карлсхорст (Берлин). По договоренности между правительствами РФ и ФРГ к 50-летию окончания Второй мировой войны было принято решение возобновить работу этого музея на месте подписания Акта о капитуляции Германии 1945 г.

С 1995 г. музей «Берлин-Карлсхорст» действует как уникальное многонациональное учреждение, финансируемое немецкой стороной. Его экспозиция посвящена истории войны на Восточном фронте и советско-германских отношений в 1917–1990 гг. Музей стал площадкой совместного празднования годовщины Победы 8 мая и других памятных мероприятий, выступая инструментом диалога культур и культуры памяти²⁸⁷. Совместное руководство музеем и его просветительская деятельность по сохранению общей исторической памяти также способствуют углублению взаимному пониманию на уровне культуры и совместной памяти.

Таким образом, уже на первом этапе 1990-х гг. началась системная институционализация российско-германского взаимодействия в сфере науки и образования, что придало сотрудничеству структурированный характер и повысило его устойчивость. В отличие от экономической сферы, где долго сохранялась диспропорция, образовательные и научные инициативы во многом строились на принципах паритета. Это позволяло формировать «пространства доверия» и поддерживать рабочие контакты в периоды внешнеполитической напряженности – важное условие для последующего

²⁸⁷ Музей Берлин-Карлсхорст. Общая информация // Museum Berlins Karlshorst. URL: <https://www.museum-karlshorst.de/ru/%d0%be-%d0%bd%d0%b0%d1%81/%d0%bc%d1%83%d0%b7%d0%b5%d0%b9/> (дата обращения: 25.09.2024)

расширения повестки взаимодействия между Берлином и Москвой в сфере культуры.

Уже на раннем этапе практическое сотрудничество шло по нескольким каналам: ведомственные инициативы, межуниверситетские программы, научные обмены. Следствием этого стала качественная эволюция феномена. Стороны перешли от разрозненных, нередко политически мотивированных контактов к более системному, зрелому и результативному взаимодействию, в т.ч. на уровне «низовой» инициативы.

Так, в 1994 г. Российский фонд фундаментальных исследований (РФФИ) инициировал прямые контакты с Немецким научно-исследовательским обществом DFG (Deutsche Forschungsgemeinschaft). Кооперация оказалась продуктивной: к 2002 г. сотни российских ученых реализовали научные визиты и стажировки в ФРГ в рамках совместных проектов, а осенью 2003 г. DFG открыло представительство в Москве – институциональный «якорь» двустороннего научного партнерства²⁸⁸. Московский офис DFG стал контактной площадкой для исследователей обеих стран: консультирование по программам, синхронизация приоритетов, координация заявок и сетей, что переводило сотрудничество из разового режима в устойчивый.

В рамках укрепления научных связей в эти же годы активно действовал созданный при участии ФРГ, США и Японии Международный научно-технический центр (МНТЦ) в Москве. Этот центр стал важной платформой для переориентации научно-технического потенциала оборонного сектора на гражданские направления, предотвращая утечку высококвалифицированных кадров путем их интеграции в международные исследовательские сети²⁸⁹.

²⁸⁸ Белов В. Б. Россия и Германия: научно-техническое сотрудничество // Современная Европа. 2005. № 3 (19). С. 65-78.

²⁸⁹ Иванченко А. Г. Международный научно-технический центр: созидание через сотрудничество // Российский химический журнал. 2001. Т. 45, № 5-6. С. 3-4.

Как показали два прошлых кейса: к концу 1990-х гг. гуманитарное и научно-техническое взаимодействие приобрело системный характер, опираясь как на новые институты, так и на расширяющиеся профессиональные сети. Это зафиксировало переход от политических деклараций к воспроизводимым практикам кооперации.

Схожая динамика наблюдалась и в культурной области. Знаковым и грандиозным по масштабу событием стала художественная выставка «Берлин-Москва. Москва-Берлин. 1900-1950», представленная в 1995 г. в Берлине и в 1996 г. в Москве. Подготовка к событию велась на протяжении трех лет. Подготовленная совместно Государственным музеем изобразительных искусств им. А.С. Пушкина и Берлинской галереей, эта выставка за три года подготовки собрала уникальную экспозицию, отразившую принцип диалога культур даже в самые драматичные периоды общей истории²⁹⁰. Интерес публики подтвердил масштаб мероприятия: выставка имела колоссальную посещаемость: выставку в обеих столицах посетило более 600 тыс. человек, что считается солидным показателем даже по меркам современных мероприятий²⁹¹.

В дальнейшем успех этой экспозиции вдохновил новые проекты: позднее была организована выставка-продолжение «Москва–Берлин. 1950–2000», однако ее реализация уже столкнулась с иными политическими реалиями начала 2000-х годов. Тем не менее, опыт выставки 1995–1996 гг. показал, что культура может служить мощным каналом сближения народов, дополняя политический диалог и укрепляя взаимопонимание. Проведение такого мероприятия можно считать кейсом «символической дипломатии»,

²⁹⁰ Туровская, М., Меркерт, Й. О выставке и каталоге; под общей редакцией Й.Меркерт, И.Антоновой. Москва-Берлин. 1900–1950/ Berlin-Moskau: 1900–1950 : каталог выставки. М.: Галарт, 1995.

²⁹¹ Россия — Германия: 1000 Сопоставлений. Коммерсантъ. 12.03.1996. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/12177> (дата обращения: 25.09.2024)

укреплявшим легитимность всего гуманитарного трека и создававший позитивный фон для межгосударственного диалога.

Знаковым шагом на пути политической кооперации в сфере культуры и исторического примирения стало учреждение в ФРГ в 2000 г. федерального фонда «Память, ответственность и будущее» (EVZ). Этот фонд, созданный совместными усилиями государства и бизнеса, стал выражением признания сохраняющейся сквозь время моральной ответственности Германии за нацистские преступления. EVZ обеспечил выплаты компенсаций бывшим подневольным работникам (к 2006 г. свыше 1,66 млн. получателей), а на доход от его капитала поддерживал сотни образовательных и мемориальных проектов в сфере культуры памяти²⁹². Знаковым событием и символом международного диалога стала международная выставка «Принудительный труд, Немцы, подневольные работники и война», проходившая с 2010 по 2017 гг.

В 2011 г. фонд завершает свою работу по выплатам и закрывает свое представительство, но не прекращает инициативы на территории РФ. В 2025 г. по ходатайству генеральной прокуратуры РФ деятельность фонда объявлена нежелательной.

Несмотря на успешные кейсы и общую положительную динамику, стартовый этап сопровождался значительными трудностями. Общей для научной и культурной сфер проблемой была тяжелая экономическая конъюнктура России периода трансформации. Бюджетные ограничения и инфляционные риски сужали возможности софинансирования совместных программ, снижая их масштаб и устойчивость²⁹³.

²⁹² Задачи фонда "Память, ответственность и будущее" // Das Bundesarchiv — URL: <https://www.bundesarchiv.de/zwangsarbeit/leistungen/direktleistungen/fond/index.html.ru#:~:text=%D0%97%D0%B0%D0%B4%D0%B0%D1%87%D0%B8%20%D1%84%D0%BE%D0%BD%D0%B4%D0%B0%20,%D0%B1%D1%83%D0%B4%D1%83%D1%89%D0%B5%D0%B5> (дата обращения: 25.09.2024).

²⁹³ Белов В. Б. Россия и Германия: научно-техническое сотрудничество // Современная Европа. 2005. № 3 (19). С. 67-70.

Существенную сложность для двусторонних отношений создала нерешенность вопроса о культурных ценностях, перемещенных в СССР в качестве компенсаторной реституции после Второй мировой войны. Проблема²⁹⁴ приобрела особую остроту в апреле 1998 г. с принятием Федерального закона № 64²⁹⁵, который закрепил право собственности Российской Федерации на указанные культурные ценности. Данный правовой акт, принятый на фоне начавшейся Чеченской кампании и финансовой нестабильности в России, создал дополнительный политический конфликт в отношениях с Германией и содержал риск охлаждения гуманитарных контактов между двумя странами.

Остановки сотрудничества в этом случае удалось избежать благодаря компромиссному подходу сторон: в скором времени были внесены поправки в ФЗ и сформированы рабочие группы по решению этой проблемы. Так, в кратчайшие сроки, при активном участии министерств культуры обоих государств, был выработан новаторский подход по владению спорными объектами культурного наследия, когда части одного и того же комплекса находок распределяются между российскими и немецкими музеями, или когда в одной стране находится сам физический объект, а в другой – сопровождающие его архивные документы²⁹⁶.

Дополнительным и немаловажным препятствием для развития международных отношений были визовые и организационные процедуры, существенно осложнявшие любую мобильность между странами. Длительные

²⁹⁴ Родович, Ю.В. Россия и Германия на рубеже XX–XXI веков: проблема реституции. // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. — 2013. — Т. 3, № 1. С. 128-137.

²⁹⁵ О культурных ценностях, перемещенных в Союз ССР в результате Второй мировой войны и находящихся на территории Российской Федерации : Федеральный закон от 15.04.1998 № 64-ФЗ // ГАРАНТ. — URL: <https://ivo.garant.ru/document/12111286/> (дата обращения: 25.09.2024).

²⁹⁶ Павлов, Н.В. Германия и Россия в новой Европе 1990–2010 гг. (к периодизации российско-германских отношений) // Россия и Германия в новой Европе: конец XX – начало XXI вв.: Материалы Международной Интернет- конференции (май - июнь 2012 г.) / Сост. Б.В. Петелин, Т. Шнайдер. – Череповец: ЧГУ, 2012. С. 10-11.

сроки оформления виз, бюрократические сложности и недостаток скоординированных действий между профильными ведомствами приводили к тому, что многие научные и студенческие обмены либо задерживались, либо не могли реализоваться в необходимых масштабах и установленные сроки²⁹⁷.

Тем не менее, университеты и научно-исследовательские институты обеих стран последовательно углубляли и расширяли каналы кооперации. Заметную, если не ключевую, роль в этой деятельности играли программы Немецкой службы академических обменов (DAAD) и Фонда Александра фон Гумбольдта: к середине 1990-х гг. ежегодно десятки российских студентов и аспирантов обучались в ФРГ по стипендиям DAAD, а молодые немецкие исследователи работали в российских институтах. Такие обмены формировали «критическую массу» двуязычных специалистов и смешанных исследовательских команд. Эти «семена» стали долгосрочными интересантами и человеческим капиталом международных отношений²⁹⁸.

Смена политического руководства в Германии в 1998 г., а затем в России в 2000 г., открыла новые возможности для развития культурной компоненты международных отношений. На волне политического обновления расширился межгосударственный диалог, особенно в области науки, образования и культуры. Одним из ключевых событий этого периода стало учреждение в 2001 году по инициативе глав государств совместного форума гражданских обществ – «Петербургского диалога».

Созданная площадка позволила обсуждать не только отдельные проекты, но и вырабатывать согласованные механизмы гармонизации образовательных стандартов, расширения академической мобильности и синхронизации исследовательских повесток в интересах обеих стран²⁹⁹.

²⁹⁷ Белов В. Б. Россия и Германия: научно-техническое сотрудничество // Современная Европа. 2005. № 3 (19). С. 72-73.

²⁹⁸ Там же. С. 72.

²⁹⁹ Иванова Т.И. «Петербургский диалог»: становление и развитие (2001–2004 гг.) «Запад-Восток» // Научно-практический ежегодник. 2009, №. 2, 2009, С. 106-113.

Например, уже на первых заседаниях форума поднимались вопросы взаимного признания дипломов, упрощения условий для студенческих обменов, кооперации университетов и совместного доступа к научным мегапроектам. Эта платформа дополнила официальные межправительственные структуры гибким инструментом взаимодействия на уровне обществ, вовлекая представителей науки, образования, культуры, НКО и молодежи.

В этот же период было подписано и отраслевое Соглашение о сотрудничестве в области космических исследований³⁰⁰ (2001 г.), отразившее готовность к кооперации в высокотехнологичных секторах. Договор открыл перспективы совместной работы в стратегически важных областях – освоении космоса, а также в смежных инновационных технологиях.

Как следствие, можно наблюдать активизацию сотрудничества по ряду высоконаучных направлений: стартовали совместные проекты в области лазерной физики, расширилось взаимодействие на базе крупных исследовательских центров Германии – таких как ускорительный центр (DESY) и Центр изучения тяжелых ионов (GSI)³⁰¹. Российские ученые получили возможность проводить эксперименты на уникальных германских установках, а немецкие коллеги – участвовать в исследовательских программах в российских институтах, например в ОИЯИ (Дубна).

Эти проекты способствовали обмену опытом и развитию новых технологий, укрепляя научный потенциал обеих стран. Более того, обсуждался амбициозный проект по созданию совместного исследовательского центра,

³⁰⁰ Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Федеративной Республики Германия о сотрудничестве в области исследования и использования космического пространства в мирных целях (Берлин, 10 апреля 2001 г.) // Министерство иностранных дел РФ. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/2_contract/46552 (дата обращения: 29.07.2025).

³⁰¹ Наука: С Россией под одной крышей. 11.02.2005 // Иносми. 2005. 11 февраля URL: <https://inosmi.ru/20050211/217155.html> (дата обращения: 29.07.2025).

объединяющего ресурсы российских и немецких научных институтов, как платформы для долгосрочного сотрудничества и инноваций (фактически прообраз подобной интеграционной структуры реализовался лишь позднее, в виде открытого в 2009 г. Германского Дома науки и инноваций в Москве – DWIH³⁰²., который стал объединяющим форумом для немецких научных организаций в России).

Для культурной сферы смена истеблишмента также стала позитивным событием. На фоне риторического сближения президентов было принято решение о проведении «перекрестных годов культур», когда 2003г. был признан годом русской культуры в Германии, а 2004 – годом немецкой культуры в России. По этой же схеме перекрестно подписываются соглашения об изучении языков стран³⁰³. А в 2004г. стороны идут еще дальше, подписывая соглашение о сотрудничестве в области молодежной политики³⁰⁴. При это для правового обслуживания формата создавался новый орган – Российско-Германский совет по сотрудничеству в области молодежной политики, куда на паритетной основе входили руководители как российских, так и германских ответственных ведомств.

В обозначенных условиях, глобальный культурный трек международных отношений обрел собственную институциональную «архитектуру исполнения», что уменьшало его зависимость от политической конъюнктуры.

³⁰² Цели и задачи Дома науки и инноваций в Москве // DWIH Moskau URL: <https://www.dwih-moskau.org/ru/dwih-moskva/tseli-i-zadachi/> (дата обращения: 29.07.2025).

³⁰³ Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Федеративной Республики Германия об изучении русского языка в Федеративной Республике Германия и немецкого языка в Российской Федерации // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/901941549> (дата обращения: 29.07.2025).

³⁰⁴ Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Федеративной Республики Германия в области молодежного сотрудничества // Министерство иностранных дел РФ. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/2_contract/46033/ (дата обращения: 29.07.2025).

Одно из событий, подтверждающих этот тезис – это открытие в 2005 г. Германского исторического института в Москве (ГИИМ). Деятельность ГИИМ направлена на развитие и укрепление научного сотрудничества историков из России и Германии³⁰⁵. Институт регулярно организовывал двусторонние конференции, семинары и круглые столы; при его поддержке была создана научная библиотека с открытым доступом на немецком и русском языках³⁰⁶. Работа института, финансируемого правительством ФРГ, встретила российско-германский диалог историков в постоянную структуру, что повысило устойчивость гуманитарного взаимодействия. В 2024 г. Институт внесен Минюстом в список нежелательных организаций.

Кульминационным моментом институционализации российско-германского научно-образовательного сотрудничества стало подписание 11 апреля 2005 года знакового документа – Совместного заявления о стратегическом партнерстве в области образования, научных исследований и инноваций³⁰⁷. Впервые в истории двусторонних отношений гуманитарное взаимодействие было официально закреплено как один из ключевых столпов при реализации такого уровня отношений как «стратегическое партнерство».

³⁰⁵ Минюст внес в список нежелательных Германский исторический институт // РБК. <https://www.rbc.ru/politics/17/06/2024/6670648d9a79477274b68570#:~:text=%D0%93%D0%B5%D1%80%D0%BC%D0%B0%D0%BD%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9%20%D0%B8%D1%81%D1%82%D0%BE%D1%80%D0%B8%D1%87%D0%B5%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9%20%D0%B8%D0%BD%D1%81%D1%82%D0%B8%D1%82%D1%83%D1%82%20%D0%B1%D1%8B%D0%BB%20%D0%BE%D1%81%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D0%BD,%D1%84%D0%B8%D0%BD%D0%B0%D0%BD%D1%81%D0%B8%D1%80%D1%83%D0%B5%D0%BC%D0%BE%D0%B3%D0%BE%20%D0%A4%D0%B5%D0%B4%D0%B5%D1%80%D0%B0%D0%BB%D1%8C%D0%BD%D1%8B%D0%BC%20%D0%BC%D0%B8%D0%BD%D0%B8%D1%81%D1%82%D0%B5%D1%80%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%BE%D0%BC%20%D0%BE%D0%B1%D1%80%D0%B0%D0%B7%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D1%8F%20%D0%B8> (дата обращения: 29.07.2025).

³⁰⁷ Совместное заявление о стратегическом партнерстве между Российской Федерацией и Федеративной Республикой Германия в области образования, научных исследований и инноваций (Берлин, 11 апреля 2005 г.) // Сайт Президента России РФ. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/3631> (дата обращения: 22.07.2025).

Заявление, подписанное в Ганновере президентом В.В. Путиным и канцлером Г. Шредером, четко определило цели и приоритетные направления сотрудничества: развитие научно-образовательной инфраструктуры, поддержка молодых ученых, совместное участие в европейских научных программах, обмен передовыми технологиями.

Особый акцент был сделан на необходимости синхронизации требований к академическим квалификациям и взаимного признания дипломов, что должно было повысить прозрачность образовательных стандартов и облегчить обмен студентами и преподавателями между двумя странами. В заявлении также подчеркивалось, что научно-техническое сотрудничество рассматривается как одна из основ двусторонних отношений и важнейший элемент партнерства. Кроме того, уже в 2009 году было подписано рамочное соглашение о научно-техническом сотрудничестве, которое формально закрепило долгосрочные намерения сторон по развитию совместных научных проектов, обмену технологиями и координации исследований в приоритетных областях³⁰⁸.

В конечном итоге период от начала 1990-х до середины 2000-х ознаменовался становлением и институционализацией гуманитарного трэка отношений между Россией и Германией. Несмотря на экономические и политические ограничения переходной эпохи, стороны выстроили прочные рамки взаимодействия, в которых культура, образование, наука и инновации заняли одно из центральных мест. Сложилась инфраструктура, обеспечивающая не только обмен знаниями и ресурсами, но и расширение академической мобильности, координацию исследовательских программ и развитие совместных инновационных проектов. Глобально, культурная сфера

³⁰⁸ Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Федеративной Республики Германия о научно-техническом сотрудничестве (Мюнхен, 16 июля 2009 г.) // Министерство иностранных дел РФ. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/2_contract/45460 (дата обращения: 19.07.2025).

стала «амортизатором» двусторонних отношений и каналом накопления доверия, превращая ценности просвещения и культуры в практический ресурс внешней политики.

Анализ эволюции российско-германских отношений на межгосударственном уровне в 1994–2005 гг. показывает, что, вопреки логике «гражданской силы», довольно полно описывающей европейский уровень отношений, двусторонний уровень в значительной мере соответствовал логике школы неореализма. В этой логике, сотрудничество развивалось не как движение к устойчивой «общности», а как способ управлять неопределенностью постбиполярной системы и извлекать выгоды из совпадений интересов там, где они возникали.

В качестве объяснительной рамки такой модели поведения может быть продуктивен наступательный реализм Дж. Миршаймера, подчеркивающий конкуренцию великих держав за влияние и их склонность использовать любые кооперационные форматы инструментально, чтобы укрепить свою позицию, одновременно, снижая уязвимость перед анархичной средой. В условиях асимметрии мощи и различий в представлениях о европейской безопасности Германия и Россия выстраивали отношения так, чтобы одновременно получать прикладные преимущества (экономические, политические, статусные) и минимизировать обязательства, способные ограничить их стратегические опции в будущем. Дополнительно с этой логикой взаимодействует теория секьюритизации, анализирующая стремление стран сконструировать собственное представление о безопасности и ретранслировать его другим акторам.

В правовом измерении двусторонние отношения опирались на сформированный в начале 1990-х гг. комплекс договорно-институциональных оснований (с последующей детализацией по отдельным направлениям). При

этом важна специфика: правовая база выполняла прежде всего функцию рамки и стабилизатора, задавая предсказуемые каналы контактов и легитимируя сотрудничество, но не превращаясь в «жесткий» механизм принуждения к исполнению. Рамочность формулировок, наличие существенного массива декларативных положений и высокая роль дипломатической практики как способа «доработки» норм в конкретных ситуациях указывают на приоритет политического расчета при сохранении выгод институционализации.

В политическом измерении отношения демонстрировали устойчивость. Несмотря на смену правительственной коалиции в Бундестаге и ожидания перемен со стороны избирателя, взаимодействие не было свернуто, а претерпело перенастройку акцентов. В таком изложении событий анализу снова помогает реалистская логика: при внешнеполитической деятельности внешняя среда и анархичность системы задавали рамки сильнее, чем внутривнутриполитический цикл, который являет собой демократический институт (контраст с концепцией Мауля, описывающей европейский уровень). Давление балканского кризиса, чеченской повестки, событий 11 сентября, Афганистана и Ирака, а также конкуренция за влияние в Восточной Европе при расхождении представлений о безопасности толкали Берлин и Москву к сугубо прагматичному взаимодействию. Актеры поддерживали управляемую взаимозависимость, сохраняя свободу маневра.

В итоге межгосударственный трек работал как механизм хеджирования рисков: стороны взяли минимум жестких обязательств, несмотря на наличие институциональной развитости, выявленной в правовом измерении.

В экономическом измерении российско-германских отношений произошла эволюция от модели «донор–реципиент» к взаимному, но устойчиво асимметричному взаимодействию: Россия предоставляла энергоресурсы, Германия – машины, технологии и капитал; для РФ ФРГ оставалась важным партнером, тогда как для ФРГ Россия была ограниченным рынком.

Такая специализация торговых отношений поддерживала зависимость российской экономики и риск «голландской болезни», фиксируя пределы диверсификации. В неореалистской логике Берлин использовал экономику как инструмент внутренней балансировки (internal balancing). Страна комбинировала взаимозависимость и хеджирование рисков (в т.ч. через гарантии «Гермес» и регуляторные практики), опираясь на расчет относительных выгод.

В итоге экономический трек был взаимовыгодным, но асимметричным механизмом усиления позиций ФРГ в общеевропейском балансе сил и, одновременно, фактором, ограничивавшим структурную модернизацию России.

В гуманитарном измерении неореализм имеет методологические ограничения: культурные практики трактуются как производные от материальных факторов. Двусторонние связи развивались как наиболее «инерционный» и наименее конфликтный трек, создавая устойчивые каналы взаимодействия обществ и профессиональных сообществ.

Нормативная база культурного сотрудничества, институционализация культурной дипломатии, развитие академических сетей и обменов, появление постоянных площадок диалога позволяли поддерживать коммуникацию даже в периоды политической напряженности. При этом гуманитарные механизмы работали не только как «фон» отношений, но и как практический ресурс внешней политики: они снижали уровень неопределенности, закрепляли контакты и формировали долгосрочные социальные связи, которые трудно быстро демонтировать.

В целом, рассмотрение российско-германских отношений 1994–2005 гг. через призму реализма позволяет зафиксировать их ключевую характеристику: институциональная оформленность и высокая интенсивность контактов сочетались с ограниченной обязывающей силой и сохранением

свободы маневра. Это объясняет, почему даже при наличии плотной экономической взаимосвязи и развитых гуманитарных каналов двусторонний трек сохранял прагматическую природу и зависимость от внешнего контекста безопасности. Наступательный реализм Миршаймера в данном случае выступает рабочей рамкой, позволяющей связать правовые, политические, экономические и гуманитарные сюжеты в единую логику: сотрудничество развивалось как инструментальное и адаптивное, ориентированное на баланс выгод и рисков, а не на последовательное строительство «общности» по заранее заданной модели.

Заключение

Проведенное диссертационное исследование позволяет сделать следующие выводы.

Во-первых, отношения между Германией и Россией в 1994–2005 гг. носили многоуровневый и многовекторный характер. Берлин, реализуя свою внешнюю политику, использовал не только классические двусторонние каналы, но и общеевропейские механизмы, выступавшие инструментом рамочного оформления взаимодействия и усиления переговорных возможностей. Такая конфигурация стала возможной благодаря длительной линии ФРГ на развитие институциональных процедур ЕС и расширение их применимости в сфере внешнеполитических решений, что позволяло Германии сочетать европейский и межгосударственный уровни политики в отношении России (в том числе через процедурные режимы и практики председательства, формирования повестки и институциональную «настройку» механизмов согласования позиций).

Маневрируя между европейским и двусторонним форматами, Германия в ряде случаев могла оказывать влияние на содержание диалога и актуальную повестку, что формировало асимметрию институциональных возможностей сторон.

Во-вторых, эволюция российско-германских отношений в 1994–2005 гг. в значительной мере определялась расхождением институциональных установок сторон и различиями в понимании целей европейского порядка и безопасности.

Ожидания Германии определялись ее двойной ролью: национального государства и лидера ЕС. В этой связи Берлин был ориентирован на институционализацию взаимодействия в общеевропейских правовых рамках,

повышение предсказуемости и управляемости кооперации при одновременной защите собственных национальных интересов.

Россия, напротив, ожидала признания равноправного характера взаимодействия, расширения доступа к рынкам, технологиям и инвестициям ЕС, укрепления долгосрочной связности в энергетике и инфраструктуре, поэтапной визовой либерализации, а также приоритета двустороннего канала с ФРГ как более гибкого механизма согласования позиций и «мостика» к институтам ЕС.

Разнонаправленность ожиданий сторон выдает и более глубокие проблемы: различие в интерпретации норм и процедур европейского порядка, а также в подходах к безопасности и региональному управлению рисками. Следствием данного разрыва стал рамочный, в значительной степени декларативный характер большинства договоренностей, имевших размытые механизмы реализации на всем протяжении исследуемого периода.

Опираясь на эту логику, можно выявить и общую тенденцию в отношениях между Берлином и Москвой. Их развитие носило импульсный характер с тремя фазами: 1994–1997 гг. – позитивный импульс, включавший оформление правовой рамки и институциональных предпосылок (в том числе в общеевропейском контуре); 1997–1999 гг. – спад и нарастание противоречий на фоне расхождений в трактовке вопросов безопасности; с 2000 гг. – прагматическое сближение, обусловленное внутренней консолидацией России и внешним контекстом после 11 сентября 2001 г., при сохранении старых структурных противоречий.

На концептуальном уровне это выразилось в устойчивом контрасте: нормативная идентичность ЕС/ФРГ, основанная на логике «гражданской силы» и инструментарии «мягкой силы», проявлявшаяся в диалоге культур и гражданских обществ, сосуществовала с практикой прагматизации отношений на межгосударственном уровне и даже эпизодическим применением «жесткой силы» в коалиционных форматах (участие Германии в операции НАТО на Балканах).

Для российской стороны применение «жесткой силы» было нарушением представлений о безопасности европейского континента. Следствием этого стал тренд на возврат к реалистскому прочтению безопасности. Москва стала более скептически смотреть на перспективы «европеизации» правил взаимодействия и роль ФРГ как посредника в Брюсселе.

В-третьих, достигнутые в 1994–2005 гг. результаты взаимодействия ФРГ и РФ не трансформировались в долгосрочную общность стратегических интересов и высокий уровень взаимного доверия. Несмотря на заявляемую комплексность повестки, итоги сотрудничества носили преимущественно секторальный и ситуационный характер: успехи достигались по отдельным направлениям и не всегда преобразовывались в устойчивую «общую стратегию».

В этом смысле употребление в политической риторике термина «стратегическое партнерство» лишь частично соответствовало реальному состоянию отношений: он фиксировал целеполагание сторон и задавал долгосрочную и гибкую рамку повестки дня, но не означал достижения уровня полноценного стратегического союза.

Подводя итог, отметим, что в 1994–2005 гг. отношения между ФРГ и РФ развивались как многоуровневый процесс, в котором двусторонний диалог постоянно соотносился с общеевропейскими механизмами и ограничениями. При наличии значительного потенциала и отдельных успешных практик, траектория отношений во многом определялась структурными расхождениями и асимметрией институциональных возможностей, а также изменениями внешней среды.

Эти ограничения следует учитывать при дальнейшем анализе и практическом выстраивании отношений России, Германии и Европейского союза. Тем самым период 1994–2005 гг. выступает ключевым этапом институционального оформления российско-германских отношений и одновременно «тестом на устойчивость» выработанных механизмов

взаимодействия в условиях меняющейся европейской и международной конъюнктуры.

Список источников и литературы

I. Источники

1. Источники официального происхождения

1.1. Нормативно-правовые акты

1. Договор о Европейском Союзе (Маастрихт, 7 февраля 1992 г.) (в редакции Лиссабонского договора 2007 г.) // Агентство морского права. – URL: <http://oceanlaw.ru/wp-content/uploads/2018/02/Договор-о-Европейском-Союзе.pdf> (дата обращения: 29.07.2025).
2. О культурных ценностях, перемещенных в Союз ССР в результате Второй мировой войны и находящихся на территории Российской Федерации : Федеральный закон от 15.04.1998 № 64-ФЗ. // ГАРАНТ. – URL: <https://ivo.garant.ru/document/12111286/> (дата обращения: 25.09.2024).
3. Шенгенское соглашение // Современная Европа. – 2003. – № 1 (13). – С. 104-108.
4. Grundgesetz für die Bundesrepublik Deutschland. Bundeszentrale für politische Bildung. Bonn. 2013. S. 12.
5. Single European act // Official Journal of the European Communities. – 1987. – Vol. 30, № L 169. – URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=OJ:L:1987:169:FULL> (дата обращения: 29.07.2025).
6. The 1954 Paris Agreements and Western European Union (January–March 1955) // Luxembourg centre for contemporary and digital history. – URL: https://www.cvce.eu/en/obj/the_1954_paris_agreements_and_western_european_union_january_march_1955-en-bfd77c07-abf6-45bc-91d7-a603b8d0d07b.html (дата обращения: 01.08.2025).

1.2. Международные соглашения и декларации

7. «Дорожные карты» четырех общих пространств, утвержденные на саммите Россия-ЕС, Москва, 10 мая 2005 года // Министерство иностранных дел РФ. – 2005. – 11 мая. – URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/rso/1751893/ (дата обращения: 22.07.2025).

8. Договор между Российской Федерацией и Федеративной Республикой Германия о сотрудничестве и взаимопомощи таможенных служб (Москва, 16 декабря 1992 г.) // Министерство иностранных дел РФ. – URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contract_s/2_contract/48802/ (дата обращения: 19.07.2025).

9. Договор между Союзом Советских Социалистических Республик и Федеративной Республикой Германией об условиях временного пребывания и планомерного вывода советских войск с территории Федеративной Республики Германии (Бонн, 12 октября 1990 г.) // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/901736363> (дата обращения: 18.07.2025).

10. Договор о добрососедстве, партнерстве и сотрудничестве между Союзом Советских Социалистических Республик и Федеративной Республикой Германией (Бонн, 9 ноября 1990 г.) // Электронный фонд правовых и нормативно-справочных документов. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/901736371> (дата обращения: 22.07.2025).

11. Договор об окончательном урегулировании в отношении Германии от 12 сентября 1990 года // Сборник международных договоров. – Москва : Международные отношения, 1990. – С. 45-52.

12. Саммит Россия – Евросоюз (Брюссель, 11 ноября 2002 г.). Совместное заявление // Современная Европа. – 2002. – № 4. – С. 111-115.

13. Совецание по безопасности и сотрудничеству в Европе. Заключительный акт (Хельсинки, 1 августа 1975 г.) // Министерство

иностранных дел РФ. – URL:
<https://www.mid.ru/upload/medialibrary/c66/Хельсинский%20заключительный%20акт%20ОБСЕ.pdf> (дата обращения: 29.07.2025).

14. Совместное заявление Президента Российской Федерации В.В. Путина, Председателя Европейского совета А. Гутерриша, при содействии Генерального секретаря Совета ЕС/Высокого представителя по вопросам внешней политики и политики безопасности ЕС Х. Соланы, Председателя Комиссии Европейских сообществ Р. Проди (Москва, 29 мая 2000 г.) // Министерство иностранных дел РФ. – URL:
https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/rso/1684754 (дата обращения: 19.07.2025).

15. Совместное российско-германское заявление (Москва, 16 декабря 1992 г.) // Российская газета. – 1992. – 17 декабря.

16. Соглашение между правительством Российской Федерации и правительством Федеративной Республики Германия о культурном сотрудничестве (Москва, 16 декабря 1992 года) // Министерство иностранных дел РФ. – URL:
https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/2_contract/48597/ (дата обращения: 01.08.2025).

17. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Федеративной Республики Германия о научно-техническом сотрудничестве (Мюнхен, 16 июля 2009 г.) // Министерство иностранных дел РФ. – URL:
https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/2_contract/45460 (дата обращения: 19.07.2025).

18. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Федеративной Республики Германия о сотрудничестве в области исследования и использования космического пространства в мирных целях (Берлин, 2001 г.) // Министерство иностранных дел РФ. – URL:
https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/2_contract/46552 (дата обращения: 19.07.2025).

19. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Федеративной Республики Германия об изучении русского языка в Федеративной Республике Германия и немецкого языка в Российской Федерации (9 октября 2003 г.) // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/901941549> (дата обращения: 29.07.2025).

20. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Федеративной Республики Германия в области молодежного сотрудничества (21 декабря 2004 г.) // Министерство иностранных дел РФ. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/2_contract/46033/ (дата обращения: 29.07.2025).

21. Соглашение между Правительством Союза Советских Социалистических Республик и Правительством Федеративной Республики Германии о некоторых переходных мерах (Бонн, 9 октября 1990 г.) // Министерство иностранных дел РФ. – URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/2_contract/58115 (дата обращения: 01.08.2025).

22. Соглашение между Российской Федерации и правительством Федеративной Республики Германии об уходе за военными могилами в Российской Федерации и в Федеративной Республике Германии (Москва, 16 декабря 1992 г.) // Министерство иностранных дел РФ. – URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/2_contract/48791/ (дата обращения: 18.07.2025).

23. Соглашение о партнерстве и сотрудничестве, учреждающее партнерство между Европейскими Сообществами и их государствами-членами, с одной стороны, и Российской Федерацией, с другой стороны (о. Корфу, 24 июня 1994 г.) // Министерство иностранных дел РФ. – URL:

https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/2_contract/58992 (дата обращения: 19.07.2025).

24. Стратегия развития отношений Российской Федерации с Европейским Союзом на среднесрочную перспективу (2000-2010 гг.) (Хельсинки, 22 октября 1999 г.) // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/901773061> (дата обращения: 22.07.2025).

25. Agreement for cooperation between the European Atomic Energy Community and the Government of the Russian Federation in the field of nuclear safety : Document 22001A1031(01) // Official Journal of the European Communities. – 2001. – URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A22001A1031%2801%29> (дата обращения: 19.07.2025).

26. Agreement on cooperation in science and technology between the European Community and the Government of the Russian Federation : Document 22000A1128(01) // Official Journal of the European Communities. – 2000. – URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A22000A1128%2801%29> (дата обращения: 13.07.2025).

27. Ansprache von Bundespräsident Roman Herzog anlässlich der ersten Konferenz "Deutsch-Russisches Kulturforum Potsdamer Begegnungen" // Bundespräsidialamt. – 1999. – URL: https://www.bundespraesident.de/SharedDocs/Reden/DE/Roman-Herzog/Reden/1999/04/19990427_Rede.html (дата обращения: 22.07.2025).

28. BILAT-RUS project summary – CORDIS // European Commission. – URL: <https://cordis.europa.eu/project/id/244574> (дата обращения: 11.05.2025).

29. BMBF. German-Russian Cooperation // Bundesinstitut für Berufsbildung. – 2018. – URL: <https://www.bibb.de/govet/en/91483.php> (дата обращения: 22.07.2025).

30. Common Strategy of the European Union on Russia. European Council, Cologne, 3 and 4 June 1999 // European Union. – 1999. – URL: <https://publications.europa.eu/en/publication-detail/-/publication/38943c06-7e5d-4ca3-acc3-c5154bd9c04e/language-en> (дата обращения: 19.07.2025).

31. Deutscher Bundestag Stenografischer Bericht. Bundeskanzler Schröder. Bundesarchive Plenarprotokoll 15/4 // Deutscher Bundestag. – URL: <https://dserver.bundestag.de/btp/15/15004.pdf> (дата обращения: 01.08.2025).

32. ESA and Russia launch new partnership // CORDIS. – 2004. – URL: <https://cordis.europa.eu/article/id/23212-esa-and-russia-launch-new-partnership> (дата обращения: 22.07.2025).

33. EU-Russia Science & Technology Cooperation // COST Association. – 2020. – URL: <https://www.cost.eu/cost-at-the-eu-russia-joint-science-technology-cooperation-committee> (дата обращения: 29.07.2025).

34. Gesetz zu dem Abkommen vom 16. Dezember 1992 zwischen der Regierung der Bundesrepublik Deutschland und der Regierung der Russischen Föderation über die gegenseitige Hilfeleistung bei Katastrophen oder schweren Unglücksfällen // Bundesministeriums der Justiz sowie des Bundesamts für Justiz. – 1994. – URL: https://www.gesetze-im-internet.de/kathilabkrussf_g/KatHiLAbkRussFöG.pdf (дата обращения: 18.07.2025).

35. International Association for the promotion of cooperation with scientists from the New Independent States of the former Soviet Union (INTAS), 1993 // CORDIS. – URL: <https://cordis.europa.eu/programme/id/IC-INTAS> (дата обращения: 29.07.2025).

36. Rede von Bundeskanzler Gerhard Schröder bei der 37. Kommandeurstagung der Bundeswehr am 29. November 1999 in Hamburg // Die Bundesregierung. – URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/service/newsletter-und-abos/bulletin/rede-von-bundeskanzler-gerhard-schroeder-808490> (дата обращения: 01.08.2025).

37. Russian Agreement with CERN // CERN. – 1993. – URL: <https://home.web.cern.ch/news/press-release/cern/russian-agreement-cern> (дата обращения: 18.07.2025).

38. The DFG in Russia/CIS. Bonn, 2020 // Deutsche Forschungsgemeinschaft. – URL: <https://www.dfg.de/russia> (дата обращения: 19.07.2025).

1.3. Партийные программы и коалиционные соглашения

39. Aufbruch und Erneuerung - Deutschlands Weg ins 21. Jahrhundert. Koalitionsvereinbarung zwischen der Sozialdemokratischen Partei Deutschlands und Bündnis 90/Die GRÜNEN // Sozialdemokratische Partei Deutschlands. – URL: https://www.spd.de/fileadmin/Dokumente/Beschluesse/Bundesparteitag/koalitionsvertrag_bundesparteitag_bonn_1998.pdf (дата обращения: 19.07.2025).

40. Grün ist der Wechsel. Programm zur Bundestagswahl 1998 // Heinrich Böll Stiftung. – URL: https://www.boell.de/sites/default/files/assets/boell.de/images/download_de/publikationen/1998_Wahlprogramm_Bundestagswahl.pdf (дата обращения: 18.07.2025).

41. Ja zu Deutschland Ja zur Zukunft. Wahlprogramm der Christlich Demokratischen Union Deutschlands zur gesamtdeutschen Bundestagswahl am 2. Dezember 1990 // Konrad Adenauer Stiftung. – URL: https://www.kas.de/documents/252038/253252/1990_Wahlprogramm.pdf (дата обращения: 19.07.2025).

42. SPD-Programm für die Bundestagswahl 1998. Arbeit, Innovation und Gerechtigkeit // Sozialdemokratische Partei Deutschlands. – URL: https://www.spd.de/fileadmin/Dokumente/Beschluesse/Bundesparteitag/wahlprogramm_bundesparteitag_leipzig_1998.pdf (дата обращения: 19.07.2025).

43. Wir sichern Deutschland Zukunft. Regierungsprogramm von CDU und CSU // Konrad Adenauer Stiftung. – URL:

https://www.kas.de/documents/252038/253252/1994_Regierungsprogramm_Wir-sichern-Deutschlands-Zukunft.pdf (дата обращения: 01.08.2025).

2. Документы личного происхождения

44. Горбачев М. С. Как это было: объединение Германии / М. С. Горбачев. – Москва : Вагриус, 1999. – 239 с.

45. Ельцин Б.Н. Записки президента: Размышления, воспоминания, впечатления... / Борис Ельцин. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2008.

46. Kohl H. Erinnerungen 1990-1994 / Helmut Kohl. – München: Droemer Knaur Verlag, 2007. – 785 s.

47. Schröder G. Entscheidungen. Mein Leben in der Politik. / G. Schröder. – Hamburg, 2006. – 560 s. – Рус. пер.: Шредер Г. Решения. Моя жизнь в политике. – М., 2007. 547 с.

48. Schröder, G. Klare Worte / G. Schröder. – Freiburg im Breisgau Verlag Herder CmbH, 2014. – 238 s.

3. Статистические и аналитические материалы

49. ВВП стран мира в 1990–2023 гг. (по ППС) // Всемирный банк. – URL: <https://svspb.net/danmark/vvp-stran-wb.php> (дата обращения: 01.08.2025).

50. Индекс развития человеческого капитала. Социальный атлас российских регионов // МГУ Кафедра экономической и социальной географии России. – URL: <http://www.ecoross.ru/files/atlas/indexes/index.shtml> (дата обращения: 01.08.2025).

51. Anti-dumping measures // European Commission. – URL: https://policy.trade.ec.europa.eu/enforcement-and-protection/trade-defence/anti-dumping-measures_en (дата обращения: 29.07.2025).

52. E. Europe & C. Asia. GDF 2004 Summary // The World Bank. – 2004. – URL: <https://www.rrojasdatabank.info/gdf2004/eca.pdf> (дата обращения: 13.07.2025).

53. FDI flows to South-East Europe and the Commonwealth of Independent States Remained High in 2005 // United Nations Conference on Trade and Development. – 2006. – URL: <https://unctad.org/press-material/fdi-flows-south-east-europe-and-commonwealth-independent-states-remained-high-2005>

(дата обращения: 22.07.2025).

54. Metada Glossary // World Bank Group. – URL: <https://databank.worldbank.org/metadataglossary/jobs/series/BX.KLT.DINV.WD.GD.ZS> (дата обращения: 19.07.2025).

55. Newslane // ITER Organization. – 2024. – URL: <https://www.iter.org/newslane> (дата обращения: 13.05.2025).

56. Report by external evaluations on the programme of the international association for promotion of cooperation with scientists from new independent states of the former Soviet Union (INTAS) in the period 1993-2003 to the INTAS general assembly. External Evaluation Report of INTAS 1993-2003 // Zentrum für Soziale Innovation. – URL: <https://www.zsi.at/object/project/768/attach/FinalReportCB-revised.pdf> (дата обращения: 19.07.2025).

57. Russian Federation: Trade Summary 2004 // World Integrated Trade Solution. – URL: <https://wits.worldbank.org/CountryProfile/en/Country/RUS/Year/2004/Summary> (дата обращения: 22.07.2025).

58. World Investment Report 2010: Investing in a Low-Carbon Economy // United Nations Conference on Trade and Development. – URL: https://unctad.org/system/files/official-document/wir2010_en.pdf (дата обращения: 19.07.2025).

4. Материалы средств массовой информации

59. Гете-институт // Коммерсант – 2019 – 28 октября. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4135694> (дата обращения: 24.08.2025).

60. Россия – Германия: 1000 Сопоставлений. Коммерсант. – 1996. – 12 марта URL: <https://www.kommersant.ru/doc/12177> (дата обращения: 25.09.2024)

61. Пресс-конференция по итогам встречи на высшем уровне Россия – Европейский союз // Сайт Президента России. – 2005. – 10 мая. – URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/22967> (дата обращения: 19.07.2025).

62. Россия заплатит досрочно и по номиналу // Коммерсант. – 2005. – 08 апреля. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/568300> (дата обращения: 01.08.2025).

63. Торгово-экономическое сотрудничество между Россией и ФРГ. Справка // РИА новости. – 2005. – 26 июня. – URL: <https://ria.ru/20050626/40763710.html> (дата обращения: 13.07.2025).

64. Huterer M. Pressemitteilung vom 10. Dezember 2001 / M. Huterer. – Berlin : Auswärtiges Amt, 2001.

65. Interview des Bundesministers des Auswärtigen, Joschka Fischer, zu den deutsch-russischen Beziehungen mit der Nachrichtenagentur ITAR-TASS am 10, November 1998. Mitteilung für die Presse // Internationale Politik. – 1998. – 10. November. – URL: <https://internationalepolitik.de/ip/archive/jahrgang1998/dezember1998/documentation.html> (дата обращения: 09.03.2024).

66. Russia quits Eureka European scientific-technical program // Interfax. – 2023. – March 16. – URL: <https://interfax.com/newsroom/top-stories/88745/> (дата обращения: 13.07.2025).

67. Rußland-EU-Gipfel ohne greifbare Resultate. Wortreiche Wunschliste für mehr Kooperation // Neue Zürcher Zeitung. – 2005. – 11. Mai.

5. Аудиовизуальные материалы

68. Туровская, М., Меркерт, Й. О выставке и каталоге; под общей редакцией Й.Меркерт, И.Антоновой. Москва-Берлин. 1900–1950/ Berlin-Moskau: 1900–1950 : каталог выставки. М.: Галарт, 1995.

69. Abschiedszeremonie für die in Berlin stationierten Truppen der GUS // CVCE Archive. – URL: https://www.cvce.eu/de/obj/abschiedszeremonie_fur_die_in_berlin_stationierten_truppen_der_gus_31_august_1994-de-17f1ddfe-cd1d-4018-904c-a994051b4145.html (дата обращения: 29.07.2025).

70. Rosin P. Bundeskanzler – Die Ära Kohl 1982-1998 / P. Rosin // Konrad Adenauer Stiftung. – URL: <https://www.bundeskanzler-helmut-kohl.de/seite/bundeskanzler-die-aera-kohl-1982-1998/> (дата обращения: 18.07.2025).

II. Литература

71. Абрамов А. Е. Инвестиционные фонды: Доходность и риски, стратегии управления портфелем, объекты инвестирования в России / А. Е. Абрамов. – Москва : Альпина Бизнес Букс, 2005. – 416 с.

72. Авдеенко Е. Г. Европейская политика ФРГ в период правления «красно-зеленой» коалиции (1998-2005 годы) / Е. Г. Авдеенко // Вестник Челябинского государственного университета. – 2012. – № 7 (261). – С. 91-99.

73. Авдеенко Е. Г. От Маастрихта к Амстердаму: стратегия ФРГ в области общей внешней политики, безопасности и обороны в Европе / Е. Г. Авдеенко // Вестник Челябинского государственного университета. – 2011. – № 22. – С. 112-121.

74. Акульшина А. Европейская политика в области науки и инноваций / А. Акульшина, Е. Пилиева // Современная Европа. – 2013. – № 2 (54). – С. 57-74.

75. Антидемпинговые процедуры Европейского Союза в торговле с Россией // Бюллетень иностранной коммерческой информации. – 1999. – № 7 (7897). – С. 28-35.
76. Арбатова Н. К. Влияние кризиса на внешнюю и оборонную политику Европейского союза / Н. К. Арбатова // Мировая экономика и международные отношения. – 2013. – № 8. – С. 3-21.
77. Арбатова Н. К. Стратегическая автономия Европейского союза: реальность или благое пожелание? / Н. К. Арбатова // Полис. Политические исследования. – 2019. – № 6. – С. 36-52.
78. Атакишиева Д. Г. Эволюция интеграционной политики де Голля (середина 50-х – конец 60-х гг. XXв.) / Д. Г. Атакишиева, Н. Н. Наумова // Genesis: исторические исследования. – 2021. – № 8. – С. 28-44.
79. Ахтамзян А. А. Объединение Германии и его международно-политические последствия / А. А. Ахтамзян // Вестник Московского университета. Серия: Международные отношения и мировая политика. – 2010. – № 4. – С. 3-26.
80. Бабынина Л. О. 20 лет Маастрихтскому договору: куда движется Европейский союз? / Л. О. Бабынина // Вестник Московского университета. Серия: Международные отношения и мировая политика. – 2012. – № 2. – С. 4-19.
81. Барабанов В. А. Историко-культурные предпосылки современного взаимодействия Европы и России и установление официальных отношений ЕС и РФ в 90-е годы XX века / В. А. Барабанов // Исследования некоторых исторических и политологических проблем : межвузовский сборник научных работ / сост. В. М. Борисов. – Москва : Альфа, 2006. – Вып. 2. – С. 58-63.
82. Барабанов В. А. Создание политико-правовой базы развития культурного сотрудничества между Россией и Европейским союзом / В. А. Барабанов // История государства и права. – 2008. – № 1. – С. 13-16.

83. Барабанов О. А. Европейское сообщество и югославский кризис в конце 1990-1993 гг. / О. А. Барабанов // Омский научный вестник. – 2013. – № 2. – С. 26-30.
84. Безродная А. Ю. Российский дом науки и культуры: деятельность, значимость, вклад / А. Ю. Безродная // Скиф. Вопросы студенческой науки. – 2018. – № 11 (27), С. 191-201.
85. Белов В. Б. Немецкие прямые инвестиции в России : монография / В. Б. Белов. – Москва : Институт Европы РАН, 2002. – 88 с.
86. Белов В. Б. Россия и Германия: научно-техническое сотрудничество / В. Б. Белов // Современная Европа. – 2005. – № 3 (19). – С. 65-78.
87. Божик К. Б. Короткий "золотой век" в отношениях России и Германии (1998-2005) / К. Б. Божик // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2018. № 4(812). С. 77-91.
88. Бордачев Т. В. Новый стратегический союз Россия и Европа перед вызовами XXI века: возможности «большой сделки» / Т. В. Бордачев. – Москва : Европа, 2009. – 298 с.
89. Бордачев Т. В. Пределы европеизации. Россия и Европейский союз 1991-2007: теория и практика отношений / Т. В. Бордачев. – Москва : Изд. дом ГУ ВШЭ, 2007. – 258 с.
90. Борко Ю. А. Взаимосвязь процессов расширения и углубления европейской интеграции / Ю. А. Борко // Расширение Европейского Союза и Россия / под ред. О. В. Буториной, Ю. А. Борко. – Москва : Деловая литература, 2006. – С. 11-42.
91. Борко Ю. А. Европейский Союз на пороге XXI века. Выбор стратегии развития : монография / Ю. А. Борко. – Москва : Эдиториал УРСС, 2001. – 471 с.
92. Борко Ю. А. От европейской идеи – к единой Европе / Ю. А. Борко. – Москва : Деловая литература, 2003. – 463 с.

93. Борко Ю. А. Россия – Европейский Союз: стратегия стратегического партнерства : монография (Доклады Института Европы РАН, № 157) / Ю. А. Борко, Д. А. Данилов. – Москва : Институт Европы РАН, 2005. – 76 с.
94. Борко Ю. А. Россия – Евросоюз: состоялось ли стратегическое партнерство? / Ю. А. Борко // Современная Европа. – 2014. – № 2. – С. 19-30.
95. Борко Ю. А. Свет и тени европейской интеграции / Ю. А. Борко // Россия в глобальной политике. – 2007. – Т. 5, № 1. – С. 46-59.
96. Валуев А. В. Тони Блэр, Герхард Шредер и "третий путь": история несостоявшегося альянса (1998 - 2000 гг.). / А. В. Валуев // Россия в глобальном мире: социально- теоретический альманах. – 2005. – №9. – С. 23 - 28.
97. Васильев В. И. Герхард Шредер: человек, политик, дипломат: К 70-летию со дня рождения / В. И. Васильев // Международная жизнь. – 2014. №. 4. С. 51 - 62.
98. Васильев В. И. С позиций разумного подхода (к 70-летию Г. Шредера) / В. И. Васильев // Пути к миру и безопасности. – 2014. – № 1(46). – С. 110-113.
99. Водорезов С. И. Становление отношений России и Европейского Союза / С. И. Водорезов // Вестник Брянского государственного университета. – 2009. – № 2. – С. 13-18.
100. Воробьева Л. М. Внешняя политика ФРГ на пороге XXI века : монография / Л. М. Воробьева. – Москва : РИСИ, 2000. – 356 с.
101. Германия. Вызовы XXI века : монография / В. Б. Белов, С. В. Абрамова, К. К. Баранова [и др.]; под ред. В. Б. Белова. – Москва : Весь мир, 2009. – 792 с.
102. Гладков И. С. К новому этапу во взаимной торговле Европейского Союза и Российской Федерации / И. С. Гладков // Власть. – 2013. – № 5. – С. 14-18.

103. Данилов Д. А. Россия в большой Европе: стратегия безопасности / Д. Данилов // Современная Европа. – 2000. – № 2 (2). – С. 50-62.
104. Европейские прямые инвестиции в России // Институт мировой экономики и международных отношений. – 2006. – URL: https://www.imemo.ru/files/File/ru/publ/2006/06_005.pdf (дата обращения: 19.07.2025).
105. Егоров А. И. Россия – Германия: попытка стратегического партнерства (1998-2005 годы) / А. И. Егоров // Известия Саратовского университета. Серия История. Международные отношения. – 2012. – Т. 12, № 1. – С. 80-88.
106. Егоров А. И. Россия Германия: от «Стратегического партнерства» к прагматическому сотрудничеству (2001-2008 гг.) / А. И. Егоров // Вестник Томского государственного университета. История. – 2012. – № 1 (17). – С. 167-175.
107. Егоров А. И. Связи России и Германии в инвестиционной сфере: Федеральный и региональный уровни (1990-е–начало 2000-х гг.) / А. И. Егоров // Вестник НГТУ им. Р. Е. Алексеева. Серия: Управление в социальных системах. Коммуникативные технологии. – 2012. – № 4. – С. 56-63.
108. Ефременко И. Н. Основные направления экономического сотрудничества России и Германии / И. Н. Ефременко, Н. О. Панченко // Финансовые исследования. – 2010. – № 3 (28). – С. 10-17.
109. Иванова Т.И. «Петербургский диалог»: становление и развитие (2001–2004 гг.) «Запад-Восток» // Научно-практический ежегодник. – 2009. – №. 2.– С. 106-113.
110. Иванченко А. Г. Международный научно-технический центр: созидание через сотрудничество / А. Г. Иванченко // Российский химический журнал. – 2001. – Т. 45, № 5-6. – С. 3-6.
111. Кириллова А. Н. Проблема советского долга РФ в Германно-Российских отношениях в годы работы "Красно-зеленой" коалиции (1998-2005 гг.) / А. Н. Кириллова // Вестник Вологодского государственного

университета. Серия: Гуманитарные, общественные, педагогические науки. – 2017. – № 3(6). – С. 7-9.

112. Кочин И. А. Эволюция модели общей внешней политики и политики безопасности Европейского союза / И. А. Кочин // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. – 2006. – № 1 (19). – С. 87-98.

113. Кузнецов А. В. Прямые иностранные инвестиции: «эффект соседства» / А. В. Кузнецов // Мировая экономика и международные отношения. – 2008. – № 9. – С. 40-47.

114. Летов В. А. Нетарифные меры и ограничения в международной торговле / В. А. Летов // Проблемы экономики и юридической практики. – 2009. – № 5. – С. 241-243.

115. Макарычев А. Германская политика на востоке Европы: дебаты о нормах и нормализации / А. Макарычев // Форум новейшей восточноевропейской истории и культуры – Русское издание. – 2013. – № 1. – С. 56-58.

116. Максимычев И. Ф. Германский фактор в европейской политике России (Доклады Института Европы, № 134) / И. Ф. Максимычев. – Москва : Институт Европы РАН, 2004. – 167 с.

117. Михалева Т. Н. Европейское право. 1.6 Маастрихтский договор и образование Европейского союза / Т. Н. Михалева // ВикиЧтение. – URL: <https://law.wikireading.ru/hxgqdzv8Us> (дата обращения: 03.08.2025).

118. Мухаева Н. Р. Право Европейского союза : учебное пособие / Н. Р. Мухаева. – Москва : ЮНИТИ-ДАНА, 2006. – 159 с.

119. Наука: С Россией под одной крышей. 11.02.2005 // Иносми. – 2005 – 11 февраля URL: <https://inosmi.ru/20050211/217155.html> (дата обращения: 29.07.2025).

120. Ниццкий договор – реформа институтов ЕС // Электронная библиотека Ozlib. – URL:

https://ozlib.com/887656/sotsium/nitstskiy_dogovor_reforma_institutov#aftercont

(дата обращения: 29.07.2025).

121. Павлов Н. В. Внешняя политика ФРГ от Аденауэра до Шредера / Н. В. Павлов, А. А. Новиков. – Москва: Московские учебники, 2005. – 605 с.

122. Павлов Н. В. Российско-германские отношения в контексте европейской интеграции // Ученые записки Череповецкого государственного университета. 2015. № 1. С. 74-79.

123. Павлов Н. В. Россия и Германия: несостоявшийся альянс (история с продолжением) / Н. Павлов. – Москва: Аспект Пресс, 2017. – 560 с.

124. Павлов, Н.В. Германия и Россия в новой Европе 1990–2010 гг. (к периодизации российско-германских отношений) // Россия и Германия в новой Европе: конец XX – начало XXI вв.: Материалы Международной Интернет-конференции (май - июнь 2012 г.) / Сост. Б.В. Петелин, Т. Шнайдер. – Череповец: ЧГУ, 2012. – 98 с.

125. Польшов М. Ф. М. С. Горбачев и объединение Германии / М. Ф. Польшов // Новейшая история России. – 2011. – № 1. – С. 201-215.

126. Порецкая Е. А. Великобритания и Маастрихтский договор 1992 года / Е. А. Порецкая // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия История. Международные отношения. – 2012. – Т. 12, № 2. – С. 101-103.

127. Родович, Ю.В. Россия и Германия на рубеже XX–XXI веков: проблема реституции. // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. – 2013. – Т. 3, № 1. С. 128-137.

128. Романова Т. А. Евросоюз как нормативная сила и проблемы ее восприятия в России как барьер на пути политико-правового сближения / Т. А. Романова // Вестник Санкт-Петербургского университета. – 2011. – № 1. – С. 52-66.

129. Российско-германские отношения в контексте европейской безопасности / под общ. ред. В. И. Дашичева, отв. ред. Н. К. Меден. – Москва : Институт экономики РАН, 2009. – 186 с.

130. Россия и Европейский союз : учебное пособие / под ред. С. М. Юна. – Томск : ТомГУ, 2014. – 330 с.
131. Руднева Е. Портфельные инвестиции / Е. Руднева // Финансовый словарь банки.ру. – URL: https://www.banki.ru/wikibank/portfelnyie_investitsii/ (дата обращения: 19.07.2025).
132. Сергей Ястржембский: Самая острая проблема в повестке дня России и ЕС – фактор 2007 // ИА Регнум. – 2005. – 28 ноября. – URL: <https://regnum.ru/news/551479> (дата обращения: 18.07.2025).
133. Смирнов С.В. Россия-Германия: nordstream – пример доброй воли и эффективного сотрудничества (непростая история большого проекта) // Современная Европа. – 2013 – № 2 (54), С.116-128.
134. Соглашение о партнерстве и сотрудничестве с Россией 1994 г., комментарий к.ю.н. Калиниченко П.А. // Eulaw.edu. – URL: <https://archive.md/RB0k6> (дата обращения: 01.12.2024).
135. Тимошенкова Е.П. Партийно-политическая система Германии в период канцлерства А. Меркель (2005–2017 гг.) – М.: Ин-т Европы РАН, 2020. (Доклады Института Европы № 369), 148 с.
136. Ткаченко С. Л. Концепция энергетической сверхдержавы и отношения Российской федерации и Евросоюза в области энергетики / С. Л. Ткаченко // Экономика качества. – 2014. – № 4 (8). – С. 84-94.
137. Филитов А.М. Германская нация и германское национальное сознание в исторической ретроспективе // Журнал политической философии и социологии политики «Полития. Анализ. Хроника. Прогноз». – 2005. – №. 2. С. 22-38.
138. Фрольцов В. В. Постсоветские государства во внешней политике ФРГ (1991-2005) / В. В. Фрольцов. – Минск : БГУ, 2013. – 431 с.
139. Фуко М. Археология знания / М. Фуко. – Санкт-Петербург : Гуманитарная академия, 2004. – 415 с.
140. Хавкин Б.Л. Лев Копелев и диалог культур / Б. Л. Хавкин // Интеллигенция и мир. – 2025. – № 3. – С. 146–156.

141. Хейфец Б. А. Российский синдром голландской болезни / Б. А. Хейфец // Российский внешнеэкономический вестник. – 2023. – № 6. – С. 78-91.
142. Худолей К. К. Отношения России и Европейского Союза: новые возможности, новые проблемы / К. К. Худолей // Россия и Европейский союз: переосмысливая стратегию взаимоотношений / под ред. А. Мошеса. – Москва : Гендальф, 2003. – С. 8-30.
143. Что такое Tacis. Программа содействия развитию экономических и политических связей Европейского союза // Коммерсантъ. – 2002. – 3 июля. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/330469> (дата обращения: 19.07.2025).
144. Шайтхудинова Г. Р. Принцип гибкости в Амстердамском договоре 1997 года / Г. Р. Шайтхудинова // Вестник Чувашского университета. – 2006. – № 5. – С. 71-83.
145. Эмерсон М. Формирование политических рамок Большой Европы // Современная Европа 2004. № 3. С. 90–95.
146. Adomeit H. Die «Gemeinsamen Räume» Rußlands und der EU – Wunschbild oder Wirklichkeit? / H. Adomeit, L. Rainer // Stiftung Wissenschaft und Politik Deutsches Institut für Internationale Politik und Sicherheit. – URL: https://www.swp-berlin.org/publications/products/studien/2005_S34_adm_ldr_ks.pdf (дата обращения: 01.08.2025).
147. Anderson J. J. Mars or Minerva? A United Germany in a Post-Cold War Europe / J. J. Anderson, J. B. Goodman // After the Cold War: International Institutions and State Strategies in Europe, 1989-1991 / R. Keohane, J. Nye, S. Hoffmann (eds). – Cambridge, MA : Harvard University Press, 1993. – P. 23-62.
148. Anwendungsbeispiele aus der Finanzwissenschaft // Muenster Uni Vorlesung Archive. – URL: <https://web.archive.org/web/20120324165143/http://www.wiwi.uni-muenster.de/insiwo/Download/Vorlesung/WuE/8.Staatsverschuldung.pdf> (дата обращения: 01.08.2025).

149. Arnold H. Deutschlands Grope. Deutsche Aussenpolitik zwischen Macht und Mangel / H. Arnold. – München : Piper Verlag, 1995. – 192 s.

150. Bärenbrinker F. Hallstein's Conception of Europe before Assuming Office in the Commission / F. Bärenbrinker // Walter Hallstein: The Forgotten European? / W. Loth, W. Wallace, W. Wessels (eds). – Basingstoke : Macmillan Press LTD, 1998. – P. 82-91.

151. Baun M. J. The Maastricht Treaty as High Politics: Germany, France, and European Integration / M. J. Baun // Political Science Quarterly. – 1995-1996. – Vol. 110, № 4. – P. 605-624. – URL: <https://www.jstor.org/stable/2151886> (дата обращения: 18.07.2025).

152. Borowsky P. Die westeuropäische Integration 1963-1974 / P. Borowsky // Bundeszentrale für politische Bildung. – 2002. – URL: <https://www.bpb.de/shop/zeitschriften/izpb/zeiten-des-wandels-258/10114/die-westeuropaeische-integration-1963-1974/> (дата обращения: 29.07.2025).

153. Bulletin from the European community // Archive of European integration. – URL: <https://aei.pitt.edu/43606/1/A7414.pdf> (дата обращения: 19.07.2025).

154. Buzan B. Regions and Powers: The Structure of International Security / B. Buzan, O. Waever. – Cambridge : Cambridge University Press, 2003. – 598 p.

155. Deutsche Außenpolitik im Wandel. Unstete Bedingungen, neue Impulse / G. Maihold, S. Mair, M. Müller [et al.] // Stiftung Wissenschaft und Politik. – 2021. – URL: https://www.swp-berlin.org/publications/products/studien/2021S15_Deutsche_Aussenpolitik.pdf (дата обращения: 01.08.2025).

156. Dijkstra H. The Common Foreign and Security Policy / H. Dijkstra, S. Vanhoonacker // Oxford Research Encyclopedia of Politics. – URL: <https://oxfordre.com/politics/view/10.1093/acrefore/9780190228637.001.0001/acrefore-9780190228637-e-155> (дата обращения: 19.07.2025).

157. Dokumente zur Vertiefung und Erweiterung der Europäischen Union // Internationale Politik. – 2000. – № 2. – URL:

<http://www.internationalepolitik.de/ip/archive/jahrgang2000/februar2000/dokumentation.html> (дата обращения: 13.05.2025).

158. Duchêne F. Die Rolle Europas im Weltsystem: Von der regionalen zur planetarischen Interdependenz / F. Duchêne // Zivilmacht Europa – Supermacht oder Partner? / M. Kohnstamm (ed.). – Frankfurt am Main : Suhrkamp, 1973. – S. 11-35.

159. Emerson M. EU-Russia. Four Common Spaces and the Proliferation of the Fuzzy, CEPS Policy Brief no. 71 / M. Emerson // Centre for European Policy Studies. – 2005. – URL: <https://cdn.ceps.eu/wp-content/uploads/2009/08/1224.pdf> (дата обращения: 18.07.2025).

160. Frenz A. The European Commission's Tacis programme 1991-2006. A success story / A. Frenz // Archive of European integration. – URL: https://eeas.europa.eu/sites/default/files/tacis_success_story_final_en.pdf (дата обращения: 01.08.2025).

161. Funk A. Serie Bundestagswahlen: 1998: Schröders Sieg, Kohls Ende / A. Funk // Tagespiegel. – 2013. – 02. August. – URL: <https://www.tagesspiegel.de/gesellschaft/geschichte/schroders-sieg-kohls-ende-2560639.html> (дата обращения: 19.07.2025).

162. Galanos G. Greece and the Euro: The Chronicle of an Expected Collapse / G. Galanos, A. Kotios, G. Pavlidis // Intereconomics. – 2011. – Vol. 46, № 5. – P. 263-269. – URL: <https://www.intereconomics.eu/contents/year/2011/number/5/article/greece-and-the-euro-the-chronicle-of-an-expected-collapse.html> (дата обращения: 19.07.2025).

163. Götz R. Zehn Jahre Wirtschaftstransformation in Rußland – und der Westen / R. Götz // Osteuropa. – 2001. – Vol. 51, № 11/12. – P. 1286-1304. – URL: <https://www.jstor.org/stable/44921800> (дата обращения: 29.07.2025).

164. Heinecke S. Die deutsche Russlandpolitik 1991-2005. Entwicklungen und gesellschaftliche Einflüsse in außenpolitischen Entscheidungsprozessen / S. Heinecke // Universität zu Köln. – URL: <https://kups.ub.uni-koeln.de/4329/1/Heinecke.pdf> (дата обращения: 01.08.2025).

165. Hilz W. Kontinuität und Wandel deutscher Außenpolitik nach 1990 / W. Hilz // Bundeszentrale fuer politische Bildung. – URL: <https://www.bpb.de/shop/zeitschriften/izpb/deutsche-aussenpolitik-304/7902/kontinuitaet-und-wandel-deutscher-aussenpolitik-nach-1990/> (дата обращения: 19.07.2025).
166. History of Social Democracy / M. Reschke, C. Krell, J. Dahm [et al.] // Friedrich Ebert Stiftung. – 2013. – URL: <https://library.fes.de/pdf-files/iez/10390.pdf> (дата обращения: 29.07.2025).
167. ITB infoservice: Russland – Modernisierung durch Innovation und Forschung // Kooperation International. – 2012. – URL: <https://www.kooperation-international.de/aktuelles/nachrichten/detail/info/itb-infoservice-russland-modernisierung-durch-innovation-und-forschung> (дата обращения: 18.07.2025).
168. Keohane R. O. The Promise of Institutional Theory / R. O. Keohane, L. L. Martin // International security. – 1995. – Vol. 20, № 1. – P. 39-51.
169. Knelangen W. Die Osterweiterung der EU / W. Knelangen // Der Burger im Staat. – 2004. – URL: https://www.buergerundstaat.de/1_04/Osterweiterung.pdf (дата обращения: 22.07.2025).
170. Kramer E. Europäisches oder atlantisches Europa? Kontinuität und Wandel in den Verhandlungen über eine politische Union 1958-1970 / E. Kramer. – Baden-Baden : Nomos Verlagsgesellschaft Mbh & Co, 2003. – 331 s.
171. Krickovic A. When Interdependence Produces Conflict: EU-Russia Energy Relations as a Security Dilemma / A. Krickovic // Contemporary Security Policy. – 2015. – Vol. 36, № 1. – P. 3-26.
172. Krüger D. Sicherheit durch Integration? Die wirtschaftliche und politische Zusammenarbeit Westeuropas 1947 bis 1957/58 / D. Krüger. – München : Oldenbourg, 2003. – 567 s.
173. Küsters H. Walter Hallstein and the Negotiations on the Treaties of Rome 1955–57 / H. Küsters // Walter Hallstein: The Forgotten European? / W. Loth, W. Wallace, W. Wessels (eds.). – New York : St. Martin's Press, 1998. – P. 60-81.

174. Laursen F. The Maastricht Treaty: A Critical Evaluation / F. Laursen // Academia. – 2016. – URL: https://www.academia.edu/21353668/The_Maastricht_Treaty_A_Critical_Evaluation_on_EIPAScope_1992 (дата обращения: 13.07.2025).
175. Loth W. Die Teilung der Welt. Geschichte des Kalten Krieges, 1941-1955 / W. Loth. – München : Dt. Taschenbuch Verl., 1989. – 368 s.
176. Maass A. S. EU-Russia Relations, 1999-2015: From Courtship to Confrontation / A. S. Maass. – London : Routledge, 2016. – 203 p.
177. Maull H. Germany and Japan: The New Civilian Powers / H. Maull // Foreign Affairs. – 1990. – Vol. 69, № 5. – P. 91-106.
178. Maull H. W. Deutsche Außenpolitik Nach der "Review 2014": Zivilmacht 2.0? / H. W. Maull // Zeitschrift Für Politik. – 2015. – Vol. 62, № 3. – S. 323-341. – URL: <http://www.jstor.org/stable/43775877> (дата обращения: 18.07.2025).
179. Maull H. W. Germany and the Use of Force: Still a 'Civilian Power'? / H. W. Maull // Survival. – 2000. – Vol. 42, № 2. – P. 56-80. – URL: <https://ir101.co.uk/wp-content/uploads/2019/01/Maull-Germany-and-the-Use-of-Force.pdf> (дата обращения: 19.07.2025).
180. Mearsheimer J. J. The tragedy of great power politics / J. J. Mearsheimer. – New York : W.W. Norton & Company, 2001. – 160 p. – URL: <https://samuelbhfaure.com/wp-content/uploads/2015/10/s2-mearsheimer-2001.pdf> (дата обращения: 22.07.2025).
181. Meier C. Deutsch-russische Wirtschaftsbeziehungen unter Putin. Praxis – Probleme – Perspektiven / C. Meier // Stiftung Wissenschaft und Politik. – 2014. – URL: https://www.ssoar.info/ssoar/bitstream/handle/document/24384/ssoar-2004-meier-deutsch-russische_wirtschaftsbeziehungen_unter_putin.pdf (дата обращения: 29.07.2025).
182. Moravcsik A. Explaining the Treaty of Amsterdam: Interests, Influence, Institutions / A. Moravcsik, K. Nicolaïdis // Journal of Common Market Studies. – 1999. – Vol. 37, № 1. – P. 59-85.

183. Morgenthau H. J. Politics Among Nations: The Struggle for Power and Peace / H. J. Morgenthau. – New York : Knopf, Cop., 1978. – 650 p.
184. Nye. J.S. Soft Power: The Means to Success in World Politics / J.S. Nye. – New York: Public Affairs, 2004. – 192 p.
185. Pehlivatuerk B. Civilian Powers and Contemporary Global Challenges / B. Pehlivatuerk, B. Demitras // Perceptions. – 2018. – Vol. 23, № 1. – P. 1-7. – URL: <https://dergipark.org.tr/en/download/article-file/815431> (дата обращения: 01.08.2025).
186. Posen A. S. The Euro Payoff: Germany's Economic Advantages from a Large and Diverse Euro Area / A. S. Posen // Peterson Institute for International Economics. – 2011. – URL: <https://www.piie.com/commentary/speeches-papers/euro-payoff-germanys-economic-advantages-large-and-diverse-euro-area> (дата обращения: 13.07.2025).
187. Rahr A. Russland gibt Gas. Die Ruckkehr einer Weltmacht / A. Rahr. – Muenchen : Hanser, 2008. – 280 s.
188. Schrotthofer K. Bundeswehr muß bleiben / K. Schrotthofer // FOCUS Magazin. – 1996. – 23. September. – URL: https://www.focus.de/politik/deutschland/bundeswehr-muss-bleiben-deutschland_id_1870183.html (дата обращения: 18.07.2025).
189. Schulze P. Die Zukunft Russlands. Staat und Gesellschaft nach der Transformatioskrise / P. Schulze, H.-J. Spanger. – Frankfurt am Main : Campus, 2000. – 424 s.
190. Smidt S. Handbuch zur deutschen Außenpolitik / S. Smidt, G. Hellman, R. Wolf // Archive von Deutsche Nationalbibliothek. – 2007. – URL: https://www.academia.edu/9078199/Handbuch_zur_deutschen_Außenpolitik (дата обращения: 01.08.2025).
191. Smith K. E. Beyound the civilian power debate / K. E. Smith // Politique Européenne. – 2005. – № 1 (17). – P. 63-82. – URL: <http://eprints.lse.ac.uk/812/1/BeyondPDF.pdf> (дата обращения: 22.07.2025).

192. Spanger H.-J. Paradoxe Kontinuitäten. Die deutsche Russlandpolitik und die koalitionären Farbenlehren. HSFK-Report 12/2005 / H.-J. Spanger // Hessische Stiftung Friedens- und Konfliktforschung. – URL: <https://www.files.ethz.ch/isn/29884/report1205.pdf> (дата обращения: 29.07.2025).
193. Spiesberge M. An Analysis of EU-Russian Cooperation in S&T / M. Spiesberge // Brussels: Centre for Social Innovation (ZSI). – 2008. – URL: https://www.zsi.at/object/publication/3337/attach/CRESTCountryReportRussia_AnAnalysisOfEU-RussianCooperationInS_T.pdf (дата обращения: 11.03.2025).
194. Staack M. Handelsstaat Deutschland. Deutsche Außenpolitik in einem neuen internationalen System / M. Staack. – Paderborn : Schöningh, Cop., 2000. – 560 s.
195. Stöss R. Die SPD und die Bundestagswahl 1998. Ursachen und Risiken eines historischen Wahlsiegs unter besonderer Berücksichtigung der Verhältnisse in Ostdeutschland / R. Stöss, G. Neugebauer // Freie Universität Berlin. Arbeitshefte. – URL: <https://www.polsoz.fu-berlin.de/polwiss/forschung/systeme/empsoz/team/ehemalige/Publikationen/schriften/Arbeitshefte/arbeitshefte2.pdf> (дата обращения: 22.07.2025).
196. Tewes H. What Is Civilian Power? / H. Tewes // Germany, Civilian Power and the New Europe. New Perspectives in German Political Studies. – London : Palgrave Macmillan, 2002. – P. 9-32.
197. The (Trading) Costs of a Non-EU (in German) / G. Felbermayr, J. K. Gröschl, I. Heiland, J. Stehn // Kiel Institute for the World Economy. – 2019. – URL: <https://www.ifw-kiel.de/publications/the-tradingcosts-of-a-non-eu-in-german-22187> (дата обращения: 29.07.2025).
198. The 'empty chair' policy // Luxembourg centre for contemporary and digital history. – URL: https://www.cvce.eu/obj/the_empty_chair_policy-en-f6d19361-9a7a-4e39-ae93-0f898e652d85.html (дата обращения: 29.07.2025).
199. The Luxembourg Compromise // Luxembourg centre for contemporary and digital history. – URL: https://www.cvce.eu/obj/the_luxembourg_compromise-en-501a4bc3-f295-447f-a98a-3c1d50b46cd9.html (дата обращения: 18.07.2025).

200. Timmermann H. EU-Russland: Hintergründe und Perspektiven einer schwierigen Beziehung / H. Timmermann // Institut fuer Europäische Politik Archive. – URL: <http://archiv.iep-berlin.de/wp-content/uploads/2017/04/Timmermann-EU-Russland.pdf> (дата обращения: 13.07.2025).

201. Tsygankov A. P. Russia's Foreign Policy: Change and Continuity in National Identity / A. P. Tsygankov. – Lanham, MD : The Rowman & Littlefield Publishing Group, Inc., 2013. – 308 p.

202. Van der Meulen E. Gas Supply and EU-Russia Relations / E. Van der Meulen // Europe-Asia Studies. – 2009. – Vol. 61, № 5. – P. 833-856.

203. Vanhoonacker S. From Maastricht to Amsterdam: Was it Worth the Journey for CFSP? / S. Vanhoonacker // EIPAscope. – 1997. – № 2. – URL: <https://aei.pitt.edu/804/> (дата обращения: 19.07.2025).

204. Wagensohn T. Die Dominanz Der Neuen Sachlichkeit: Rußland und Deutschland – von El'cin zu Putin / T. Wagensohn // Osteuropa. – 2001. – Vol 51, № 4/5. – P. 522-531. – URL: <http://www.jstor.org/stable/44921601> (дата обращения: 29.07.2025).

205. Waltz K. Reflections on Theory of International Politics: A Response to My Critics / K. Waltz // Neorealism and its critics. – New York : Columbia University Press, 1986. – P. 79-102.

206. Weise R. Die Entwicklung der deutschen Investitionen in Russland / R. Weise, H. Schmidt, K. Müller. – Berlin : Springer, 1997. – 162 s.

207. Wendt A. Social Theory of International Politics / A. Wendt. – Cambridge : Cambridge University Press, 1999. – 448 p.

208. Witte A. Die Rolle der Vereinigten Staaten im Jugoslawien-Konflikt und der außenpolitische Handlungsspielraum der Bundesrepublik Deutschland (1990-1996) / A. Witte // Leibniz Institut fuer Sozialwissenschaften. – URL: https://www.ssoar.info/ssoar/bitstream/handle/document/63281/ssoar-2000-witte-Die_Rolle_der_Vereinigten_Staaten.pdf (дата обращения: 22.07.2025).

209. Zagorski A. Is the Outcome Worth the Effort? Reflections on the Russo-German Top Down Dialogue / A. Zagorski // German Foreign Policy in Dialogue Newsletter. – 2004. – P. 7-12.

Приложения

Приложение 1 – Распределение голосов в Совете ЕС в рамках Ниццкого договора*

Государство	Количество голосов
Германия, Италия, Франция, Великобритания	29
Испания, Польша	27
Нидерланды	13
Бельгия, Чехия, Греция, Венгрия, Португалия	12
Австрия, Швеция	10
Дания, Финляндия, Ирландия, Литва, Словакия	7
Кипр, Эстония, Латвия, Люксембург, Словения	4
Мальта	3

* Расчет автора на основании текста Ниццкого договора (ст. 205) // Договор, учреждающий Европейское Сообщество (в редакции Ниццкого договора)

URL: https://eulaw.ru/treaties/teuratom_edit/

**Приложение 2 – Матрица влияния на международные отношения
дорожной карты по созданию 4 совместных пространств**

Сфера взаимодействия	Конкретное предложение	Влияние на международные отношения
Экономическое пространство	1. Поддержка реформ и устранение торговых и инвестиционных барьеров. 2. Гармонизация законодательства и административных процедур. 3. Создание консультационных механизмов между регуляторами. 4. Возможность заключения отдельного инвестиционного соглашения.	Предложения сформулированы крайне обтекаемо и часто дублируют уже имеющиеся декларации. Прямые обязательства отсутствуют. С одной стороны, Россия не проявляет готовности к полной либерализации торговли с ЕС, особенно в сфере промышленной продукции. ЕС, в свою очередь, не открывает аграрный рынок³⁰⁹. Т. е. конструктивной повестки нет, что демонстрирует определенного рода стагнацию. Текст дорожных карт не вышел за границы ранних договоренностей и в лучшем случае оставил экономический статус кво. Концепция энергетической сверхдержавы³¹⁰ будет отрефлексирована, сформулирована и предложена позже. Но даже она не решает обозначенных проблем.
Пространство свободы,	1. Упрощение перемещения	Документ избегает упоминания ценностных категорий – демократии, прав

³⁰⁹ Rußland-EU-Gipfel ohne greifbare Resultate. Wortreiche Wunschliste für mehr Kooperation // Neue Zürcher Zeitung. 2005. 11. Mai.

³¹⁰ Ткаченко С. Л. Указ. соч.

безопасности, правосудия	людей, развитие визового диалога. 2. Сотрудничество в борьбе с организованной преступностью, отмыванием денег и нелегальной миграцией. 3. Обмен информацией между правоохранительными структурами.	человека, верховенства права, что можно считать уступкой позиции России. Однако ключевые задачи (например, взаимные обязательства по реадмиссии мигрантов) не были реализованы. Другой важный вопрос - визовая либерализация отложен "на долгую перспективу". Фиксируется глубокое взаимное недоверие, особенно в трактовке понятий «безопасности» и «правосудия». Более того, в документе нет упоминания Калининграда. Конечно, позитивные подвижки были и транзит был улучшен, но масса проблем осталась нерешенной. Если в рамках пространства замалчиваются целые массивы проблем, то это лишь сильнее говорит о кризисе смыслов.
Внешняя безопасность	1. Совместное кризисное реагирование. 2. Поддержка международных организаций (в частности, ОБСЕ и Совета Европы). 3. Ведение диалога по региональной безопасности.	Раздел носит самый декларативный и расплывчатый характер. Не упоминаются реальные конфликты (Чечня, Кавказский регион, Украина, Югославия – самые горячие и болезненные нарывы в пространстве совместной безопасности, если подходить к проектированию основательно) отсутствует план по координации ради их решения. В ходе переговоров, России добилась устранения терминов «ENP» (Европейская политика соседства) и «соседние государства». Это

		очень важная оговорка на фоне тлеющих конфликтов, обозначенных выше и европейской политики соседства ЕС, которая воспринималась российской стороны как попытка ограничить влияние в зоне СНГ ³¹¹ . Однако внесение этой оговорки воспринимается как замалчивание проблем и нежелание искать компромиссы для их решения.
Наука и культура	1. Создание Европейского колледжа при МГИМО. 2. Поддержка мобильности ученых, студентов, деятелей искусства. 3. Сотрудничество в сфере технологий и модернизации.	Это – самый конкретный и реализуемый блок. Именно в этой сфере был достигнут наибольший прогресс: соглашения по научным программам, визовые преференции для отдельных профессиональных групп. В то же время, ожидания России по технологическому трансферу остаются завышенными, а готовность ЕС делиться чувствительными технологиями ограниченной в связи с боязнью потери конкурентного преимущества.

*Составлено автором на основе собственного анализа влияния «дорожной карты» по созданию 4 общих пространств» на международные отношения

³¹¹ Emerson M. EU-Russia. Four Common Spaces and the Proliferation of the Fuzzy, CEPS Policy Brief no. 71 // Centre for European Policy Studies. 2005. URL: <https://cdn.ceps.eu/wp-content/uploads/2009/08/1224.pdf> (дата обращения: 18.07.2025).

Приложение 3 – Структура накопленных германских ПИИ в страновом разрезе, млн долл.*

Год	Россия	Польша	Венгрия	Чехия	Словакия	Румыния	Болгария
1994	37	1 875	1 143	868	255	341	105
1995	2 017	3 659	5 103	2 562	2 587	419	90
1998	2 761	6 365	3 335	3 718	725	2 031	537
1999	4 389	7 270	3 312	6 324	428	1 027	819
2001	4 450	5 701	3 936	5 642	1 584	1 158	809
2003	7 950	4 588	2 137	2 103	2 160	2 196	2 089
2004	12 488	12 874	4 506	4 974	3 030	6 436	3 397
2005	26 073	10 293	7 709	11 653	2 429	6 483	3 916

* Составлено автором. Запасы/позиции прямых инвестиций» (stocks, end-year), направление из Германии в страну-получателя (outward, directional principle), валюта USD, совокупно по типам капитала (equity + intercompany debt). Источник данных: открытый массив данных OECD (https://db.nomics.world/OECD/FDI_CTRY_IND_SUMM).

Приложение 4 – Лидеры по накопленным ПИИ в России*

Страна	Накопленные суммы, млн. долл. (на конец года)								
	ПИИ (данные Росстата)						ПИИ (сведения национальной статистики)		Инвестиции всех видов, 2005
	1998	2000	2002	2003	2004	2005	2002	2003	
Всего	11769	16124	20351	26131	36147	49751		...	111835
Нидерланды	576	1152	2398	2796	8805	16125	2009	3738	18909
Кипр	2920	3224	3927	5037	10094	13915	...	...	19279
Германия	876	1255	1714	2542	2550	2714	2329	2728	9726
Великобритания	881	982	2190	2828	1602	2044	1200	1406	12752
Швейцария	253	225	360	822	957	1128	987	1347	2364
Франция	127	256	303	331	433	905	700	1333	3918
Швеция	214	610	525	...	...	...	260	422	< 2000
Финляндия	364	246	323	540	...	...	363	509	< 2000
Люксембург	...	...	242	222	263	451	≈350	≈465	20984
Бельгия	...	...	119	...	...	...			...
Австрия	...	110	156	...	292	≈380	1160	1832	< 2000
Норвегия	...	...	...	...	...	...	421	611	< 2000
Ирландия	...	...	249	...	...	...	...	...	...
Италия	...	161	194	...	...	...	...	...	...
Дания	...	...	73	...	...	...	214	290	...
Испания	...	...	58	...	...	...	> 66	> 81	...

Украина	...	< 5	< 14	< 22	30	...	73	87	...
США	3217	5486	4220	4297	4310	4361	1135	1753	6844
Япония	226	215	573	1353	...	...	50	14	< 2000

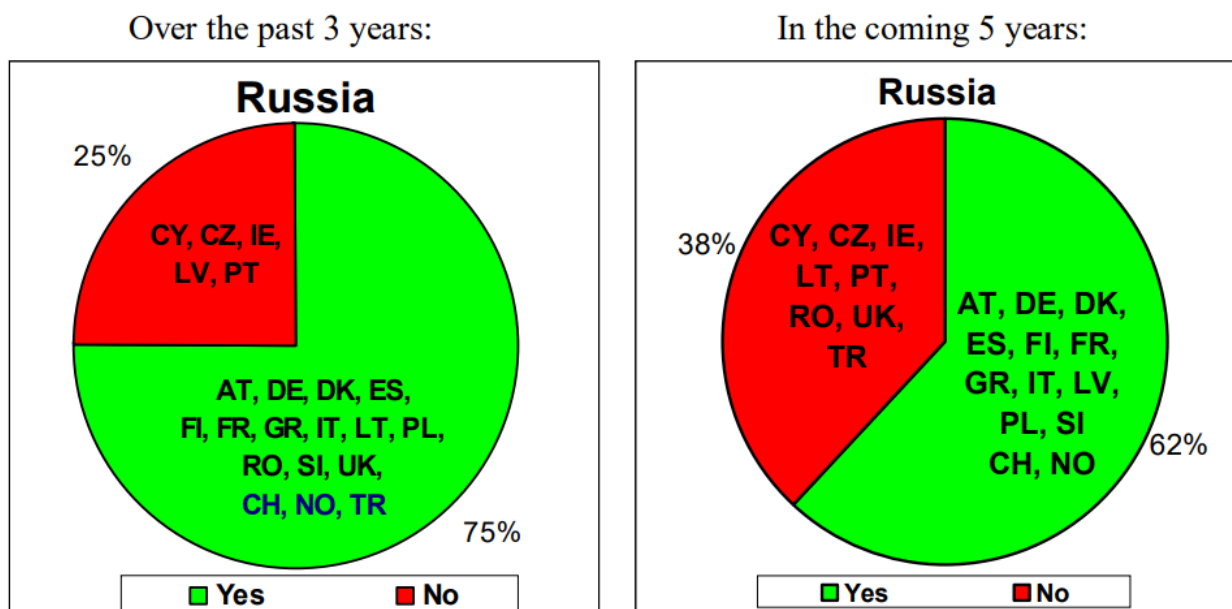
*Составлено на основе сведений Росстата (www.gks.ru) и статистических ведомств Великобритании (www.statistics.gov.uk), Норвегии (www.ssb.no), Испании (www.mcx.es), Украины (www.ukrstat.gov.ua) и США (www.bea.doc.gov), данных о платежных балансах, собираемых центральными (национальными, федеральными) банками Нидерландов (www.statistics.dnb.nl), ФРГ (www.bundesbank.de), Швейцарии (www.snb.ch), Швеции (www.riksbank.com), Финляндии (www.bof.fi), Франции (www.banque-france.fr), Австрии (www.oenb.at), Бельгии (www.nbb.be), Дании (www.nationalbanken.dk) и Японии (www.boj.or.jp). Примечание: все валюты пересчитаны в доллары по курсу на конец года.

Приложение 5 – Сдвиги в структуре накопленных германских ПИИ*

Отраслевая специализация германских инвесторов	Доля отраслей, %					
	Все страны		ЕС-15		ЦВЕ и СНГ	
	1995	2003	1995	2003	1995	2003
Обрабатывающая промышленность,	42,9	29,9	40,1	23,2	52,2	34,4
в том числе: химическая	15,0	6,2	11,5	7,8	2,9	3,1
автомобилестроение	7,6	14,0	8,8	5,1	19,4	15,1
электротехническая	6,8	2,5	5,7	1,9	5,1	2,8
общее машиностроение	4,7	2,1	4,2	2,2	6,7	2,7
Банковское дело	11,1	16,8	14,0	13,1	6,2	5,1
Страхование	3,8	2,5	4,4	2,1	0,4	0,3
Другие отрасли	11,6	8,7	10,8	9,7	18,0	21,2
Многоотраслевые конгломераты	30,6	42,1	30,7	51,9	23,2	39,0
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

* Составлено на основе: Kapitalverflechtung mit dem Ausland / Deutsche Bundesbank. – Frankfurt am Main : Deutsche Bundesbank, Mai 1998. – S. 32-34 ; April 2005. – S. 32-34.

**Приложение 6 – Стратегические инициативы по укреплению
двухстороннего научно-технического сотрудничества с Россией
(страновой разрез, перспектива 3 и 5 лет)***

*Составлено на основе Spiesberge M. An Analysis of EU-Russian Cooperation in S&T / M. Spiesberge // Brussels: Centre for Social Innovation (ZSI).
— 2008. — URL:
https://www.zsi.at/object/publication/3337/attach/CRESTCountryReportRussia_AnAnalysisOfEU-RussianCooperationInS_T.pdf S.26.

Приложение 7 – Обобщенная карта российско-германских торговых отношений

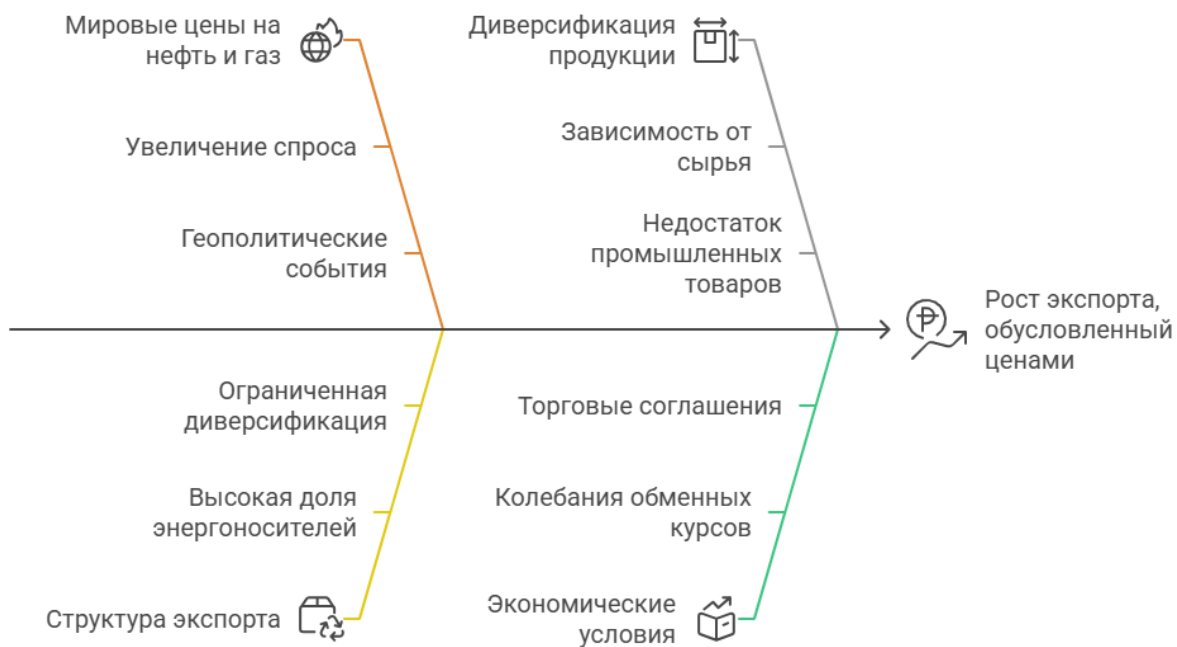
Структура российско-германской торговли

* Составлено автором. Изображение схемы структуры торговых отношений

Приложение 8 – Блок-схема специфики причин развития российско-германских товарных отношений

Анализ роста экспорта России в Германию

*Составлено автором. Изображение схемы причин развития торговых отношений